

ИГОРЬ ШУМОВ
ТЕЛЬЦЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Шумов

Тельце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64465521

SelfPub; 2021

Аннотация

Творится мир, что-то двигается. «Тельце» – это мистический бытовой гиперреализм, возможность взглянуть на свою жизнь через извращенный болью и любопытством взгляд. Но разве не прекрасно было бы иногда увидеть молодых, сильных, да пусть даже и больных людей, которые сами берут судьбу в свои руки – и пусть дальше выйдет так, как они сделают. Содержит нецензурную брань.

Содержание

мама без сына	17
I	17
II	19
III	22
IV	25
V	31
VI	37
бутылка	41
ТЕЛЬЦЕ	78
1.	78
2.	88
3.	96
4.	109
5.	115
6.	121
7.	133
8.	142
9.	147
10.	154
11.	160
12.	171
13.	179
14.	189

15.	197
16.	201
17.	216
МОЛОДАЯ РОССИЯ	226
жилка	273
РУКА	314

Игорь Шумов

Тельце

мама сына

Листья переливались в солнечном свете. От желтого к черному. За окном курили дети, по приколу прижигая друг другу ладони. Собачники вцепились в поводки, и непонятно, кто кого водил от забора к забору. Все более неактуально, как соль на раны, срывал ветер с билборда лицо кандидата. Несмотря на все это и вставшее шоссе, в квартире было достаточно тихо. Газ громко шипел, из-под кастрюли вырывались оранжевые огни. Опасный запах по комнате летал.

В ванной мама вытирала кожу сына. Аккуратно, будто бы малейшее резкое движение заставило бы кровь стекать на пол. Вода гремела и заглушала дурные мысли. Она не отрывала глаз от своего чада. «Мой сыночек драгоценный» – он стыдился ее слов. Покрывался на людях краской, пытался держать себя холодно и мужественно, как и любой подросток. Родители никогда не поймут своих детей – зачем они пытаются быть старше, ведь дальше будет только хуже. Врожденная в детей наивность похожа на глупость и заставляет старших улыбаться. И завидовать. Мама укутала сына в полотенце. Те годы, когда она могла спокойно взять его на руки, поднести к груди напиться, давно ушли в прошлое, и

вернуться им не суждено. Сильна материнская любовь или упрямство: напрягая спину, она донесла его до спальни.

Вот он лежит голенький. Кожа покрылась красными парными складками. С мокрых патл стекали последние капли на постельное белье. Вот он, сын. Возмужалый, державший тайком в руках сигарету. Она нашла зажигалки у него в рюкзаке несколько месяцев назад и проклинала себя за это. Какой пример подала сыну! Отец курил, не стыдился, она его ругала. Потом привыкла от любви. Стоило самой попробовать – не оторваться. Стыдила себя за привычку, бросала, снова возвращалась, пачки прятала, бутылки бычками забивались, потом балкон разложением пах. А отчего все? Нервы не держались, тяжелые месяца печали и утрат прошли с матерью под руку. И все никак не отпускали. Каждую родинку сына она знала, каждый шрам на руках носил в голове дату. На щеках проявлялась первая щетина, но она не могла – никак не могла! – назвать его мужчиной. Ей стало не по себе. Как долго она смотрит на голого сына? А тот учтиво молчит, не перечит матери.

А помнишь, как ты скрывал, что мастурбируешь? Что ты удивляешься? Родители прекрасно об этом знают – мы стираем твои вещи, и сами подобное в твоём возрасте... практиковали. Знаки оставлял, да. Подушку у стены бросал – значит, лежал, дергал. Ночью шаги всегда слышно, да, и чем тише пытаешься, тем они становятся громче.

– А раньше всегда поднимал голос, стоило мне только на

тебя посмотреть! Совсем разболелся, бедняжка. Мой любимый, сынок. Понимаю, жарко, потно. Знобит? Конечно знобит. Давай я тебя одену. И нечего краснеть. Ничего стыдного в этом нет. Я тебя вот таким, смотри, с мизинец помню, вышивала тебя, а ты так смотришь! Бескультурный, совсем мать не любишь? Старая уже, а ребенка одеваю. И носки наденем. Потеть надо, чтобы вся зараза выходила из организма. Воды пей больше. Нет, не вставай, я сама принесу.

Вот, пей. Ах же ты, криво... У тебя дырка во рту что ли? Эх, ладно. Давай вытрем. Зато освежился. Дай я температуру померю. Да ты весь горишь? Какой ужас! Так, где градусник? Вот, засовывай подмышку. Так, держи крепко. Хорошо. Жди пока не запищит. Да, ты, наверное, не помнишь, но в детстве, ты как-то упал в обморок. Как очнулся – ходил с белым лицом несколько дней и отказывался рассказывать, что же ты видел. Мы-то, дураки, думали, ты притворялся и не хотел идти на самбо, строил из себя больного. Болел сильно. И очень не любил градусник. Держи крепко, кому говорю? А то температуру неверно покажет. Не могу поверить, что столько лет прошло.

Не могу смотреть на тебя в болезни. Мне сердце будто кушают мыши. Ты долго уже болеешь, и врачи нам не хотят помогать. Ничего, все наладится. Я вижу, тебе сегодня лучше. Был бы твой отец здесь... Да кого я обманываю, да? Не было бы его здесь, гулял бы еще где. Никто тебя как я не любит. Вот скажи мне, где эта девочка, как ее там... Маша, да. Ты

болеешь, никакой, считай, при смерти, смотришь сам себе в глаза. Спроси себя – и где она? Какая она тебе после этого жена? Плохая, нелюбящая, я совсем молчу.

Давно, когда ты еще играл в компьютерные игры, было как... Я сидела тогда на кухне и что скрывать – курила, все ждала твоего отца, в окно смотрела. Ты подбегаешь ко мне с криками «Мама! Мама!». Больше звука не знаю. Уже вижу, как ты порезался или сломал себе что-то, слезы быстрее мысли наворачиваются на глаза. Падаешь в колени и говоришь: «Как могут люди продавать наркотики детям? Как люди могут умирать?». И я плакала от радости, пока ты горевал, не верил, что такое существует; что люди наживаются на других, делают им больно, кормятся их бедами. Мы плакали вместе, чаще, чем любой матери хотелось бы. Но я до сих пор не могу отблагодарить Бога за то, что мы вместе. Тебя клонит в сон, меня тоже. Сколько бессонных ночей. Ты бредишь, а я хочу тебе помочь. Быть похожей на тебя. Мы будто бы вместе сходим с ума, и весь мир вместе с нами. Это они ненормальные, не успевают. А с нами все в порядке, сына, все в порядке.

Ты никогда не ценил жизни, никогда. Игрался с ней, обменивал по дешевке. Зачем ты заставлял меня волноваться? Ты мне сердце разбивал, но я из материнской любви собирала его заново и протягивала тебе. Оно вечно выскальзывало из рук. Разве я не обеспечила детство? За что ты меня так усердно ненавидишь? Ты не голодал. Морозился только

от собственной глупости. Внимания не хватало? Внимания? Все в моих разумных силах приложила, чтобы ты учился, а ты что? Я тебе деньги на обед кладу в портфель, ты их пускаешь на сладости и сигареты. Я знаю, что ты куришь, знаю! Ты пытался скрываться? Наверное, это Паша, из той семьи неблагополучной. Почему ты не радуешься, что ты родился и вырос в семье? А не в детдоме. У вас драка была с этой, как его, Леной? Или Олей? Когда ты гадостей ей наговорил, а она за себя заступилась. Как ты мог, дурак? Сначала она тебя по голове, потом отец тебя попе. Но вот больше его нет, и тебе что, не хватает? Благодарить Бога надо, что ты не в Пашиной семье родился. Как и он, начал бы с травки, а закончил... как и все закончил, в горе.

Но ты все равно с ним рос, друзья не разлей вода. И во что он тебя втянул, во что? Тебе там места никогда не было, родной. Ну ты посмотри на себя. Кожа да кости, какие драки? Какие разборки? Какой криминал? Тебе в нем, не дай Бог, только жертвой стать. И что ты узнал из такой жизни? Поделись со мной, может, я что нового узнаю. Ты прости меня, что я тебе мораль читаю, но я же мать, чем мне еще заниматься? Не учу, нет, ты уже всему сам научился. С другой стороны показываю, что есть люди, которые за тебя беспокоятся, кому на тебя не наплевать. Кто будет тебе еще передачи носить? Я думала умру, когда мне позвонили из полиции и сказали: «Ваш сын задержан». Я – рыдать, кожу с себя заживо сдирать. Звонить всем, кому только можно, но никто

не был в силах помочь. Тогда я сама пришла к ним. Не помню я, как его звали, и помнить не хочу. Лицо у него только было как у твоих друзей, только с погонами, в форме и на один-два зуба больше. Умоляю, объясняю, что это все Паша, ты-то здесь был причем? Мой сын ни в чем не виноват. А он мне вот это, вот тот, все на тебя выводит. Что мне оставалось делать. Посмотри на меня – я не красива больше, время молодости давно прошло. В школе за мной бегали, а теперь и я... побежала... Сделала, как считала нужно, и тогда же тебя и отпустили. Как я тебе раньше такое скажу? Узнают люди, начнут шептаться. Слухи шли, но разве это важно? Ты пропускал их мимо ушей, не верил, лез с одноклассниками драться. А ведь вы все правы были. В какой-то степени.

Я долго прожила и хочу, чтобы с тобою было так же. Немногое зависит от тебя, но что ты поделаешь с этим? Выбирай друзей по уму, не по чувствам. Не связывайся с тем, с чем не готов повеситься или утонуть. А по-хорошему – обойди и это стороной. Любовь не ищи с деньгами, любовь бедна, а состоятельность только от тебя одного, родной, зависит. Скажи – ты не держишь на меня обиду? Почему я так подумала – не знаю. Никто тебе не выгонял, я всегда хотела, чтобы ты был рядом. Ведь любовь матери, она такая... Может показаться навязчивой, но, прошу, не думай так. Никто не хочет, чтобы их чадо росло и исчезало. Мы рожаем вас ради того, чтобы вы жили дальше, но не даем этого сделать, потому что не верим в то, что это произойдет. Дай я тебя

обниму, ну, не сопротивляйся, порадуй маму.

У тебя угри все не проходят... Сколько раз я тебе говорила: завязывай ты с этим. Жрешь одно сладкое, смотреть противно. А ты думаешь, от чего прыщи-то? От хорошей жизни, да. Кола, мучное, все вот это. Куда оно уходит – кожа да кости! Ты не хочешь про угри разговаривать? Мне в школе говорили, как над тобой смеются. Одноклассники твои, как их там... из детдома. Тьфу, из пансионата за окном. Пономаренко и Усов, не помню имена. Учительница вас разминает, а ты тоже драться лезешь. Терпеть не можешь, я тебя понимаю. Нельзя терпеть над собой издевательства, никогда нельзя. Очень жаль, что рядом нет отца, кто мог бы тебя научить этому. Его тоже в школе, того... Вот как бороться с травлей? Я не педагог, но в отличие от них я всегда рада и готова помочь тебе. Ты мой сын, ты моя кровинушка. Расскажи мне, как же ты умудрился позволить... Прости, я не это имела в виду. Хотя кому я вру? Именно это. Ты хоть и сын мне, но жалость во мне не бесконечная. Схватили тебя они, вдвоем, а ты зубы спрятал. За волосы взяли и кинули о стену, ты корчись, сопротивляйся. Кидал в них кулаками. Почему не звал на помощь? Почему не кричал? Ты гордый, да? Конечно, гордый. И где теперь твоя гордость? Окунули. Ножом грозили? Но не нашли уже у них ничего... Я тебе верю... Я тебе верю... не хочу, но буду, обязательно буду.

От того все и проблемы у вас, мальчишек, из-за девочек. Твои переживания – говори не говори – я все равно все вижу

беспокойство. Тебе стыдно смотреть в зеркало, во все, в чем можно рассмотреть отражение. Ты для меня самый красивый, ведь я смотрю в твою душу через глаза. Шершавая кожа, красная, пораненная. Говорила же – нельзя давить, нельзя. Иначе никогда не пройдет. Давай я сама. Вот, смотри. Эта штука, как пинцет, специально для фурункулов сделана. Берешь перекинь, ватный диск, смачиваешь прыщ. Обязательно моешь руки перед этим, иначе заразу занесешь. И не давишь, а просто вот так, легонько. Не больно? И пинцетом надавливаешь на прыщ. Это гной, жирные руки, все оттуда. Комплексы в тебе давно росли и в пубертате только укрепились. Не обращают девочки внимания, и даже били. Только одна та шалава – и где она, а? Ладно, ладно. Не буду я больше. Послушай мать – как мне простить ее за то, какое горе она тебе принесла? Что тебе юность принесла – только ненависть и зависть к остальным!

Я боюсь за то, кем ты можешь стать. Что вырастет из тебя такими темпами? Оттого и не могу я оторвать тебя от груди. Ведь я твоей спасение. Кто еще есть у тебя? Друзья, что при первых же бедах отвернутся; девушки эти, современные, останутся у себя в Купчино или Тропарево вместо того, чтобы последовать за тобой на землю, полную испытаний, где силы-то только в друг друга искать можно. Прошло так мало лет, а ты так много пережил. И наш развод, и травлю, и разбитое сердце, так еще и болезнь... За что она нас так? Так и маньяком можно стать. У нас в округе бывал такой один,

хранил детей В убитых в гараже, пятьсот метров от дачи самого Ельцина! Представь, какая наглость. Ты не забывай – это все временно, это все не навсегда. Одноклассники пройдут, учителя – их имена забудутся. Наступит жизнь разгульная, где ты сделаешь себя заново. Не приходится матерям такое говорить, но не забывай, кто ты есть – но пусть тебя другие забудут, и ты сможешь начать новую жизнь. Новую прекрасную жизнь.

У тебя жар спал? Будем мерять? Нет? Ты хочешь спать, я вижу. Я рядом полежу, мешать не буду.

***

– Да? – ответил грубый голос.

– Здравствуйте, – раздалось в телефоне, – я хотела бы врача вызвать на дом. Сын болеет, боюсь его из дома выводить.

– А какие симптомы?

– Да все странно. Думала грипп, а температура то есть, то нет, сейчас вообще ниже нормальной. И сопли, и кровь из носа, и живот у него болит. Все не слава Богу!

– Диктуйте адрес, – женщина с регистратуры потянулась к карандашу. – Не так быстро. Ага, ага. Номер СНИЛСа еще. Спасибо, минуту.

– Какая минуту? – подняла голос мать. – У меня ребенок, может, умирает. Как можно медлить?

– Не можем найти номер в базе и карту регистрационную.

– Карта у меня на руках. Прошу, приезжайте скорее!

От городского госпиталя – рукой подать. Машина скорой помощи не спеша выехала из гаража. Светофоры они не проезжали – водитель и санитар с наслаждением курили. Доктор смотрелась в боковое зеркало и не могла понять, растут ли у нее волосы на переносице. Небо хмурилось, с опозданием зажглись вдоль дороги фонари. Машина завернула во дворы. Среди одинаковых домов сложно было найти нужный корпус. Скорые заезжали сюда нечасто.

– Эй! – крикнул водитель мужчине в кожаной кепке. – Скажи, где здесь восьмой корпус.

– Да вот тут, – он показал пальцем за дом позади него. – Какой подъезд?

– Второй, – крикнула врач.

– Следующий, – сказал мужчина и смачно харкнул за спину.

Врач и санитар подошли к домофону и позвонили в нужную квартиру. Дверь без слов открылась. На четвертом этаже они нашли квартиру: на пороге стояла женщина в халате; лет сорока, с серыми, как пепел, волосами. Под глазами светились фиолетовые круги. Вид у нее был болезненный, тревожный. Она пыталась зажечь сигарету, но спички тухли, не успев приблизиться к губам. Очевидно, они приехали по адресу.

– Наконец-то! – вскрикнула женщина. – Быстрее! Проходите внутрь, скорее. Моему сыну плохо!

– Женщина, не паникуйте! – строго приказала врач. – Давно болеет?

– Давно, давно. Я его сама лечила, давала таблетки. Ему лучше становилось. Часто болеет.

– Самолечение? – с недовольной ухмылкой спросил санитар.

– Где больной? – спросила врач.

– У себя в комнате, проходите. Можете не разуваться.

Они подошли к двери, завешанной стикерами и плакатами. Открыв ее, врач и санитар почувствовали странный запах. В комнате настоялась тяжелая вонь. На кровати, укутанный в одеяло с головой, лежал человек. Длинные волосы торчали наружу, словно осьминог на солнце.

– Он спит? – спросила врач.

– Может быть. Давайте я его разбужу, – женщина наклонилась к голове сына. – Родной, вставай. Тебя сейчас врачи посмотрят.

Женщина стянула одеяла, и санитар застыл. Врач от испуга вскинула руки. Ладони опустели, чемоданчик ударился об пол. Мир будто бы треснул. Под одеялом они увидели мертвенно-бледное тело. Его губы посинели, глазные впадины давно лишились крови. Казалось, что вот оно, тело – прямо на глазах распадается на кусочки и с минуты на минуту из него полезут жуки и паразиты. Все было понятно, но – они не могли и подумать, что мать смогла бы пропустить смерть сына – врач поднесла ладонь к шее ребенка. Холод-

ный. Мертвый. Ни о каком пульсе не могло быть и речи.

– Понимаете, – говорила мать, – он у меня с самого детства болезненный. Легкие, печень. В школу пошел – гнобили, отец нас бросил. Я не знаю, как вообще выдержала все это. А теперь и он заболел. Выходить из дома не хочет, со мной не разговаривает, а только ругается. Скажи врачам, как ты себя чувствуешь, родной. Видите? Видите? Молчит, назло молчит. Я сама все скажу за него. В общем, бронхит был, грипп, ОРВИ... Избили его как-то, перелом на тренировке. Но это все пустяки, я знала, что он все переживет. Потом ночью начал кашлять, знаете, еще пытался сделать вид, что все в порядке. Насильно заставлял себя замалчивать, лицо в подушку прятал. Так мило было, за сон мой волновался. Я ведь работала почти всегда, пока он не заболел. Взяла больничный, сижу с ним и....

мама без сына

I

В палате настоялось горе. Зинаида Петровна сидела у кровати, в которой лежал ее сын, а если быть точнее, то, что от него осталось. Тело потеряло былую красоту, здоровьем даже и не пахло. Ранее спортсмен, а теперь больной в вегетативном состоянии, без шанса на реабилитацию. Пока за окном пели птицы и перекрикивали друг друга маляры, она плакала без остановки, умоляя Всевышнего прислушаться к ней хотя бы на минуту. Ни для кого не секрет, что Господь слышит всех и всегда, но Зинаида Петровна была уверена, что Бог слушал ее вскользь, оттого и сыну не легчало. Она проклинала всех, кого видела в больнице: пациентов и их родных, кто также обращался к Богу от беды; циничных врачей, неспособных понять ее тревоги; остальных сотрудников больницы, отрешенных и, конечно же, робких друзей, ждущих своей очереди за дверью.

Зинаида Петровна держала сына за руку и вздрагивала от мельчайшего шороха. Вот сейчас он очнется, сожмет ее руку и улыбнется – внушала она себе – и все станет как прежде хорошо. Не смущал Зинаиду Петровну резкий запах мочи и

формалина. Она корчилась, отворачивала нос, только девять его было некуда.

– Сына, мама рядом, – приговаривала она, наводя сына обратно к реальному миру, миру живых.

Но он, по своей юности и глупости, упорно не слушал. Горе сменяло злость, злость раздражала, и вот она выкачивала из Зинаиды Петровны последние соки. Виновник произошедшего был только один – она сама. Зинаида Петровна успела сотни раз приговорить себя к смерти за то, что не уследила за своим сыном, не научила его жизни и оставила без присмотра. Следующими в расстрельном списке были друзья. Говорила же – не водись с ними, ни к чему хорошему не приведут наркоманы.

– Я таких десятки знала, – взрыд рассказывала она, – подруга твоего отца кололась, квартира превратилась в притон, спала на лестничной клетке, в окружении шприцов. Это конец, а не жизнь. Все начинается с веселья, а о будущем кто думать будет? Зачем о нем думать, ведь с наркотиками его нет!

Сын не реагировал, не язвил, не отворачивался. Лежал себе в коматозном состоянии, пока мама над ним изливалась горькими слезами.

II

В палату зашел врач. Высокий, статный, с седой бородой. От него пахло сигаретами. На лице прослеживалась невыносимая усталость. Он не ожидал увидеть Зинаиду Петровну в палате, хоть и сидела она здесь больше недели.

– Доброе утро, Зинаида Петровна, – сказал врач.

– Здравствуйте, Петр Сергеевич.

Хоть врач был и старше Зинаиды Петровны, она обращалась к нему с такими тоном, который свойственен общению с детьми. Быстро исчезло к нему доверие. Мысль о том, что жизнь сына находится в руках такого бесчувственного и циничного человека, не давала ей спать. Она не скрывала этого. На второй день ночевки в больнице, она прямо сказала Петру Сергеевичу, что если ее сын умрет, то виноват будет именно, халатный старикашка. Это сильно оскорбило Петра Сергеевича, настолько, что он собирался за волосы выгнать ее из больницы, но не стал. Старым он себя не считал и другим того позволять не собирался. Не первый раз он встречает человека в подобном упадническом состоянии вечной злобы и обиды, и причины ему были более-менее понятны.

– Вы же сюда пришли чтобы меня выгнать, да? – спросила Зинаида Петровна.

– Нет, вы что? Сидите, я за больничным листом пришел, –

Петр Сергеевич подошел к столу, засыпанном цветами и сладостями, щедро купленными со скидкой в магазине через дорогу. – Да где же он?

– Петр Сергеевич, есть какие-то изменения?

– Вы их видите?

– Эм, нет, – с недопониманием ответила мать.

– И я тоже. Значит, нету.

– А как же анализы? Лечение? Лекарства? Зачем его тогда всего искололи?

– Зинаида Петровна, я с вами об этом еще на прошлой неделе говорил, – Петр Сергеевич сел на кровать, чуть не сдавив ногу больного. – Я понимаю, насколько вам тяжело. Немыслимо. Не дай Бог кому столкнуться с этим. Многие бы уже в петлю полезли, каждому бы вашу стойкость. Каждый день мы смотрим изменения и... Их нет. Шансы, что ваш сын вернется к нормальной жизни, равны нулю. Есть возможность отправить его за границу на лечение, но это слишком большие деньги для... Но! Но! Не начинайте. Если вы действительно сможете все продать, что у вас есть, то хватит максимум на половину курса; от половины пользы будет столько же, сколько если он дальше здесь у нас находиться будет. Мы с вами уже об этом говорили, помните? Кредит возьмете? Тогда ваш сын, если все-таки все наладится, будет остатки жизни в костылях отрабатывать его.

– Как вы можете такое говорить? – Зинаида Петровна не могла сдерживать слезы.

– Мне очень тяжело, как и вам, но не стоит порождать дополнительные муки. Вы не должны страдать за своего сына.

– Уйдите, пожалуйста! – закричала Зинаида Петровна. – Ой, кажется, мне нехорошо...

Петр Сергеевич подбежал к белому шкафу и достал из него бутылку воды, платок и нашатырь.

– Вот, попейте. Станет легче. Поймите же, Зинаида Петровна, что я врач. По профессии и головой. Пришел же к этому не вдруг, а с годами работы. Все мои действия и мысли направлены на то, чтобы сделать вашему сыну лучше. Немного в наших силах, такая уж человеческая судьба, и я прошу вас взглянуть на ситуацию иначе. Скажите, насколько вы уверены, что вашему сыну хотелось бы вот так лежать?

Зинаида Петровна перестала его слушать. Она сложила руки на груди сына и мирно уснула. Прошлая ночь забрала остатки ее сил. Было сложно признаться самой себе в усталости. Плоть слаба даже у тех, кто обязан быть сильным; кто обязан жить ради другого. Порой формируются без спроса мысли плачевные, грязные и не свойственную человеку во все. Зинаида Петровна от них отбивалась, принимая за попытки дьявола предать собственного сына и забрать обе души в преисподнюю. Сон не принес ей успокоения, а наоборот – она видела тьму, но не пустоту; ощущала ее как нечто реальное, словно прикосновение руки неприятной, человека из очереди или чужого ребенка. Фыркая и стонавши, она спала.

III

В ушедший день Петр Сергеевич еще несколько раз заходил в палату, надеясь переубедить Зинаиду Петровну принять правильное решение до начала государственных праздников, но безуспешно: она кричала, распускала кулаки и угрожала всем проклятиями, которых никто не боялся и в которые никто не верил, кроме гардеробщицы. Сначала в глазах персонала она выглядела как человек раненый, кому отчаяние свалилось на плечи, но стоило ей чаще появляться у них на глазах и разводить конфликты, мнение стало иным. «Траур в голову ударил» или «желчь поработила душу». Как бы ни пытались сотрудники ее понять – терпеть Зинаиду Петровну мочи не осталось.

Из палаты она не выходила, перестала мыться. Другие пациенты обходили ее стороной. Посетители принимали Зинаиду за бомжиху на принудительном лечении. Ко многим она подходила и пыталась завести разговор, но слушать нескончаемые истории о несчастье никому не хотелось. Так в ней затаилась обида. Редко, когда ее сваливал сон, в палату приходили уборщицы и друзья сына. Они смотрели на два бездвиженных тела, тяжело вздыхали и уходили. Уборщицы же бурчали, в спешке отмывая пол от следов рабочей обуви. Не дай бог проснулась бы мать и учудила чего.

Питалась она скудно. Сладости со стола не трогала – они предназначались ее сыну. В больничной столовой еда казалась Зинаиде Петровне не то жирной, не то пресной, годной только для животных. Изредка, как акт любопытства и снисхождения, она брала себе тарелку чего-нибудь, съедала кусочек и выплевывала на пол. Поварихи возненавидели Зинаиду и продавали ей только хлеб втридорога. Петр Сергеевич, узнав об этом, был в ярости и пытался заставить Зинаиду Петровну вернуться домой и начать правильно питаться. Уговоры, ласки и обманы – без толку. Муж Зинаиды Петровны, Виктор Анатольевич, в поведении жены не видел ничего странного и утверждал, что она и раньше ела мало. Логично предположить, что раз Зинаида Петровна все время проводила в больнице, то еда в их доме должна была рано или поздно закончиться. Так и произошло. Виктор Анатольевич сначала уговорами, стоя на коленях, упрашивал жену вернуться домой и заняться хозяйством, но поняв, что перед женщиной только кулаком объясниться можно, нещадно избил ее в палате. Она кричала, надеялась, что сын встанет и заступится за нее. Когда на лице проступила кровь, Виктор Анатольевич успокоился, и они вместе ушли домой. Но долго там она не продержалась и на следующий день, оставив за собой еды на месяц вперед, вернулась в больницу. Себе же она и крошки не взяла. Воду пила из крана, и только при случае, если ей Петр Сергеевич напоминал.

По ночам, когда одни спали, а другие стонали от боли, Зи-

наида Петровна снимала бинты со своего сына и рассматривала его раны. Кожа приживалась плохо, врачи постоянно думали о повторной операции. От легкого касания из тела вытекали полупрозрачные гной и кровь. Петр Сергеевич просил Зинаиду Петровну перестать снимать бинты по ночам, иначе кожа никогда не заживет. Но что вы хотите от женщины, поглощенную унынием? Безднадежно она подтрунивала сына за нос – ему это никогда не нравилось – шептала на ухо о том, что происходило в мире за пределами палаты и читала ему книги.

Одной ночью, она почувствовала, как тело задрожало. Зинаида Петровна, в поисках врача подняла целую больницу. Ходила по коридору (бежать не было сил), стучала ложкой о железную кружку и вопила: «Мой сын очнулся!». Сколько шума! На крик сбежался персонал и пациенты, давно знавшие о сумасшедшей из дальней палаты. Замещающий Петра Сергеевича врач, Глеб Шапрынский, не мог поверить услышанному. Но просмотрев все показатели, он с сожалением объявил, что матери почудилось. Такого оскорбления Зинаида Петровна не выдержала и кинула в него вазу с увядшими цветами. К счастью, тот успел закрыть за собой дверь и отделался легким испугом.

В общем, никто не знал о сыне Зинаиды Петровны – тот то ли был, то ли нет, вроде и жил, а поспорить можно. А вот ее, о... Все признавали в ней настоящего пациента знаменитой дальней палаты.

IV

Два одетых как обычно молодых человека зашли в палату. Там, очередной раз уснув рядом с сыном, сидела Зинаида Петровна. Они держали в руках пакеты с едой, натирившие до красноты руки. Парни переглянулись между собой.

– Ты давай, – прошипел бородатый.

Кудрявый оставил пакеты у стола, подошел к Зинаиде Петровне и шепотом сказал:

– Зинаида Петровна, вы спите?

– Дурак, – в полный голос произнес бородатый.

Зинаида Петровна выбралась из сна и протерла глаза. Она была неухоженная и некрасивая. Спустя несколько секунд она разглядела гостей и взбесилась:

– Опять вы пришли, мрази! – Зинаида Петровна вскочила со стула. – Сколько раз я вам говорила...

– Оставьте это, Зинаида Петровна, – сказал бородатый, сделав рукой жест, которым заставляют собак успокоиться. – Он наш друг, несмотря на ни на что.

– А где же тогда твоя сестра, эта... Эта...

– Она дома. Ей больно смотреть на Женю в таком состоянии, – спокойно ответил бородатый.

– Мне, по-твоему, значит, не больно? Я тут, значит, удовольствие получаю, наблюдая, как мой сын не может в себя

прийти?! Очень мне нравится тут слезы лить, общаться со всеми докторятами этими, врачами и санитарями? – Зинаида Петровна не сразу заметила пакеты в руках бородатого. – О-о, сколько еды накупили. И куда все это?

– Зинаида Петровна, – робко заговорил кудрявый, – Петр Сергеевич сказал нам, что вы тут целыми днями сидите, мы не могли, ну, не принести чего. Да и Жене лучше станет, захочет.

– Мы прекрасно помним, что ни вам, ни, как вы считаете, Жене не нужны наши подачки. Может, вы хотя бы сегодня к нам прислушаетесь? Больше месяца прошло и... – бородатый выставил ладонь между ним и матерью, создавая воображаемую стену, непробиваемую чужой речью. – Да, сейчас вы скажете, сколько дней и ночей, но, Зинаида Петровна, поймите же, что от ваших страданий лучше Жене не станет. Вы как будто страдаете ради страдания. Вам реально кажется, что вот эти все жесты сделают кому-то лучше? Как мы выходим из палаты, на нас пациенты косятся, сплетничают, знаем мы, что вы тут творите. Вся больница на ушах стоит.

– Закрой свой рот! – закричала Зинаида Петровна.

– Жене лучше не становится? – спросил мать кудрявый.

– Дима, заткнись, – перебил от лишнего бородатый. – Как бы вы того ни хотели, Зинаида Петровна, но мы его друзья, и мы имеем право говорить о нем так же, как и вы. Какое-то время своей жизни он провел с нами.

– И до чего вы его довели?! – Зинаида Петровна взяла сы-

на за руку, но она нелепо выскользнула из ее вспотевшей ладони. – Сколько раз я говорила, что вы его в могилу сведете? Молодцы, слабинку дали, всего-то в койку!

– Это был несчастный случай, – пытался защищаться бородатый.

– Несчастный, да не случай. Вы его целенаправленно вели к этому. «Не пойду я в армию, парни говорят, там делать нечего», «Да я сигареты только за компанию», «Мама, я так, на чай» – никогда он мне в жизни не лгал, а стоило ему с вами связаться, вы его целенаправленно спаивали.

– Да что вы городите?! – бородатый выпрямился и навис над Зинаидой Петровной, словно коршун, но ничего поделать не мог: непробиваемая женщина. – Вы просто для сына нихера сделать сейчас не можете, потому и горюете, ибо как не горевать? Что вы еще можете, а? Да нихера!

– Боже ты мой, – Зинаида Петровна охнула и оперлась на стул; кудрявый заметив это испугался и поспешил помочь ей усесться. – Боже ты мой, не люди, а звери.

– Вы-то на себя смотрели? – через плечо обронил бородатый.

– Ладно, Паша, харэ, – заговорил кудрявый. – Зинаида Петровна, поверьте нам, хотя бы предположите. Мы никогда не желали Жене плохого. Следствие прошло, мы сделали все, чтобы стало понятно, как это произошло. Вот помните Колю, из квартиры на девятом? Он сейчас срок отбывает, места себе там не находит. Мы его навещаем и каждый раз:

«Вот же я скотина, вот же я мразь, как я мог...» и так далее. Раскаялся человек, загоняется, не может себя простить. Говорят даже, в петлю лез...

– Хоть бы долез! – злобно стонала Зинаида Петровна. – Раз в жизни нормально сделал.

– Янка тоже не в порядке. Реальное с нереальным путает. Женя же ее спасал, первой поднял, нас всех разбудил, когда уже шансов почти ни у кого не было. Огонь повсюду, дым, довел ее до дверей, она и на улице, слава Богу, отрубилась. Сидит и чует везде дым, волосы выпадают, седеют. Себе винит, как и все мы. Паша, Янка, вы... Для нас это такое же горе, понимаете? Мы на вашей стороне.

– Лучше бы эта шлюха там сторела, чем мой сын! – голос Зинаиды Петровны надрывался; казалось, что в ней просыпается что-то темное и бесовское, способное отнять чужую жизнь себе в угоду. На словах-то все сильны, но душа ее замученная, наблюдая, как гаснет последний свет, способна была на многое. Дай только возможность попробовать. Бородатый собирался было ответить, но кудрявый продолжил.

– Вы имеете полное право так чувствовать, ведь мы знать не можем, какого вам там внутри. В последние дни перед пожаром мы собирались в университет идти, как вы и говорили, вместе готовились, да. Жизнь должна была наладиться, планы строили. Я вот уговаривал Женю одуматься, предложение, вот, Янке сделать, – бородатый услышав это добро улыбнулся.

– Я бы ее заставил согласиться, ага.

– Но сложилось все иначе, и мы должны сообща сейчас решать, что делать дальше, – кудрявый поднялся и посмотрел на своего друга. – Сколько он так лежит – может, он и столько лежать будет еще. Дольше нашего.

– Даже не начинай! – Зинаида Петровна хотела наброситься на него, но не смогла, тело издыхалось от усталости.

– Петр Сергеевич был против сначала, но с каждым днем становится все хуже, – продолжил бородатый, – и ему первому понятно стало, что другого выхода нет. Нечего больше оперировать, слышите? Нечего. От нашего друга тут осталась, в общем-то, только светлая память да органы.

– Как ты смеешь за меня решать, чего хочет мой сын?! – кричала Зинаида Петровна. – Что ты вообще о нем знаешь?!

– Я хотя бы знаю, как его зовут, в отличие от вас. Даже имя его произнести не можете, ибо знаете в глубине своей сраной души, что я прав.

– Паша, не надо! – кудрявый не смог остановить своего разгоревшегося друга.

– Что значит не надо? Эта сумасшедшая моего друга заставляет страдать. Эта женщина радуется нашему горю. Она тешит себя мыслью, что у нее, мол, крест самый большой. Представь, что он сейчас там видит? Трипы не хуже твоих, когда ты со спущенными штанами ползаешь и говно жрешь, – бородатому нравилось злиться; на лице проступили вены, пот катился по щекам, а челюсти как у хищника

вылезли наружу; не перебить, не вставить, – ему плохо! Она его мучает. Заставляет в небытие лежать.

– Он ничего не видит, Петр Сергеевич же говорил...

– Петр Сергеевич лучше бы сказал, как сделать так, чтобы эта женщина отсюда свалила и оставила нас одних с Женей. Да, это я о вас говорю, Зинаида Петровна, горячо любимая. Терпеть вас больше не могу. Попадец, конечно, просто продлеваем мучения ему, чтобы она могла тут в святую наиграться на старости лет.

– Паша, ты палку перегибаешь. Зинаида Петровна, мы... Зинаида Петровна, что с вами?

Старая женщина, последние дни проживая чудом, пыталась хватать ртом воздух. Ее руки каменели. Глаза побелели за секунды, и если бы не услышавший крик о помощи Петр Сергеевич, то жизнь Зинаиды Петровны в тот день бы и закончилась. Последнее, что она запомнила, было то, как сердце безжалостно укололо. Два в одном: боль тела и боль души. Все опрокинулось, свалилось; разбивалось об ее поседевшую голову. Она не могла и подумать, что когда-нибудь будет задета словами недочеловека, молокососа, который раньше был ничем иным, как очередным поганцем со двора. Зинаида Петровна, скатываясь, просталась с миром и умоляла Господа простить ее за грешные деяния среди мирских и за мысли, достойные еще большего наказания.

Говорят, это называется гордыня.

V

К сожалению или счастью – обошлось. Капельница, несколько уколов, транспорт домой. Зинаида Петровна не понимала, что ей спасли жизнь. Когда она открывала глаза, стены вокруг расплывались, свет казался необычайно тяжелым. Она не могла разобрать, была ли она в палате или у себя дома. День-два она лежала в кровати. В туалет идти ей было нечем, организм окончательно опустел и начал жрать сам себя. Во сне она неразборчиво бормотала, обращалась к своему сыну и Богу. Посыл всегда оставался тем же: «Спаси моего сына, а остальные пусть мучаются как я». Виктор Анатольевич, нелюбимый муж и скупердяй, изредка поглядывал в комнату чтобы убедиться, что жена не умерла. Своей вины в ухудшении здоровья своей жены он разглядеть не мог, ибо синяков и шрамов не было видно, а значит, их и не было. Не его рука довела.

Когда ночью Зинаида Петровна открыла глаза, ее зрение вернулось в норму. Каким шоком для нее было узнать, что ее вывезли из больницы. Но куда? Вместо шершавого потолка над ней повисло черное небо. Пустое, звезды потухли. Она легко поднялась с кровати, как в дни своей юности. И пол куда-то делся. Кожу щекотала холодная трава.

Зинаида Петровна осмотрелась вокруг – и даже шея не

хрустела! – и не видела ничего другого, кроме бескрайних полей и макушек елей на горизонте. «Выкинули меня на улицу! – думала она, – Что же они сейчас с моим сыном сделают, ой, ой».

Куда идти – непонятно. Ее должно было вновь настичь отчаяние, и она бы не сопротивлялась, но вокруг все было настолько спокойно и умиротворенно. Как будто и катастрофы не было, пожара, операций, уколов, капельниц и крови; бессонных ночей над обезображенным телом. Она уже и забыла это чувство.

Только сына не было нигде. Это единственное – непогащенное чувство долга – беспокоило ее, оттягивало вечную безмятежность. Она побрела прямо, туда, где макушки елей шелестели от ветра. Когда Зинаида Петровна решила убедиться, что ничего не забыла в кровати, то обнаружила, что кровать исчезла. Следов на земле не осталось. Она должна была испугаться, но нет. Долго она шла вперед, и горизонт становился ближе, но дойти до него ей было не суждено. Вечно за краем продолжалось поле, и заканчивалось оно новым горизонтом. Звезды на небе не объявились, сквозь мрак ночи разобрать дорогу было невозможно. Наступила миру тьма.

– Надо в город, обратно, – трепетала Зинаида Петровна, – надо бежать, надо к сыну. Он же без меня никак, его же там того... беззащитного, маленького.

– Зря ты так, женщина, – прогремел голос между дере-

вьев; земля задрожала, и из темноты вышел человек. По крайней мере, таковым он виделся Зинаиде Петровне. На самом же деле назвать эту сущность человеком было бы неправильно. Перед ней он стоял в том обличии, которое она воспримет, до боли знакомом; чье слово будет равным, а спор ценным.

– Святы боже, Алексей Маркович, а вы-то откуда тут? – Зинаида Петровна подбежала к нему. – Вы же это, спились, мне мать говорила и отец, я вас пятьдесят лет не видела, с самой школы. Что вы тут делаете?

– Пойдем, Зинаида, поговорить надо. Но не здесь, – он взял ее под руку. – Ты всегда была хорошей матерью.

– Алексей Маркович, я, честное слово, не могу понять...

– И не нужно, Зинаида. Знай, что видел я все и знаю все. Абсолютно все. Каждый день наблюдал за тобой и, Зинаида... Не мог сдержать слезы. Не могу перестать радоваться тому, что на земле есть такие матери, как ты. Зинаида, только ты мою волю хранишь. Не бойся упреков, каждый мученик подобное прошел.

– Вот я о том же, Алексей Маркович. Вы всегда один меня понимали. Только благодаря вам я могу себя женщиной называть, – она обняла его; постояли минуты, пока не похолодало, и пошли дальше.

– Ты столько добрых слов не говоришь. Столько раз мою правоту признавала. Только дела твои – я не уверен. Пришли.

Они остановились около железной двери, из которой тянулся в бесконечность забор. Алексей Маркович шуршал ключами и приговаривал:

– Каждый себе на уме, о ближнем не думает...

Из открывшихся ворот неслись тяжелые ароматы, клонящие в сон. Необходимо было оставить память о прошедшем на пороге. За забором начиналось неизведанное, человеческому уму непостижимое. Видеть-то она не видела, ибо не знало тело, что нужно видеть там. Зинаида Петровна сделала глубокий вдох, и ее тело медленно стало возвращаться к тому состоянию, которое она лучше всего помнит: кожа скукожилась, покрылась волосиками и пятнами; кудрявые волосы, гордость молодых, посыпались на землю, поседели на ветру. Спина скрутилась крюком, кости затрещали и болели.

– Алексей Петрович... А это кто? – Зинаида Петровна показала пальцем на парня, вцепившегося мертвой хваткой в забор; он не отрывал глаз от вида за ним. Из рта текла почерневшая слюна. – Боже, что с ним?

– Не узнаешь? – удивился Алексей Петрович. – Знакомы же.

С плоти сходила потемневшая, как от ожога, кожа. Маленькими кусочкам, он пытался не кричать. Зинаида Петровна испытывала к нему жалость.

– Пойдем, – сказал Алексей Петрович.

– А мальчика-то как? Нельзя же, помочь надо.

– Так помоги ему, – не скрывал раздражение Алексей Пет-

рович, – почему раньше не думала об этом?

Зинаида Петровна опустилась перед мальчиком, охая от боли в коленях. Стоило ей к нему прикоснуться, как стало понятно, что это был никто иной, как ее сын. Много лет назад он так выглядел, когда только начинал открывать для себя мир: первый класс, секция самбо, прогулки без присмотра с местными мальчишками. Глаза молодые и нежные, без греха умышленного, без злобы и ненависти, без похоти. Детские, стеклянные. От прикосновения Зинаиды Петровны ребенок вскрикнул. На коже остался ожог формы ладони.

– Боже, сына! – заревела Зинаида. – Успокойся! Ты меня не узнаешь?

Он верещал и разбрасывался землей. Нечаянно камень прилетел Зинаиде Петровне в глаз. Она чувствовала, как что-то теплое текло по щеке.

– Да как ты можешь так с матерью?! Алексей Петрович! Алексей Петрович! Что с ним творится?!

– Живет по твоей воле, а ты что думала? Сладко ему? Надоело ему изводиться, грызться на краю. А ты его все держишь, не даешь ему успокоиться. Там лучше, чем здесь, там за все воздастся, – Алексей Петрович взял Зинаиду Петровну за руку. – Пойдем, твое время пришло.

– Но... как... нет! – она пыталась вырвать, но как? Нечеловеческая хватка. – Как пришло? Я еще не все сделала, я не могу сына оставить?

– Кто должен уйти, ты знаешь, – без усилий Алексей Пет-

рович тащил тело Зинаиды Петровны по земле. – Сыну ты помочь не можешь, значит, сама пойдешь.

– Нет, нет! Отпусти, нет! Сына! Сына!

Свет ослепил. Исчезло небо над головой, деревья, трава. И сын испарился. Вернулись стены, ободранные обои, знаменитые лакированные шкафы, ковер, деревянные рамы. Солнце скудно падало сквозь потемневшие шторы. Место силы, дом, где силы осталось раз и обчелся. Вся в поту, со скрученным от голода животом. Организм продолжал собою тешиться. Зинаида Петровна очнулась, не переставая чувствовать хватку Алексея Петровича. Или кто бы ни был...

VI

Впервые за долгое время Зинаида Петровна позавтракала. Она знала, что иначе не сможет дойти до больницы. Пара корок хлеба и холодный суп. Пропала на улице горечь, счастьем горело солнце. Дети сидели в песочнице под окном, играли в войнушку и радовались тому, что живы. Никто не кося не смотрел на Зинаиду Петровну, не замечал. Мир словно стал лучше.

В больнице тоже произошли изменения. В регистратуре приветливо улыбались, уборщица, увидев Зинаиду Петровну, крестилась. Пациенты, которые ранее истощали токсины, останавливались перед ней и говорили:

– Как же мы рады за вас, Зинаида Петровна!

Но она их слушать не хотела. Сквозь толпу, застоявшуюся в очередях, Зинаида Петровна подошла к кабинету Петра Сергеевича. Тот как раз стоял у дверей.

– Петр Сергеевич! – обратилась Зинаида Петровна. – Петр Сергеевич, я решилась. Хватит с меня сына мучить, он такой же живой человек, как и я... То есть я поняла, мне Бог сказал, что это будет правильно. Сделать, ну, вот это. Все подпишу, только скажите...

– Да незачем уже подписывать. Очнулся ваш сын. Ночью сообщили, я сразу примчался. До вас не дозвониться.

– Очнулся?

– Ну, как очнулся, показатели изменились, активности в мозгу и теле, организм заработал. Очень далеко до выздоровления, но это означает, что мы курс правильный подобрали. Вряд ли ему в скором времени станет лучше, но... Шансы есть. Павел и Дмитрий у него были, только ушли. Хорошие парни, не знаю, почему вы с ними так...

Петр Сергеевич не успел договорить, как Зинаиды Петровны след простыл. Она не могла бежать, но передвигалась, сметая перед собой любую преграду: то ли это молодая мать, то ли перегарный мужчина.

Зинаида Петровна аккуратно приоткрыла дверь в палату. Бородатого и кудрявого уже не было. Ушли, оставив окно нараспашку.

– Простудится ведь, – проворчала Зинаида Петровна.

С усилением у нее это получилось. Она взглянула на своего сына. Такой же, как и несколько дней назад. Немошный и грязный; от него воняло застоявшимся гноем. Бинты забыли сменить. В вены текла целебная жидкость. Зинаида Петровна смотрела и не могла понять: какая разница между тем, кем он был неделю назад, и сейчас? Как и лежало тело, так и суждено ему было лежать. Балансируя между жизнью и смертью, оно продолжало оставлять шрамы живым. Тогда она и почувствовала, чего ей стоила такая жизнь с сыном под головой. В стекле, поймав свое отражение, она не могла себя узнать. Былая живость улетучилась, покинула ее, оставив се-

дину, мешки под глазами и различные проблемы с кожей; ногти превратились в хищные когти, растяжки проявились сквозь белизну. Каким зверем же она стала!

Обида на мир перешла к сыну. Она совсем забыла о себе – гордый поступок матери! Но долго родители обиду держать не могут. И она простила его. Новые силы тепло распластались по телу. Тот несчастный пожар, крики, ненависть к ближним – все это осталось позади. Ведь произошедшее в первую очередь трагедия ее сына. Не ее одной-единственной, как она мир вокруг убеждала. Она смогла спокойно выдохнуть. Зинаида Петровна протянула руки к сыну, чтобы в последний раз притронуться к молодой коже. Родной! Его лицо покрылось грубыми волосами.

Она достала из кармана шеф-нож. Ее дрожащая рука нависла над сыном. Тень надвое разделяла его, между ней оставалась только жизнь и смерть. В последний раз насмотреться никто не может. Аккуратно, будто боясь разбудить, она закрыла одеялом лицо сына. Теперь-то он точно ничего не узнает. Зинаида Петровна зажмурилась и отпустила руку.

Дверь в палату открылась вместе с голосом бородатого:

– И я ему говорю: «Чувак, это, блять, чудо, никак иначе. Отвечаю, он со мной говорил!». О, Зинаида Петровна, добрый день. Вы уже слышали новость, да? Пришли поздороваться. С нами уже разговаривал.

– Это неправда, – сказал кудрявый, – но нам хотелось бы.

– Да реагировал он на слова, пальцами двигал. Все, оч-

нулся, живой! Вышел из комы, дорогой-то. Зинаида Петровна, простите меня за сентиментальность, но позвольте я вас обниму, – бородатый подошел к ней и крепко обнял. – Вы родили лучшего из нас, как же я вам благодарен. Вы такая молодец, сидели с ним, пока мы своими делами занимались. Нет прощения нам!

Бородатый говорил таким голосом, которого всегда стыдился. Тоненьким, писклявым. В общем, радостным. Кудрявый подошел поближе и увидел, как сквозь постельное белье, что некогда было белым, текла кровь темно-красная. Звонко коснулось пола лезвие ножа.

– Мы обязательно Жене поможем, честное слово, Зинаида Петровна, – сквозь слезы сказал бородатый. – Как мы могли вообще подумать о том, чтобы лишить нашего друга жизни.

Кудрявый попятился к стене, наблюдая, какие красивые образуются лужицы.

бутылка

В чистом цеху на окраине одного безымянного города во всю шла работа. Мужчины потели в рабочих комбезах, женщины обсуждали последний романс бухгалтера и руководителя производства. По конвейеру ползла водка. Вадим Сергеевич смотрел на бутылки и думал о выходных. Ему давно хотелось найти себе второе место работы на месяц или два, чтобы покрыть кредит на стиралку, а в перспективах уйти с завода. Перестать производить и начать потреблять. Проверка качества никогда не была интересным занятием. Вадим Сергеевич почесал голову и перестал думать о будущем. Под ногами звенело железо, стеклянный гул отдавался в ушах.

– Вадим! – крикнул Олег Петрович, руководитель производства.

– Здравствуйте, Олег Петрович.

– Уже здоровались, ты чего? Слушай, есть одно дело важное. Подойди ко мне во время перекура.

– Хорошо, Олег Петрович. Что-то произошло?

– Ничего серьезного. Только не забудь.

Вадим Сергеевич схватился руками в перила и смотрел на водку. На завод он попал случайно, не без помощи брата свекрови. Тот обещал быстрый рост с малой должности, но свое обещание сдержать не успел и умер. Делать было

нечего – Вадим Сергеевич продолжал работать. Уволить его не могли из уважения к умершему, поэтому новый руководитель, Олег Петрович, решил обождать несколько месяцев. Производство шло полным ходом, и причин увольнять Вадима Сергеевича никто не видел, кроме как из-за нелегкой любви к водке. Но это воспринималось как теплый профессионализм, уважение собственного дела. Так прошло много лет, иногда счастливых, иногда не очень.

Через несколько часов Вадим Сергеевич подошел к кабинету Олега Петровича и аккуратно постучал.

– Войдите. Вадим, отлично, только хотел к тебе подойти. Думал, ты забыл. Пойдем покурим?

– Конечно. А что за дело?

– Сейчас расскажу. Что куришь? – Олег Петрович взял из рук Вадим Сергеевича пачку. – Впервые вижу такие.

– Это с кнопкой сигареты.

– На кой хер тебе с кнопкой-то сигареты?

– Они дешевле. Шестьдесят рублей.

– Понятно, – Олег Петрович засунул в зубы «Парламент»; молча они вышли к пожарной лестнице. – Здесь постоим. Дело есть, важное. Смотри, что произошло – с одного из конвейеров, не знаю, твоего или другого, сошла партия недоброкачественная. Вовремя спалили – кто-то из уборщиков предложил своим друзьям распить сворованную. Отравились, но там смешно – они врачам сказали, что закусили все просрочкой, так что мы чисты. Пока что.

– А сколько бутылок? – поинтересовался Вадим Сергеевич.

– Большинство никуда не поехало. Так и остались на складе, уже попросил машину, увезти все. Но есть одна коробка. У меня в кабинете спрятана, чтобы кто еще не траванулся. Воры, блять, повсюду. От нее надо избавиться. Вылить куда-нибудь.

– В бумагах она...

– Уехала вместе со всем остальным, – закончил фразу Олег Петрович. – Сделаешь? За это отпущу пораньше сегодня.

– Хорошо, почему бы и нет.

– Отлично, – Олег Петрович бросил по ветру окурок. – Холодно сегодня.

Они вернулись в кабинет. Олег Петрович открыл шкаф и из-под горы вещей достал звенящую коробку. Она оказалась легче, чем Вадим Сергеевич предполагал. Внутри не хватало одной бутылки.

– Мужик ты, Вадим. Спасибо, что ты выручаешь, – сказал на прощание Олег Петрович.

Коллеги с завистью смотрели на Вадима Сергеевича. На его лице светилось счастье, в руках ящик водки и выходной до конца рабочего дня – чем не повод для радости? Сквозь шумы машин не слышны злые упреки и комментарии. Сам же Вадим Сергеевич про себя смеялся над своим руководителем. Его поразило, как же повезло человеку. Взяло бы

то, другое создание планеты Земля – а это распространенная практика – то уже было бы тело, замятый скандал, жалкая компенсация. Мышцы напрягались от груза. Была одна мысль, которая оказалась сильнее всех предыдущих. Угловатая и цепкая, невозможно выкинуть из головы. Своровал ли Олег Петрович эту коробку или действительно спрятал, чтобы кто другой не пытался? В уме рабочего с рождения растет зерно сомнения. Константа: тот, кто сильный, тот мудака; кто богаче, тот лжец, мразь и обманщик. Подобных чувств Вадим Сергеевич к Олегу Петровичу никогда не питал. Его всегда удивляли сплетни и оскорбления, звучащие в его адрес за спиной. «Мне он плохого не сделал, – думал Вадим Сергеевич, – тогда он и не плохой». За такую позицию коллеги презрительно смеялись над ним, но потом привыкли и попросту игнорировали его существование. Потому когда Олег Петрович спустился со своего второго этажа и лично попросил о помощи – это стало как знамением, что подозрения излишни. Стал бы злодей доверяться обыкновенному человеку? Мелкой сошке, если быть точнее.

Вадим Сергеевич опустил взгляд и увидел сквозь дырки в коробке, как свет переливается в бутылках. Звон становился громче, но ниже. Вокруг ничего, кроме него, не было слышно. Они чаровали. Слюна сочилась под языком. Хотелось почувствовать знаменитый ожог в горле, горький выдох и следы жирной закуски на губах. Может, не просто звоном был звук, а заклинаниями из земли рвущимися, контроли-

рующими мозг и душу. Они не веселили, а вгоняли в тоску и уныние. Давали плоды подозрения. Не успев дойти до мусорного контейнера, Вадим Сергеевич бросил коробку, почесал голову и быстрым шагом удалился в сторону автобусной остановки. Ему тяжело далось убедить себя в том, что мысли – это яд, если они не вызывают смеха и добрых чувств. Бутылки так и остались там стоять.

Машина резко остановилась. Сквозь стекло виднелось небритое лицо, уставшее от жизни. Он осмотрелся по сторонам, вокруг никого, кроме него и прохожих, не было. Каждый раз будто первый. В животе появляется легкая тянущая боль. Голова тяжелеет, сердце бьется быстрее, на лбу сочится пот. Мужчина ударил от злости кулаком по рулю и вышел. Сложно жить с такими чувствами. Не первый раз он проворачивал дела, отчего ласково стал их называть «делишками», а все равно продолжал, как новичок, бояться попасть на глаза кому не надо, привлечь лишнего внимания. Мужчина спрятал руки в карман, увел глаза в землю. Подойдя к коробке, он вновь осмотрелся по сторонам и, убедившись, что ничего ему не угрожает, взял, поднял ее и понес к машине.

– Эх ты, Мурка, – обратились к нему.

Около багажника с метлой в руках стоял Кировский, пожилой дворник, который видел, как рос Мурка. Он отпустил седую бороду, а с ней и руки. Из рта торчала сигарета. Ветер заставлял его дрожать. Увидев его, Мурка облегченно вы-

дохнул.

– День добрый, – сказал он.

– Добрей видали, Мурка. Добрей видали. Ты это что, опять? Попал ты, попал.

– Отвали, – злобно прорычал Мурка и оттолкнул дворника от багажника. – Макулатура, и все.

– Я слышу, как там у тебя макулатура звенит. Побольше тебя различать умею. А мне на что жить, а? Я немолод, ты немолод, где твоя солидарность?

– Старик, что тебе от меня надо? Поучить меня жизни?

– Ты дурак, – с усмешкой сказал Кировский. – Тебя чему не учи, ты все сделаешь наоборот. Не назло, а просто потому, что дурак. Жить я хочу хорошо.

– Тебе недолго жить осталось-то. Зачем отвыкать?

– Много думаешь, старик, – Мурка полез к двери, но Кировский преградил ему дорогу. – Ты сейчас получишь у меня.

– Сейчас Вочика позову, и он тебе задаст! – крикнул Кировский.

– Хорошо, хорошо. Сколько ты хочешь?

– Три бутылки.

Мурка засмеялся. Он схватился за живот руками, чтобы еще сильнее унижить Кировского.

– Тебе не много? И так весь красный, расколбасный.

– Положу в карманы обе, третью на шею и в реку прыгну, – с серьезным лицом сказал Кировский.

– Понятно, – Мурка достал из кармана кошелек. – На, держи, на одну бутылку, и проваливай, иначе до реки не дойдешь, здесь ляжешь.

Кировский никогда не видел Мурку таким злым. Вернее будет сказать – видел, но забыл об этом. Маленький ребенок, дворовый внучек стал не кем иным, как чертом. Потому он жалобно взял из его рук протянутые купюры и скрылся в снегу, дабы не мучаться больше. Около входа в торговый центр Кировский сел на лавку и пересчитал деньги. Хватало либо на еду, либо на водку. Выбор был очевиден. Когда село солнце, Кировский был уже пьян. Он тешился воспоминаниями о своем прошлом, об успехах, связанных с ним; проклинал Мурку и себя, за то, что в детстве не дал забрать его цыганам с окрестностей города. Продал бы – не мучался. Повторив про себя сказанное, Кировский заплакал и стал колотить вилкой руку. Слезы текли рекой, он ненавидел себя. Утром он украл у таджиков несколько кирпичей со стройки, пока те обедали, спрятал их в карманах прокуренной шинели и прыгнул в реку.

Мимо на машине проезжал Мурка. У него болели зубы от сигарет и внезапно ударившего мороза. Спал он плохо, лучше бы вообще не спал. Пустая квартира встретила плохо, бардак так и никуда не делся, у соседей потек унитаз, и в квартире пахло настоявшимся дерьмом. Утром он обжег руку, когда зажигал комфорку, в яблоке наткнулся на несколько червяков. День не задался с самого начала. Веки укрыва-

ли глаза спать, руки как мертвые вцепились в руль, машину виляло в стороны. Не выдержав напряжения, Мурка остановился на обочине. Закурил, посмотрел на грязь под ногами и поехал дальше. Мягкое кресло вгоняло в сон.

Он остановился во дворах около дома, недалеко от продуктового в подвале. Около входа уже стояли местные, всем знакомые алкаши и просили у женщин жалости, а у мужчин мелочи. Мурка не стал даже смотреть на них. За прилавком скучала Элла. Увидев Мурку, она выпрямилась и поправила волосы.

– Мурка, привет, – кокетливо поздоровалась Эла.

– Привет, привет. Как дела?

– Хорошо? Ты ко мне?

– Честно говоря, нет, но посмотрим. Салим тут?

– Эх, там сидит, – она показала пальцем на скрытое за шторой помещение.

– У себя, понял.

Мурка приоткрыл занавеску. За ней распивали пиво портовые рабочие. Несколько мужчин прятало в черные пакеты спиртное. В воздухе стоял запах мочи и курева. Разговоры скрывало радио «Дорожное», телевизоры издавал аплодисменты. За прилавком стоял пухлый кавказец лет сорока в сером свитере. За стойкой Салим выглядел так, будто, кроме туловища, у него больше ничего нет. Для его работы большего и не надо.

– День добрый, – бодро сказал Мурка.

– Добрее видали, – ответил Салим. – Что будете?

– Да что покрепче, знаешь.

– Возьмите темного. Оно вас так возьмет, что...

– Я про другое крепкое, – перебил его Мурка. – Водку там.

– Водку? – удивился Салим. – У нас такого в помине не было.

– Разве? Я сюда не в первый раз прихожу.

Салим присмотрелся. Мурка ничем не отличался от большинства других клиентов.

– А ты сюда не впервые приходишь, да?

– Обычно я больше по вину, для девушек, – соврал Мурка.

– Ну да, точно. Не узнал, извиняй. В общем, чего желаешь?

– Да у меня предложение есть.

– Предложение будешь своим девушкам делать. Ты о чем?

– У меня в машине ящик водки нераспакованной. Местная. Отдам за дешман.

– Раз отдашь – может, бесплатно, м? Угостишь присутствующих?

Мужики подняли головы и с жадой в глазах уставились на Мурку.

– Все стоит денег, – громко произнес Мурка.

– Твоя правда, дорогой, – Салим улыбнулся. – Что за водка-то?

Мурка достал из кожанки бутылку и протянул ее Салиму. Тот несколько минут рассматривал этикетку, делая вид, что

хоть немного разбирается в водке. Его познания ограничивались ценой, бутылкой и маркой. Удивительно, но в городе Салим считался сомелье. Знали об этом, парадоксально, немногие. Салим поставил бутылку на полку, посмотрел, как она смотрится среди других, и озвучил свою цену. Мурку она не устроила. Он собрался уже уходить, но в последний момент Салим согласился на озвученную цифру. Они пожали руки, и через несколько минут водка заняла достойное место на прилавке за ширмой, между вином из родной республики и коньяком из соседней. Мурка пересчитал купюры и спрятал их во внутренний карман куртки. Радость за себя, гордость за себя, легкое возбуждение – все одновременно село ему в горло. Давно такие деньги не были у его груди. Последний раз – на свадьбе друга, когда ему доверили вручить конверт, он чувствовал сквозь них, как бьется сердце. Жизнь оно стояло, дохало на отвали, а тогда по-настоящему забилось. Сложно представить ту боль, когда Мурке пришлось оторвать конверт от груди и с улыбкой вручить жениху. Машина заполнилась сигаретным дымом. «В последний раз, – обещал себе Мурка, – в салоне будет пахнуть сеном, дальше только «Парламент» и успех». Зазвенели ключи, раздался недовольный крик. Машина не заводилась.

Сережа терял дыхание. Он бежал так быстро, как только мог. Легкие болели, сожаления о своих вредных привычках были как никогда сильны. На улице давно стемнело, многие

фонари не зажглись. Местные жители спешили домой. Их пакеты гремели стеклом. Во дворах собирались компании по пять-шесть человек. Неотъемлемый атрибут – пиво и сигареты. Ветер был злой, никого не жалел. Девушки скрывали лица в надежде, что их не заметят. К Салиму выстроилась очередь из уставших мужчин с лицами, похожими на пакеты. Не было ни одного без щетины, мешков под глазами и распухшего носа. После девяти – прайм тайм, и все это знали. Многие стояли в очереди за четверых, брали на целую компанию сразу. Эла скучала и с завистью поглядывала в сторону Салима. Иногда к ней подходили и покупали запивку, либо закуски.

– Водку посоветуешь?

– Вот, отличная. Только сегодня привезли. Но недешевая, сам понимаешь. Зарубежная.

– Ну нахуй, переплачивать я буду. Давай русскую.

– Держи. Спасибо. Вам что?

– Винстон синий и портвейн.

– Прикладывайте карту. Дальше.

– Салим! – раздался голос у телевизора.

– Чего тебе? – с презрением спросил Салим.

– Ты чего? Как разговариваешь? – рассердился мужик.

– Прости, отвлекся, – Салим поправил бутылку на полке и сделал радио потише. – Что такое? Не видишь, я занят.

– Водки дай попробовать.

– А ты мне денег дай и пожалуйста, – смеялся Салим. –

Вам чего?

– Вино подешевле.

– Триста. Спасибо.

– Привет, Салим, – Сережа протянул руку через стойку.

– Привет, дорогой. Тебе в банке, как всегда?

– Так мило, что ты помнишь. Но я на мальчишник. Надо подобающе отметить.

– Ни слова, я тебя понял. Держи, – Салим потянулся к витрине за спиной и взял бутылку водки, той самой, что привез утром Мурка. – Я ж думаю, шо ты так вырядился, теперь понятно. Кто женится?

– Миша. На Светке, помнишь?

– Это ты которую сюда приводил тогда?

– Да, да. Не напоминай.

– Вот это тебе отдам со скидкой. Зарубежная, мягкая, все как надо.

– Давай, – обрадовался Сережа. – Картой можно?

– Прикладывай. Прошло, спасибо, дорогой. И не забывай.

Выпьешь много – выставишь себя дураком, выпьешь мало – выставишь себя дураком, так еще и запомнишь это. Дальше, кто там?

– Водку ноль пять.

– Таковую же?

– Не, «Хорцию» давай. Мы на поминках такую пили.

Смысл прекращать?

– И то верно. Спасибо, что без сдачи.

– Да ты и так с меня последние деньги за эту ссанину взял! – не прекращал ныть мужик.

– Это называется пиво, – Салим сморщился от аромата мужика. – И не дыши так на меня, дух спугнешь. Вечер добрый. Чем могу?

– Светлое четыре бутылки.

– Сейчас будет.

– Ладно тебе, Салим, – поднялся второй мужик. – Ты чего, жадный?

– Не смей меня, – Салим ударил кулаком по стойке, – жадным называть! Я тут занимаюсь богоугодным делом, вас спиваю, следи за тем, что говоришь.

– Да жидяра он, смотри нос какой, – сказал второй мужик; остальные засмеялись.

– Пошел нахер отсюда! – закричал Салим.

– Ты что раскричался-то? – спросил второй. Их глаза блестя, лица стали мягко-красными. Очередь с испугом обратила внимание на Салима. Для них его никогда не было. Так, инструмент, подсажи-продай, не более. Для него же покупатели ничем не отличались. Русский – значит пьяный. Пол не выдерживал такой ноши. – Сейчас вот возьмем и уйдем.

– Ну и уходите. Вам что?

– «Массандру».

– А водки не хотите?

– Девушке беру, я сам-то при деле.

– Хорошо, прикладывайте.

– И водку возьмем, – сказал мужик и потянулся за стойку.

Через несколько секунд треснуло дерево, и стало понятно, что стойка держалась на соплях и предпринимательских способностях Салима. В этом городе всегда торговали либо кавказцы, либо жадные до смерти. Салиму повезло вдвойне. За стойкой полетели бутылки. Мужик попытался подняться, но не мог. Он не чувствовал ног.

– Женя, ты чего? – испугался второй. – Вставай давай!

– Не могу! Ног не чувствую.

– Сейчас помогу, – прошептал второй и, пытаясь подойти к своему другу, наступил на бутылку и, как в дешевой комедии, поскользнулся и полетел вперед, головой в витрину. Русская голова, чугунная, проломилась основание, и товар полетел на него.

– Нет! – кричал Салим. – Что вы творите?!

– Я не чувствую ног, – не унимался первый.

– Бля... – пытался кричать второй. На лице появилась кровь и синяки. Касаясь земли, бутылки водки превращались в осколки. Салим пытался ловить товар, но поймал только пару бутылок вина, остальное летело на пол. Водка, купленная у Мурки, расплылась по полу. На шум прибежала Эла. Увидев, как мужчины плачут и истекают кровью, она завизжала, закрыв от испуга глаза. Ее оттолкнули в сторону особо смекалистые – те, кто воспользовался ситуацией и схватил пива из холодильника или не разбившуюся бутылку вина. Остальные посетители смеялись и показывали пальцем

на валяющегося в мучениях и водке мужика.

– Уйди, женщина! – крикнул Салим. – Куда погнали, суки? Вернитесь, а!

После этого случая множество бутылок исчезло в глубоких карманах и черных пакетах тех, кто успел унести ноги, не испугавшись пьяного ора и крови, а то, что не пережило падения, вместе с мусорными пакетами отправилось на свалку. Вскоре Салима навестили сотрудники правоохранительных органов. Ходили слухи, что он остался на свободе, но деньги на создание и расширение своей «франшизы» пришлось потратить на обратный билет домой и «разрешение» на выезд. В магазине до сих пор пахнет спиртом, водка просочилась в пол. Эла осталась работать одна и совсем скоро забыла о Салиме и Мурке, будто никто из них никогда и не был ей нужен.

Сережа вышел из магазина и забежал во дворы. Из кармана пальто торчало горлышко. Путь был длинным, Сережа и так опаздывал. Пробегая мимо детских площадок, где брошенные совочки и машинки завалило песком, раздавался свист и мат. Наступил холодный вечер, алкоголь захватил город. Подростки прятались у подъездов, углы покрывались теплой мочевиной. Романтика царила ночью. Сережины брюки покрылись грязью. Он срезал через холмы, падал на лестницах, спотыкался между домами в темных туннелях. Кто бы знал, что так придется бегать, попотеть? Пролетела

родная школа, остался позади детсад, а за ним и университет. Он подбежал к единственному подъезду дома и набрал номер квартиры:

– Але, – раздался голос.

– Баланьезе, – сказал Сережа.

– Охуенно.

Лифт медленно поднимался вверх. Одна из ламп перегорела, большинство кнопок сожжены годы назад. На стене все кому не лень вырезали имена. Лэйла, Женя, Маша... И Сережино там было. В сердце, прямо над Мишей. Сережа поморщился. Вспоминать прошлое ему не хотелось, уж больно было. Обидно. А вспомнить-то было что; настолько личное и тайное, что если кто узнал бы – не поверил бы и не простил. На лестничной клетке уже ждал с сигаретой в зубах Слава.

– Здорова!

– Привет, – ответил Сережа; обнялись. – Ну что, как там жених?

– Да потихоньку. Только это нифига не мальчишник, как я думал. Семья еще добро не дала.

– Да фиг с ним, главное-то, – Сережа вытащил из кармана бутылку и протянул ее Славе.

– Оп, неплохо. Там у нас таких еще штуки три. Но эта посolidнее будет. Так что все круто. Пойдем?

– Ага.

Приоткрыв дверь в квартиру, в глаза Сереже ударил обжигающий дым. Из комнаты доносилось минимал-техно, с

кухни – запах жареного мяса и томатов. В ванной заливали водой пиво. Удивительно, как в крохотной однушке уместилось столько человек. Сережа повесил куртку на торчащий из стены гвоздь. Друзья встретили его воем. Миша поднялся с кресла и сказал:

– Привет, дорогой.

Сережа не нашел лучше способа выразить свою радость, как обнять его. Парни засмеялись, но без язвы, а от одобрения. В его объятиях чувствовалось прощение, они оставили себя вчерашних, чтобы остаться близкими завтра. Многие их связывало, даже слишком многое, а теперь Миша будет принадлежать только ей. Он никогда не уезжает, он не улетает на другой свет, но Сережа не переставал нервничать и волноваться. Мужчины со смехом воспринимали «магию» штампа в паспорте, делали тосты за «массовую шизу» на стороне женского населения, искренне верующего в силу формальностей. Сережа скрывал, что верит в это тоже.

Накрыт был стол. Щедро, как в последний раз. Чипсы, сосиски, хлеб, баклажанная икра, колбаса, макароны, шпроты, сигареты. Каждый поделился тем, чем мог. Они никогда богато не жили. Отдельный столп – красный угол под иконой. Там собрался в кучу крепкий алкоголь. Мальчишник начался давно, в нескольких бутылках собирался воздух. Сережа посмотрел на марки – все дешман, так любимый друзьями Миши. Светиться с дорогой водкой Сережа стеснялся, потому решил убрать ее до тех пор, пока все не перестанут раз-

личать вкус и цену. На кухне был бардак, там была мужская рука. Посуду бросили отмокать на завтра, последний все отмоет. Сережа вернулся в комнату и сразу же услышал в свой адрес:

– Серега, давай тост! – завопили за спиной.

– Может, потом?

– Когда потом? – ответили ему. – У тебя друг потом уже женится.

– Хорошо-хорошо, вы налейте мне только.

Миша подошел поближе. Посмотрев на него, Сережу пробрала дрожь. Так они и познакомились в школе, на стадионе. Сережа сидел на скамейке и кидал перочинный ножик в землю. Без него нельзя было выходить из дома. Уроки давно закончились, а домой идти было опасно: около его дома в то время собирались местные подростки-металлисты, напились и били друг другу лица. Слащавого Сережу они приметили давно, и их не стыдило, что он был еще ребенком. За спиной зашуршали кусты, и из них с красными от ягод губами вылез Миша. Увидев у Сережи в руках ножик, тот испугался.

– Ты им обращаться-то умеешь? – спросил храбро Миша.

– Хочешь покажу? – ответил Сережа; ему стало страшно, он не понял, зачем это сказал.

– Давай, – ответил Миша.

– И вот так мы познакомились, – продолжил Сережа, – очень много лет назад, но недостаточно много, чтобы забыть

друг о друге.

– Не обошлось без крови, – тихо сказал Миша и парни засмеялись.

– Что я могу еще сказать, – Сережа протер глаза и продолжил. – Ты разбиваешь мне сердце не впервой. Я всегда тебя прощал, ты возвращался. Это было глупо с моей стороны, но с таким другом, как ты, мне хотелось быть полным придурком. Теперь у тебя есть она, за кем надо ухаживать, беспокоиться, беречь. Воспоминания – это все, что останется у нас, я попытаюсь отпустить, но не знаю, смогу ли. Но я надеюсь, что ты всегда будешь помнить. Всегда! Что, если что, рядом буду я, дурак. Ну...

– Сережа, блять, – Слава шмыгал носом, его губы дрожали. – Давайте выпьем. Я сейчас сдохну.

– УРА! – закричали друзья.

Миша не отпуская глаз с Сережи. Он не сомневался, что никто, кроме него, не понял то сообщение, которое Сережа зашифровал в словах; те воспоминания принадлежали только им двоим. Когда мальчишник разбился на компании, и все изрядно выпили, зашатались поддатые, Миша подошел к Сереже. Тот упивался печалью.

– Ты чего?

– А ты как думаешь?

– Понятно все, но не на людях.

– Миша, ты мне в любви клялся, а теперь...

– А теперь я все понял, блин. Все, закрыли вопрос. Ты

навсегда будешь моим другом, самым близким, это так. Но иного между нами не будет.

– Да, конечно, – Сережа нахмурился, – узнали бы они, так ты бы другим языком заговорил.

– Даже не думай! – прошипел через зубы Миша.

– Не буду! – ответил Сережа и выпил.

Ему разом поплохело. Обида стиснула зубы. Сережа дрожащими руками потянулся к сигаретам. Один на кухне, он спрятался от остальных, желая сжечь прожитые с Мишей годы. Как одноклассники на них показывали пальцем, как после школы они у него друг друга изучали, прятались от посторонних глаз за гаражами, играя в ножички, руки резали, смешивали коньяк с чаем на выпускной, первый раз употребляли, выносили дорогое с отстойных вписок. И парочки на улицах, кто спрячутся от лишних глаз – и они на их на месте были; раскрывали друг другу тайны, откровенничали, не сожалея. А теперь раз – и этого и не стало. «Конечно, – думал Сережа, – это по-детски; он есть, он остается, просто более они не вместе и вынуждены молчать об этом, но почему?» Он воображал, как заходит в комнату, расталкивает пьяных, силой хватает Мишу и целует так сильно, как никогда раньше. После плачет, умоляет передумать и тот, как и положено хорошему кино, соглашается. Но жизнь не кино, по крайней мере – не то. Поэтому Сережа выпил еще рюмку и, не привлекая внимания, забрал свои вещи. Ветер подгонял его домой. Спина, как назло, заболела. На память осталась

надпись в лифте, сколько лет она еще продержится?

Миша проснулся в полдень, самый первый. Глаза поначалу не хотели открываться, и не было сил заставить их. Сбоку от него лежал владелец квартиры. Слава сидел в кресле и храпел. За окном вовсю работали заводы, и в дальние пути собирались корабли. Миша перелез через соседа и побрел в ванную. Его лицо распухло и покраснело, синяки под глазами стали темнее. На него было стыдно смотреть. Запах изо рта мог убить живности на километр.

Он сел за кухонный стол и закурил. Голова болела, но не сильно. Бывало и хуже. Он пытался выкинуть Сережу из головы. Чувство вины давно испарилось, стыда никогда не было. От отравления ли это или от воскресшего спустя годы чувства вины ему нездоровилось? Миша протер ладонью окно, за ним чище не стало. Он отвел взгляд на микроволновку и удивился, как быстро течет время. Вот он женится, а там и до детей недалеко, а ведь несколько месяцев назад ходил с парнями в леса пугать прохожих, творить проказы, ходить на вписки. Ради Светы, от искренней любви к ней, он не будет скучать по прошлому или, как говорили друзья, «прервавшейся молодости».

Сигарета выпала из рук. Он забыл о встрече с ее родителями.

Если квартира выглядела после попойки как свалка, то после она напоминала свалку после урагана. Одежда летела в

стороны, утюг слишком долго включался, а потом попросту сгорел. Миша набросился на спящего владельца квартиры:

– Родной, у тебя одежда глаженная есть?

– Ммм?

– Ты прости, но это очень важно. Есть одежда? Очень надо!

– А, ты, – он громко зевнул, – обоссался что ли? Дай поспать.

– В шкафу есть?

– Шкаф, да. В коридоре, – ответил хозяин квартиры и, чавкая слюнями, уснул.

Миша сорвал с себя прокуренные брюки и рубашку. Раньше он не замечал своего запаха, а если и чувствовал его – тешился им, наслаждался тем, что он мужчина. Открыв шкаф, Миша чертыхнулся. Одежды там почти не было. Черные спортивные с тремя полосками, белая рубашка, кепка-гоп-парька. Миша оделся и посмотрел в зеркало. «Ходячий стереотип, – подумал он, – но ладно». Если кепка прикрывала выющую шевелюру и от нее был хотя бы один плюс, то спортивные казались ему ущербными, а рубашка чересчур большой. Но делать было нечего. Миша выбежал на лестничную клетку, но вдруг понял – с пустыми руками в гости к родителям будущей жены придти нельзя. Он захлопнул дверь. Денег на карточке не было, в карманах звенела мелочь на проезд. На двести рублей подарок взрослому человеку не сделаешь. Миша завис на кухне и вспомнил, как Сережа хва-

стался Славе дорожкой водкой, которую он купил по пути на мальчишник, но никто пить ее не стал, ибо к тому моменту гости были не в состоянии продолжать вечер. Миша открыл морозильник и бросил в пакет из «Пятерочки» ледяную бутылку.

Автобус шел прямо до дома Светы. На Мишу косо смотрели старики, он огрызался желтыми от сигарет зубами в ответ. Он научился не теряться в спальном районе, большом бетонном муравейнике. Несколько метров от супермаркета, направо от сожженной машины. Вдоль изрисованной электростанции срезать через детскую площадку, перелезть через забор, и вот, он уже в дверях. Ухоженный подъезд с консержкой, цветы, красочные поделки детей. Он поднялся на этаж Светы и постучался в знакомую дверь.

– Кто там? – раздался любимый голос.

– Светос, это я.

Дверь открылась и Света прыгнула в его объятия. Она долго боялась знакомить Мишу со своими родителями, консерваторами от мозга до гостей, людей ученых. Пока отец Миши надрывался в порту, а он сам зарабатывал на продаже втридорога вещей из Китая, его мать сидела дома. Несколько лет она не выходила на улицу и передвигалась по квартире в инвалидной коляске. По ночам Миша слышал, как она плакала и винила Бога за свои беды. На нее времени ни у кого в семье не было.

– Света, ты превосходно выглядишь.

– Спасибо, – она неловко покраснела; на ней висело легкое бардовое платье, шею подчеркивал крест на цепочке. – Ты почему опоздал?

– Мальчишник был.

– Ужрался, да?

– Я почти не пил.

– Врешь и не краснеешь, дурында. Пойдем, познакомлю тебя с родичами.

Она взяла его под руку и повела его в столовую. Миша знал квартиру вдоль и поперек, он часто навещался к ней. Мясо на столе давно остыло, родители не стали ждать и приступили к трапезе.

– Мама, папа. Познакомьтесь с Мишей.

Сложно передать то удивление, которое застыло на их лицах. Он им сразу не понравился. Папа Светы поднялся и протянул руку:

– Борис Иванович. Рад знакомству.

– А я-то как рад, вы не поверите, – Миша пожал его руку и удивился тому, как крепко он вцепился. – Света про вас много рассказывала.

– Да? Про вас она ничего не говорила.

– Значит, вы ее молодой человек, – заговорила мать.

– Ну да, – смущенно ответил Миша, – и будущий муж.

– Понятно, – разочарованно ответила мать.

– Это Алиса Григорьевна, – представила Света, – Давайте обедать, да?

– Отличная идея, – вырвался из неловкости Миша. – Я как раз взял апперитивчика.

Миша вытащил из куртки бутылку водки и триумфально поставил ее на стол.

– Мы не пьем, – холодно сказала Алиса Григорьевна.

– Оу, – смутился Миша, – тогда я, в морозилку уберу, что уж...

– Я сама, – Света выхватила из его рук бутылку, – а ты садись, накладывай себе.

Родители не переставили смотреть на Мишу с осуждением. Они не хотели мириться с выбором своей дочери. Хоть она и отмалчивалась и про Мишу говорила только хорошее, им было неприятно видеть его рядом со своим чадом. От него воняло табаком, и изо рта доносился вчерашний кутеж. Выглядел – лучше бы не выглядел, как опущенец недостойный. В столовой повисла тишина, прерываемая чавканьем и редким кашлем.

– Очень вкусное мясо, мама, – сказала Света.

– Угу, – промычала она.

– Михаил, а чем вы на жизнь зарабатываете? – спросил Борис Иванович.

– Я предприниматель, – гордо заявил Миша, – продажами, рекламой.

– И что продаете?

– Вещи из Китая втридорога.

– Хотя бы не наркотики, – прошептала Алиса Григорьевна

– Мама! – возмутилась Света, – ты чего?

– Отличная шутка, Алиса Григорьевна.

– Вы что-то про замужество говорили... – продолжил Борис Иванович.

– Не что-то, а конкретно. Мы со Светой планируем жениться.

– Что?! – закричала Алиса Григорьевна.

– Вы спешите, мне кажется, – напряженно сказал Борис Иванович.

– Мы подали недавно заявление... – не успел договорить Миша; Света пнула его под столом.

– Планируем, да, – уточнила Света.

– В смысле? – удивился Миша. – Ты разве им не сказала?

– О боже, боже – бормотала Алиса Григорьевна.

Незаметно они начали ругаться между собой, пререкаться. Как бы не пытался Миша убедить родителей Светы, как сильно он ее любит, они пропускали это мимо ушей. Они боялись за будущее своего ребенка. Увидев, с кем она собирается его связать – страх захватил их разум. Началась агрессия, оскорбления. Родители прошлись по всем Мишиным грехам, о которых они знали, а знали они ровным счетом ничего. Им хватило первого впечатления. Света пыталась заступиться за любимого, но она не могла. Стоило ей открыть рот, как ее перекрикивали; сложно сопротивляться влиянию родителям, если тебя растили под гипер-опекой. Миша отвечал хамством; как хищник, он скалил зубы и огрызался.

Истинные сущности вылезли из родителей; людей, кто видел любовь не иначе, как дисциплину и ограничения, жестокую любовь. Миша не отставал, переходил на мат и огрызался.

– Он еще и алкоголик! – вопила Алиса Григорьевна. – Света, как ты могла с таким связаться?

– Да не алкоголик я! – кричал с кухни Миша.

– Разве мы тебе чего-то не давали? – продолжала Алиса Григорьевна. – Что тебе не хватало в жизни?

– Мама, не в этом дело, – рыдала Света, – совсем не в этом.

– Ты смотри, вот-вот, за водкой полез. В семье он так будет решать вопросы? Бьет – значит любит, да?

– Да не собирались мы жениться! – крикнула Света.

– В смысле? – Миша с яростью посмотрел на Свету. – Ты что за чушь говоришь?

– Как с таким человеком можно детей растить, а? – не унималась Алиса Григорьевна, – Давай, лей до краев.

– Это я не себе, это вам! – зашипел Миша и вылил в лицо Алисы Григорьевны рюмку.

– Ах ты ж урод!

– Михаил, уходите отсюда. Немедленно! – сказал Борис Иванович, показав на дверь. – И не возвращайтесь.

– С удовольствием. Только без вашей дочери я не уйду. Света, пойдем.

Света сидела с белым лицом. Все смотрели на нее и ждали, что же она ответит. Она боялась повернуть голову, посмотреть куда не надо – поймают взгляд, и что дальше? В

недоумении от происходящего она продолжала плакать.

– Дочь мою до слез довел, мразь. Уходи отсюда, – Борис Иванович вылез из-за стола и схватил Мишу за руку.

– Оставьте руки, – отмахнулся Миша, – сам уйду. Света, собирайся. К моим перееедем.

– Никуда она не поедет, – завопила Алиса Григорьевна, – вот, забирайте ваши вещи, вашу водку, все забирайте. И никогда здесь больше не появляйтесь.

Миша пытался отозвать Свету, но она молчала. Ему никогда не было так больно, так обидно. Как нечестно, несправедливо поступили с ним, повторял про себя Миша, нельзя так жить. Дверь захлопнулась, но семья продолжала ругаться и кричать; только теперь жертвой стала Света. Миша стоял с курткой и водкой в руках, стопой придавив пятки туфель. Несколько раз он позвонил в звонок, но никто не собирался ему открывать. На крик подоспели соседи, и когда они окружили Мишу, тот не выдержал и ушел.

Мир стал полон зла, вокруг виделись враги. Во всем мерещились усмешки над собой. В мусорных баках вдоль дороги – каждый получил удар ногой; в фонарях – и им прилетело. Прохожие боязливо обходили его за километр, ждали беды, и не зря. Тяжело было, хоть убей. Жизнь никогда не была прекрасной, полной счастья и доброты, но сейчас она доказала это вновь. Никого на свете он так не любил и подобного предательства от нее ждать просто не мог, ибо не верил, что такое возможно. И вот, оно случилось. Он думал

о Сереже... Неужели он причинил ему такую же боль? Как было мерзко на душе, и с каждым шагом становилось тяжелее. Спасения не было. Обреченность. Ноги устали. Он сел на лавочку, открыл крышку и потянулся губами к горлышку, но через секунду сказал:

– Хоть это надо пережить без алкоголя, – и оставил ее под лавочкой стоять.

Петька лениво пинал мяч посреди дороги, надеясь, что Олежка присоединится к нему, но тот устало смотрел под ноги. Бензиновые лужи превращались в его сознании в необыкновенные пейзажи. Петька засмеялся над другом:

– Что ты боишься, под ноги смотришь?

– Машина! – крикнул Олежка.

Черная лада пронеслась в сантиметре от его ног, придавив футбольный мяч. Сдулся, порвался, превратился в мусор.

– Ну блин, – до слез расстроился Петька, – хороший был ведь мяч.

– Чем теперь займемся? – спросил Олежка.

– На площадку пойдем, – сказал Петька, взяв под мышку остатки мяча.

Но и там им было скучно. Когда они начали играть в спецназ, матери со спящими в колясках детьми начали шикать на них. Пришлось уйти. Снег еще не осел, снежки складывались только из грязи. Над ними парили чайки, криком зывая к лучшему времени. Петька и Олежка сели на бордюр и

загрустили. Они пытались пинать между собой сдутый мяч, но это было неинтересно. Под ногами разлагались вороны, их доедали голодные кошки. Петька огляделся:

– Смотри! – вскочил Петька. – В мусорке лежит что.

Олежка протянул руки и достал бутылку водки.

– Это водка.

– У меня отец такую пил раньше. Потом перестал.

– Почему перестал? – поинтересовался Олежка.

– Потому что денег, говорит, много стоит. Пьет другую.

Олежка открыл крышку и понюхал содержимое.

– Фу! – с отвращением поморщился Олежка. – Это гадость.

– Никакая это не гадость. Все взрослые пьют, я сам видел.

На день рождения ходил к Лехе, там его мама пила, дядя Артур тоже пил. Мой отец пьет, а твой нет?

– Нет, мой не пьет.

– Совсем не пьет?

– Ну, чай там, воду, – неловко ответил Олежка.

– Дурак ты, Олежка. Взрослый человек обязан водку пить, а кто не пьет – больной. Пойдем водку пить?

– Петька, я не хочу, – жалобно сказал Олежка.

– Значит пойду к старшим, с ними будем пить, крутыми, – Петька надменно поглядел на Олежку. Они оба понимали, что к старшим лучше не подходить, не зря же их боялись, но проводить остаток дня один он не желал.

– А где пить будем? Прямо здесь?

– Не, ты чего. Пойдем к ржавейке. Я видел, как старшеклассники пьют. Надо за стаканчиками сходить и сухариками.

Они спустились с холма к ларьку около остановки. Вместе у них было пятьдесят рублей. Так как Олежка был выше, покупать пришлось ему. Он поднялся на цыпочки и постучал в окошко. Открыла его молодая нерусская девушка. Внутри пахло резким парфюмом и забродившим пивом.

– А дайте нам, пожалуйста, два пластиковых стаканчика и пакет сухариков с беконом.

– И спички, – прошептал на ухо Петька.

– И спички, – добавил Олежка.

– На что это тебе спички? – с подозрением спросила продавщица. – Петарды пойдешь взрывать, а?

– Маме на кухню, – вновь прошептал Петька.

– Мама попросила.

– Хрен с тобой. Тридцать рублей.

Олежка отсыпал мелочи в волосатые руки продавщицы, и через несколько секунд она протянула ему коробок спичек, пачку сухариков и набор прозрачных стаканчиков. Он хотел попросить у продавщицы сдачу, но Петька отдернул его и потащил за капюшон.

– Двадцать рублей не дали, Петька.

– Математист, блин. Это она за стаканчики взяла. Мы же с тобой два считали, да?

– Я не считал, но ты лучше знаешь, – ответил Олежка; его

рука сжимала пакет сухариков в кармане.

Они шли по главной улице, естественно, Ленина. Солнце падало на спальный район. Далеко впереди за засохшими деревьями с гор спускались крошечные машины. Они спустились вниз по самодельной лестнице из паллетов к заброшенной на основании стройке. Рабочие обедали. Закусывали дошираки батонами хлеба, курили и громко ругались между собой, но ругань всегда заканчивалась смехом. В мусорках собаки отлавливали крыс, обгрызали кости. Одна, самая худая, с острыми ребрами, лежала в луже и скулила: кость застряла в горле.

– Смотри, – Петька показал пальцем на собаку, – умирает.

– У меня бабушка недавно умерла, – не зная зачем сказал Олежка.

– Соболезную.

– А что это значит?

– Не знаю. Так взрослые говорят обычно.

Детей окружили обгоревшие деревья. Между ними на остатках пианино сидели вороны. Они бились клювами о расстроенные струны. Мальчики не боялись там ходить. Ничего интересного вокруг, кроме мусорок, брошенных машин со шприцами и прудов ржавчины. Убогий вид. Около реки прятался пансион, окруженный машинами. В нем жили МВДшники и проститутки, вечный союз. С противоположной стороны раскинулся гаражный кооператив, который крышевали те же самые МВДшники и обслуживали те же са-

мые проститутки. Дорога закончилась около ржавого пруда. Люди там почти не ходили. Бывало, ползали, бывало, падали. Петька и Олежка спрятались в недостроенном доме. Из покрышки и куска дерева они сделали стол; уселись на матрасы.

– Смотри, что я у отца взял, – Петька вытащил из кармана пачку сигарет, – давай спички.

Они взяли по сигарете. Спички гасли от ветра. Кое-как вдвоем у них получилось поджечь одну сигарету: Петька держал ее в зубах и прикрывал руками, пока Олежка медленно подносил спичку.

– Кхе-кхе, какая гадость, – откашлялся Петька. – Как их держат?

– Я видел в кино, что вот так, – Олежка засунул свою зажималку между указательным и средним пальцем, – но дядя Витя говорил, что это по-пидарски.

– Что это значит?

– Не по-русски, – выдумал Олежка.

– Теперь ты закури, – настаивал Петька, не переставая кашлять.

Они повторили сложную процедуру, после которой и Олежка впал в кашель. Им не нравилось курение, их тошнило от сигаретного дыма. Но каждый пытался в глазах другого казаться уже достаточно взрослым для серьезных поступков, таких, как сигареты и алкоголь. Детство догорало и уходило с ветром. И пахло оно ржавчиной. Стыдом, в каком-то

смысле. Но взрослая жизнь не казалась радостной или счастливой, а наоборот. «Что это за жизнь, где тебе приходится терпеть такие гадкие привычки, – думал Олежка, – лучше бы мяч пинал и дома мультики смотрел, чем тут сидел в вонючем и холодном доме». Петька потянулся к бутылке.

– Ты не жди, открывай сухарики, – сказал Петька, будто бы не в первый раз выпивавший.

Разбрызгивая содержимое бутылки, Петька налил полные стаканчики. Олежка хрустел и ждал, что будет дальше. Запах сухариков не мог перебить резкий аромат спирта. Что-то нехорошее чувствовалось в нем.

– Теперь нам надо придумать, за что пить, – сказал Петька.

– В смысле за что? – удивился Олежка.

– Ну, что бы мы хотели, чтобы произошло. Или того, кого мы любим.

– Я маму с папой люблю.

– А я нет, – рассердился Петька, – за них пить не буду. Давай за Россию пить.

Олежка посмотрел в дверной проем, за которым голыми ветками поддерживали идею дерева, и согласился. Они подняли стаканы и посмотрели друг на друга. Кривая ухмылка не сходила с лица Петька. Он насмеялся над трусостью своего невинного друга. Олежка до последнего не хотел пить, но, увидев, как Петька показушно выдыхает в сторону, повторил за ним.

– Эй! – раздался крик за выбитым окном. – Вы что творите?!

Дети посмотрели в окно и увидели мужчину в синем пуховике и дырявой шапке. Через несколько секунд он оказался около них. Они были напуганы так сильно, что забыли убежать.

– Что вы тут делаете? – возмущенно говорил он. – Пьете? Да вы совсем... офигели? Кхм-кхм. Водка! Где вы это водку взяли?!

– Нашли, – выговорил Олежка.

– Как вы не понимаете, что нельзя детям пить. А ты, – мужчина посмотрел на Петьку, – не Маринин сын? Крыловой?

Не успел он договорить как Петька с Олежкой вскочили с кресел и побежали куда глаза глядят, в темноту. Они потеряли друг друга среди деревьев. Бежать приходилось быстро, но аккуратно; один неловкий шаг – и утопишься в болоте. Этому старшеклассники с детства учили, рассказывая кошмарные истории, о том, как девушки от несчастной любви в них топились, а потом их дух-демон приходил за виновником неразделенной любви и утаскивал с собой неразрушимыми чарами. Олежка несколько раз падал, но поднимался. Руки его покрылись царапинами, потекла кровь. Он обещал себе никогда в жизни не пить и больше с Петькой никуда не ходить.

Мужчина не стал бежать за ними. А зачем? Он поднял с пола бутылку и сказал:

– О, с нашего завода. Хорошая, значит, – и положил ее во внутренний карман пуховика.

Он знал дорогу хорошо, не в первый раз ходил по ней. В пансионе горели окна, закрытые шторами. Около входа он остановился и закурил. Машины приезжали и уезжали. Из одной из них вышел мужчина и поздоровался:

– Олег Петрович, здравствуйте! Какими судьбами?

– Да знаешь, ну, – Олег Петрович отвернулся.

– Ладно-ладно, я молчу, – мужчина улыбнулся. – Не мне вас судить, считайте, не видел.

– Спасибо, Пашка. Ты настоящий друг.

– А то, – он поправил кепку. – Ладно, я так, удостовериться, что это вы. Хорошего вам вечера.

– И тебе, – Олег Петрович улыбнулся и пожал руку. – Аккуратной дороги, там гололед везде.

В глубине души Олег Петрович хотел, чтобы тот по пути попал в аварию и умер, чтобы никто не знал, что он к проституткам ходит и жену любит платонически, и то, только когда она молчит. Он поднялся на третий этаж и позвонил в семнадцатую квартиру. Дверь открыла женщина сорока лет с желтым лицом, одетая в халат и колготки.

– Маруся, привет!

– А, Олег, ты. Мне сегодня нехорошо что-то. Может, ну, того?

– Я с гостинцами, – не слушая ее, он зашел в квартиру. – У тебя тут как всегда прекрасно. Вот, принес, с нашего завода бутылочку. Марусь, а с кем твой ребенок-то сидит?

– С мамой, блин. С кем еще. А отчего вопрос?

– Неважно, – Олег Петрович откупорил бутылку. – Ну что, выпьем?

– Не буду, говорю же, голова болит.

– Тогда иди мыться, а я тогда... Эх, от грусти один выпью. Представляешь, сегодня баклана одного уволил, за то, что тот у нас с производства ящик унес...

ТЕЛЬЦЕ

1.

Не так давно мы решились собраться вместе и обсудить все, что с нами произошло за последние месяцы. Раньше мы виделись чаще, а теперь реже, и чудо, что приходит хотя бы половина. Многие из нас работают не покладая рук и выгорают, другие продолжают посвящать все свое свободное время учебе. Смотря на них, я не могу понять, стоит ли радоваться? Они начитаны, спору нет, и желания у них быть ценными для науки хоть отбавляй, но неужели их ход мышления и взгляд на мир уместаются в рамки консервативного научного сообщества? Я часто говорю с ними об этом, но обычно они отмахиваются руками. Ничего не понятно. Надеюсь, у них все получится. Себя же я отношу к работягам. Еще в университете стало понятно, в какой области я буду дожидаться пенсии, и пока жизнь шла неукоснительно, что не может, конечно, не радовать.

Однако в последнее время я чувствую, как устаю. Пятидневка с каждым днем становится тяжелее, и при этом в остальном ничего не меняется. Если только я. Пару дней назад мой начальник подошел ко мне во время обеда и попро-

сил отвлечься на пару минут. Он смотрел на меня с недовольством, много говорил о том, как я из инициативного сотрудника стал рядовым, а всем известный блеск новичка, когда рвешься все исправить и все наладить, померк. Семен Юрьевич, мой начальник, никогда ко мне плохо не относился, ценил меня и по возможности продвигал на лучшие проекты, чтобы я, по его словам, сделал себе имя. Но я стал замечать, и сейчас скрываю ото всех, кроме моей жены, что мне противно подобное внимание. Мне просто хочется проснуться, сдать себя в рабство на пять дней и вернуться к жизни на выходных. Семен Юрьевич и это читал в моих глазах, я знаю. Когда я начал работать в компании, пришел по рекомендации университета, мы с ним часто обсуждали современную молодежь, зеленых студентов и выскочек-выпускников. Семен Юрьевич не глупый человек и многие вещи, о которых сегодня с пеной изо рта трубят журналисты и врачи, заметил годами ранее. Мой случай он называет «выгоранием».

Но я боюсь обсуждать это с другими напрямую. Иной раз кто-то опрокидывает мерзкое слово, выгорание, и сложно не заметить реакции. Руки тянутся к воде, кашель, попытка вырваться из зрительного контакта, искусственный смех. Это напоминает реакцию детей, которых поймали на проказе, и что смешно: даже когда родители и так все знают (мой отец называл это «читать по глазам»), и ребенок головой осознает бессмысленность врать дальше, он все равно пытается ухит-

ряться, отказывается признавать вину. Так и мы, трудоголики, сидим. Удивительно, что я привожу такой пример, ведь именно слово «вина» остается ключевым. Мой лучший друг, Дима Кислый, рассказывал про своего коллегу, который на десять лет старше его. Тот всю свою жизнь жил одной работой, попросту слился с ней и себя без нее не представлял. Она давно перестала приносить ему удовольствие. Мне хотелось бы спросить его: «Дружище, ты квалифицированный специалист. Мозг. В твоих руках будущее компании. Ты можешь позволить себе быть кем угодно. На тебя сыпятся предложения со всех точек земного шара. На почте сообщения с приглашениями на конференции. И я бы понял, если бы они не твоего уровня были, но ты же зачитываешь их до дыр по ночам и мечтаешь когда-нибудь уйти. Отдохнуть и хоть на годик другой снова стать собой и перестать быть своей работой. Почему ты этого не делаешь?». Ответ, очевидно, будет: «Я не хочу никого подставлять».

Сегодня пятница, и я рад что мы сегодня собрались. Мы сидели в «Делай Культуру» на Чистых прудах и пили вкусное пиво. Кислый не пришел, у него давно было в планах сводить свою девушку в музей. Таня тоже не пришла, у нее давно было в планах быть отведенной в кино. Обычно, когда мы собираемся, это выдох. На неделю мы опускаемся на дно, не жалеем себя и отказываемся от возможных радостей жизни. чтобы вынырнуть в пятницу, нажраться, в субботу отходить, а в воскресенье готовиться к следующему погружению. Но

сегодня не было радости на лицах. Не было того ожидания кутежа и угара. Все сидели подавленные, в печали.

– Ну что, у кого как неделя прошла? – неловко спросил я. – Вера, что у тебя с носом?

Кошкина пнула меня под столом ногой, видимо намекая, что подобный вопрос был неуместен.

– Это апгрейд такой, – ответила Вера, – чтобы нюхать за двоих.

– Теперь у вас с Мишей расход в два раза больше, да? – пошутил я.

– Нет, мы с Мишей разошлись.

– Что? – удивился я. – У вас же все хорошо было.

– Это ни о чем не говорит, – вмешалась в разговор Лера. – Я с Андреем рассталась буквально неделю назад. Паша вот вообще в себя прийти не может. Ты бы сказал, что у них все хорошо? А Полина, сука, взяла и изменила.

– Да, – очнулся Паша, – действительно сука. Вот у Джона зато со своей все хорошо.

– Ага, щас, – Джон отхлебнул пива и, поморщившись, сказал. – Вчера забрал у нее последние вещи. Заебала, будто с ребенком живу. Да, с охуенным телом, но не, хватит. Ставлю себе новую прошивку. Называется: «нахуй Олю». А что она хотела? Я ей прямо говорю: «Ты дура, я просто прошу от тебя внимания, хотя бы чуть-чуть интересоваться твоей жизнью». Нет, она все равно все о себе, своих друзьях-наркоманах и «ой, а есть такой классный...» – Джон умел кривлять-

ся, он прекрасно передавал эмоции и, если нужно, выводил из себя. Я помню, как однажды Оля пришла к Джону. Тогда мы сидели у него, пили пиво и смотрели кино. Она очень любила говорить о себе и никогда других не слушала. В итоге они поругались. Джон наорал на нее и потребовал, чтобы Оля немедленно ушла. Через несколько минут они уже занимались сексом в ванной. До сих пор не понимаю, как Джон ее терпел, честное слово.

– Мне кажется, зря вы ноете, – сказал я.

– Ноем?! – возмутилась Лера.

Сказанное легко объяснило коллективное настроение. Ничего, кроме поминок по отношениям, здесь не сложилось бы, поэтому я решил как можно скорее свалить. Разговоры о бывших (коллегах, партнерах по духу и телу – без разницы) ни к чему хорошему не приводят. Общение всегда возвращалось к актуальной повестке ненависти и обиды. А что оставалось делать? Мне повезло жениться на женщине, которую я люблю и ценю, мы больше семи лет вместе; никакой другой я не знал и, значит, не хочу. Чем бы я помог этим людям? Мозолил бы глаза да вызывал зависть, ничего иного... Через час-другой я ушел, Лиза вместе со мной. Ей пьяное упадничество не симпатизировало. По дороге я думал, правильно ли поступил, когда свалил, а ведь моим друзьям нужна была поддержка. С одной стороны – так, с другой – прошло больше недели, и только сейчас они решились поделиться этим. Вопрос – почему? Могу понять, что в их ситуации человек, у

которого отношения в порядке вряд ли сможет помочь советом, а доброму слову тут не место; жалости нет конца. Разве мы не друзья, чтобы делиться? Или боль притупила восприятие на несколько дней? В любом случае, я был рад, что они не наложили на себя руки. Остальное можно пережить.

Вот у Лизы, как по мне, действительно была проблема на порядок выше остальных. У Джона, Веры, Паши и Леры были близкие люди, теперь их нет. Но они были рядом. Они встречались, общались, пили, гуляли. Лицом к лицу проводили время. В случае Лизы это было невозможно. Дело в том, что у нее есть парень, но не здесь, не вблизи. Сейчас он находился где-то на юге, в горах, на учениях. История, если попробовать ее описать полностью, выйдет достаточно грустной и тупой. Почему тупой? Потому что.

В общем, давным-давно, Лиза нашла себе человека, достойного разделить с ней жизнь. Спортсмен, душа компании, всем достойный пример. Учился он в кадетском корпусе, зла не делал, был, в принципе, идеальным человеко-спутником: говорил мало, но по делу; если и говорил – то великие вещи. Дисциплинирован, красив, сексуален. Короче – само совершенство. Но нет человека без греха. После кадетского корпуса Женя (так его зовут) подписал контракт и отправился служить необъятной русской стране. Одно только мучило его – расставание с Лизой. Чтобы хоть как-то забыться, отвлечься, он соглашался на все выезды, самые тяжелые инициативы. При первой же возможности он писал ей, рассказывал, ка-

кие красоты существуют в России и насколько отвратительны люди вокруг. Армия не принесла ничего, кроме утомления, боли в конечностях и постоянного унижения. Разлука была для них невыносимой. Лиза, в то время поступившая в университет, не знала себе места. От нее оторвали часть себя и заставили камуфляжную частицу защищать миллионы других единиц. Свою тоску она скрывала и делала это хорошо. Тогда я был на третьем курсе и знакомство наше было нелепо. Кто-то, не имеет значения кто, познакомил меня с ней после собрания студсовета. Мы не нашли общий язык, пока не обнаружили общее основание. Наркотики.

С уходом Жени в армию Лизу накрыла печаль, и выходов было немного. Один для сильных, другой – терпеть. Выбрав второй, Лиза обрекла себя на каждодневные муки и еще кое-что. Представьте себя на ее месте. У вас есть любимый человек за тысячу чертей от дома. Вы ему бесконечно верны, иначе как жить? Любовь – это вера, и для Лизы она значила все. Томительное ожидание, скука, нехватка близкого – она терпела все, внушая себе, что вот она, настоящая любовь, мучиться ради другого. Так в ее маленьком тельце нарастала боль. Сначала она была ей врагом, и Лиза пыталась бороться. Внушала себе в два раза сильнее то, что ее дело правое. Не общалась иной раз с теми, кто влечется к ней. Вернулась на какое-то время в церковь. Современный человек, увы, воспитан так чтобы, ну, искать самые легкие пути. Иной раз не париться и не напрягаться. Так подруга Лизы, Вика, позна-

комила ее с наркотиками.

Это было откровение. Когда Женя ушел, она видела все только в серых тонах и настроении-негативе, но Вика словно промыла глаза и показала пальцем на очевидные плюсы. Женя хоть и парнем был для людей хорошим, но в некоторых аспектах быта он был тираном. Если какой-то парень писал Лизе, то Женя требовал показать ему все переписку; если от Лизы пахло сигаретами, то он устраивал скандал; если по неважно каким причинам Лизе нужно было встретиться с мужчиной противоположного пола, то Женя обещал (не без криков), что убьет или превратит в инвалида (по ситуации). Как можно понять, здоровые отношения с другими людьми сложиться при таком партнере у Лизы не могли, но, к счастью, Женя уехал, и Лиза пустилась в контролируемые тяжкие.

Она пила, и ей это нравилось. Она курила, и много. Она работала и ненавидела это, но жить на что-то приходилось. Женя, когда узнал об этом, был в таком бешенстве, что поклялся сделать так, чтобы Лиза никогда в жизни больше не будет работать. Я, узнав об этом, побелел и, мягко говоря, охуел, а она потом объяснила: «Это значит, что он один в семье работать будет, деньги приносить, реализовываться. А я дома сидеть, хозяйка ебаная». Оказалось, что жизнь на отъезде Жени не закончилась, а наоборот, была ключом. Так еще и Вика с парнем приходили каждую неделю с новыми приколам. Здесь стоит сказать несколько слов о Вике. Она – трикстер в вакууме, без добра и зла. Ее парень – профессиональ-

ный киберспортсмен, изматывающий себя до нервных срывов и суицидальных наклонностей. Узнав, что в силиконо-вой долине программисты используют героин для того, чтобы отключаться на выходные, Вика предложила сначала парню попробовать подобное с травой, а потом и Лизе. А потом и экстази, а потом и НБОМЫ, а потом и ЛСД, а потом и я так и не понял что. Так мы с Лизой и начали общаться. В метро, на ровном месте. О наркотиках. Я говорил, что это зло, она утверждала, что куда хуже, и мы оба оказались правы.

Поймите правильно – когда вы видите девушку, которая всегда приходит на встречи одна, никогда не говорит о своем парне (которого будто бы и не существует для нее, он есть только для армии), у вас сложится впечатление, что она свободна, и ей обязательно нужны именно вы. Такое происходит не только с плохими людьми, кто норовят подмазаться, заколдовать и пригласить выпить. С хорошими и добрыми людьми такое тоже случается. Вот они-то и мучаются. Человек желает только добра, а она его клеймит искусителем, шлет на четыре стороны, затем обкуривается и дрожит до тех пор, пока тело не перестанет чувствовать. Кто мог представить себе, что жизнь со второй половинкой может быть настолько одинокой.

А затем произошло удивительное. Одним прекрасным днем Женя вернулся. Тогда Лиза испарилась на месяц, и, как позже говорила, «мы месяц из кровати не вылезали». Я никогда не мог понять радости Лизы. Да, у тебя вернулся па-

рень, хорошо, но как же все то, ради чего ты отказываешься? – спрашивал я у нее. Она тактично соскальзывала с ответа, объясняя непонятные логические цепочки не иначе как любовью. Разорвав контракт, Женя оказался должен армии огромные деньги и в попытках их компенсировать решил пойти учиться на повара. Было это, мягко говоря, неэффективно и неубедительно. Мне было интересно с ним познакомиться, но Лиза строго-настрого запретила. «Почему? – спрашивал я». «Потому что он тебя убьет, и жена его твоя не смутит. Наоборот, легче станет – она же закапывать будет». Так Лиза исчезла из моей жизни на несколько лет, будто бы умерла, пока я через третьих лиц не узнал, что Женя снова вернулся в армию, надеясь новым контрактом покрыть старые долги.

– Мамлеев, блин, – сказала Лиза, – ты совсем напился? Ты слышала, что я тебе сказала?

– Ой, прости, я задумался.

– Ты не мог бы дать мне денег в долг?

– Зачем?

– Мне надо на анализы.

– А что за анализы?

– Вполне возможно, у меня рак.

2.

На работе был завал. Кирилл бегал вокруг меня и рассказывал что-то о своем последнем клиенте. Слушать это было невыносимо, какая-то абсолютно непонятная история об идиотизме и безответственности обеих сторон. Я задержал дыхание и погрузился в вымышленный вакуум. Улица холодила, грубый ветер отгалкивался от стен переулка. Я листал переписку с Лизой и думал, какая есть вероятность, что я смогу вернуть свои деньги обратно. Женя меня простит, но вряд ли поймет. Они никогда не были друзьями или хотя бы близкими, а тут я вдруг от лица нашей семьи отдаю Лизе довольно крупные деньги, так еще и настаиваю на том, чтобы она их не возвращала. Классно, наверное, узнать, что у тебя рак, пока твой любимый человек на три года обречен служить стране, которая тебе не поможет. Я никому не рассказывал, ибо это не мое горе.

- ... что я хотел тебе сказать, братан, – я снова услышал Кирилла, – ты вчера с Дашей поступил неправильно.
- Почему ты так думаешь? – удивленно спросил я.
- Потому что орать на своих друзей – это не круто.
- Она накосячила, и накричал я на нее по делу. Вместо того, чтобы сконцентрироваться и работать, как все остальные, она балду гоняла, и сейчас мне за это отвечать.

– То, что ты работаешь сверх меры, не означает, что и остальные должны.

– Именно это и означает. Взяли бы пример, может быть, мы стали бы деньги зарабатывать. Хотя у меня надежд на эту компанию нет, если честно.

– Ты тоже, так, дай бог день пройдет, и заплатят. Пропал энтузиазм?

– Сам знаешь. Зачем спрашивать тогда.

Закурили.

– Твой тоже... – начал Кирилл

– Тоже что?

– Видят изменения.

– Какие.

– Я со своими почти не общаюсь, мне от этого неприятно и тяжело.

– Так это, я с женой живу.

– Когда ты последний раз маме звонил?

– Будем увольняться? – я сменил тему.

– Ух, я не знаю, честно говоря. Чем еще тогда заниматься будем? Без работы-то.

– Жить, Кирилл, жить. Работа значит не так много, как ты думаешь. Это мы просто себе херню какую-то придумали и сидим здесь. Развиваться надо. Вот ты хотел быть моделью, одежду делать, а сидишь здесь, отвечаешь на звонки и бумаги заполняешь, а я музыкой заниматься хочу. Мы не обязаны здесь навсегда оставаться.

– Да я понимаю, – с грустью произнес Кирилл. – Страшно ведь.

– Нечего бояться, не смерть.

– Ты тоже считал это призванием?

– Только потому, что это получалось, – мы потушили о плевки сигареты и разошлись.

Мы вернулись на свои рабочие места. Дело наше было скукой. Просыпаешься утром, проверяешь перевозки, возвращаешься к логистике, цифрам, звонишь, обсуждаешь следующую перевозку. Сколько нужно вагонов, куда с кем отправить, что отправить. Иногда мне хотелось бы самому залезть в поезд, набитый углем, песком и кирпичами, и уехать с ним куда-нибудь далеко и желательно навсегда. Начать новую жизнь наедине с женой и музыкой. Я обдумывал слова Кирилла. Страх. Да, это действительно страшно, но надо держать лицо перед коллегами и подчиненными. согласишься, и они утащат тебя на дно; я бы быстро сдался, ведь в глубине души понимал, что он прав. Даша тоже молодец, свой упаднический настрой не скрывает, и других подстрекает. Женщины – сплетницы, змеи на яблоне. Нет бы предложить лечить дерево, нет. Она предлагает питаться ядовитыми плодами. Я просматривал платежки и потерялся в цифрах. Мне хотелось спать, заниматься чем-либо другим, кроме того, как сидеть за компьютером и ждать следующего перекура. Я смотрел в окно, считал карандаши, крутился на кресле. Мне грех было жаловаться на жизнь, но как же без

этого? Будто камешек попал в ботинок. Ходить-то можно, только не хочется.

Слова Кирилла гремели в голове. Отдых, неправильно, нервничаю... Это действительно так, но по делу же. Необходимо работать, а мне приходится делать это за пятерых. Делегировать полномочия нельзя, обязательно облажаются, как Даша или Лена. Я схватил листок и написал себе пометку, что если они еще раз облажаются, то я сделаю все в моих силах, чтобы они вылетели из конторы. Как давно у меня не было отпуска? Мне и предлагали, и уговаривали, а я все нет да нет. Теперь этим пользуются, теперь меня выжимают. Но могу ли я сопротивляться, если попал сюда по случайности? Уйду, и тогда Евгений Викторович, мой научрук, получит галочку в карме. Нельзя его подставлять, надо терпеть. Да, может, я действительно устал. Ох, завтрашняя планерка будет кошмарной. Раньше эти люди воспринимались как команда, моя альтернативная семья, а теперь... я не выношу их рожи. И Симонян, и Порошенко, и Семернин, и Ванин. Мерзкие люди, слишком многого требуют. Ванин та еще скотина. Ему как надо что – так он фамильярности давит, к начальству бежит, жалуется, а как облажается, так сразу на меня все скидывает, сука.

Был у нас неприятный случай. Абсолютно пустой. Во время обеденного перерыва я ходил в кафешку за кофе и сэндвичем. Поестъ же решил на рабочей кухне. Опенспейс, чтобы его побрал. Сижу себе, ему и приходит Ванин. Мелкий,

лысый карлик. Открывает холодильник и кричит: «Кто сожрал мою спаржу?» Вокруг никого, все на рабочих местах. Он подошел ко мне и начинает предъявлять:

– Тебе своего сэндвича мало?

– Руслан, ты не офигел ли часом? То, что я здесь один не говорит о том, что я твое брал.

– Ты на месте моем сидишь.

– А с хера ли это твое место? – здесь я вышел из себя; о том что это «его» место я узнаю впервые, Больше всего удивило, что какая-то мелкая сошка, хоть и любимчик учредителей, имеет наглость себе места отбирать на общей кухне. – Иди своей дорогой, дай пообедать.

– Я сам решу куда мне идти, – завизжал Руслан.

– Ты хоть по-человечески понимаешь, что ты сейчас говоришь? Мы с тобой, может, и не друзья, но манеры-то имей.

– Ты вообще в рабочее время просиживаешь на кухне и ходишь с Кириллом курить каждые тридцать минут, так что не надо мне тут начинать про профессионализм. Ты мне никто. Вот учредители скажут – я сделаю, а к тебе я никак не отношусь.

– Руслан, ты хочешь поговорить об этом?

– Тебе конец, ты понял? – крикнул он и вышел с кухни; из-за двери появились несколько любознаек. Аппетит окончательно пропал. Позже оказалось, что он действительно пошел жаловаться, дошел до учредителей с жалобой – филькиной грамотой – в которой (удивительно, как у человека мно-

го свободного времени) он расписывает все мои проколы за несколько лет, прогулы, дает краткую характеристику (негативную, какую еще) и требует уволить меня. Учредители почитали это, посмеялись и сказали Руслану, что примут меры. Мой начальник сказал, что они не стали воспринимать его просьбу всерьез. Руслан не был идеален. Он многих выводил из себя, и несколько человек не отказались бы сломать ему при случае нос, но личные знакомства крепко держали его с работой, и, мне кажется, это и подстрекало его, позволяло быть агрессивным. Если тебя не выпрут, то почему бы не начать делать то, за что других выкинут с позором? Клянусь, если завтра он мне что скажет, то я расквашу его лицо об пол.

Постучались в дверь. Это был Семен Юрьевич. Выглядел он отвратительно. Весь красный и потный. Живот переваливался через ремень. Он протер лицо и зашел. Мы пожали друг другу руки.

– Как дела, Игорь? – спросил Семен Юрьевич.

– Да нормально. Вот думаю насчет запроса китайского, и у меня к вам дело было.

– Ты оставь это, – перебил меня Семен Юрьевич. – Есть другое дело. В общем, необходим один человек в Екатеринбург. Там поезд встал, необходим наш представитель.

– Хорошо, отправьте Кирилла или Леонида.

– Нет, Игорь. Поедешь ты. Таково мое решение.

– Но почему именно я?

– Ты недоволен? – возмущенно спросил Семен Юрьевич.

– Нет, нет, конечно.

– А мне кажется, что да.

– Просто тут работы много.

– Игорь, давай прямо. Я не могу отправить тебя в отпуск.

Не сейчас точно. Но я вижу, как ты изводишься. На тебе лица нет. Ты дергаешься, будто на чем-то запрещенном сидишь. Еще и Даша приходила. Рассказала, как ты на ровном месте на нее накричал.

– Это было не на ровном месте!

– Ты выгораешь, понимаешь? Я же вижу. Об этом только и говорят, что вы, молодые, не выдерживаете сегодняшней нагрузки и, чтобы как-то держать ритм, вкладываете в этом слишком много. Я очень не хочу сейчас, чтобы ты спорил и сопротивлялся. Просто бери билеты, приноси в бухгалтерию чеки и выезжай как можно скорее. И не волнуйся, во время твоего отъезда я распределю повисшие таски. Вернешься здоровый, спокойный, и все вернется на круги своя. Не могу я тебя таким видеть, Игорь! Не могу.

– Спасибо вам, большое, Семен Юрьевич.

– Ты Кириллу скажи спасибо.

– А он здесь при чем?

– Неважно. Что ты хотел мне сказать?

– Да я потом лучше вернусь к этому, ну, делу. Там пока не очень понятно, все распишу потом и вышлю вам. Спасибо, Семен Юрьевич.

Вскоре ко мне зашел Кирилл, и я долго пытался понять, чего же хочу: сказать спасибо за то, что он засуетился и выбил мне какую-никакую смену обстановки, или высказать все, что я о нем думаю: что он доходяга, слабак, ведет себя как ребенок и его девушка на самом деле заслуживает настоящего мужчину; что он попал на работу просто потому, что я, по доброте душевной, забеспокоился и предложил его руководству; что он безответственный и в свои двадцать пять ведет как на шестнадцать; что он постоянно разговаривает по пустякам, несет хуйню и иногда я думаю о том, чтобы отрезать ему язык и заставить его съесть.

– Кирилл, спасибо. Думаю, мне реально необходимо отдохнуть от всего.

3.

Сначала я радовался возможности съездить в Екатеринбург, но меня долго не отпускало ощущение поражения. Что я сдался перед нагрузкой и не способен подняться. Упал – уничтожен, списан в утиль. Нельзя же человеку вечно быть сильным, ведь так? Не знаю. Жена с радостью восприняла новость о моем отъезде. Я спросил: «Как же так? Ты же ненавидишь, когда мы с тобой не видимся долгое время». Ее ответ меня убил: «Тебе необходимо отдохнуть наедине с самим собой». И она была права, но от этого лучше не становилось. Я успел столько себе придумать, что усомнился в собственной адекватности. Ну не может она мне изменить. Смотря на других людей, мы смеемся, мы обожаем проводить время вместе. Друзья вокруг ставят нас в пример идеальных отношений. Плюс мы, как-никак, женаты, так еще и без детей. Какие у нас в таком случае могут быть проблемы? Тем вечером мы лежали, смотрели «Евангелион», а перед сном я собрал вещей на неделю и отправился в аэропорт.

Там все как всегда было, есть и будет. Злые, хмурые, русские и нерусские. Огромные очереди к стойкам регистрации не знали о возможности проходить ее онлайн. Контроль прошел без проблем, только, опять же, людей много, и бесят все, бесят. Будь моя воля, я бы детей усыплял на время поездки,

прямо на входе в аэропорт. Или усыплял бы в принципе, делал услугу. Мысль очень злобная и странная, но это, должно быть, от нервов. У нас с женой не так часто получается выбираться из города и резистентность к аэропортам еще не выработалась. Поскольку билет в Екатеринбург покупала компания, я не стал скупиться на дополнительные услуги победы. Полет был хреновый, но царский.

Я заметил, что очень сложно просыпаться. Может, это сон не отпускает, или тело отвыкает от жизни, но прийти в базовое состояние необычайно тяжело. Рейс приземлился рано утром. Я заказал такси и поехал в номер. Изначально план был прост – заказать дешевый хостел и на остатки командировочных щеголять, но Семен Юрьевич сказал, что фирма покрывает все, потому, зная меру, надо было отрываться. Посмотрев все так называемые отели пять звезд, мне стало не по себе. Их будто специально создали, чтобы друзья постояльца потом слизывали с него роскошь, а он сам мог мастурбировать на воспоминания о поездке. Заставить себя шиковать – это тяжелый труд для такого человека как я, кому от жилья многого не надо. Нашелся неплохой, обыкновенный отель около метро Геологическая. Приехав туда, я заселился, помылся и лег спать. Рассматривать номер не было сил.

Утром, когда яркое зимнее солнце осветило мой номер, я понял, что не прогадал. Достаточно уютный номер, с новой мебелью. Такой пограничье между модерном и мебелью

из ИКЕИ. Светлое дерево, кресло, стул, телевизор, огромная двухместная кровать с зеленым постельным бельем. Вылезать из нее не хотелось. Сделал фотографию, отправил жене, выложил в «Инстаграм». Залогинился в стандартную жизнь человека современности. Увы, провести все командировку в номере у меня бы никак не получилось, как минимум из-за того, что в тот день была назначена встреча на вокзале. Проснулся я вовремя, в обед. Сон был мой прерван одной из работниц отеля. Ее не смутило что во время уборки в номере находился постоялец, так еще и спящий, после тяжелого полета. Я могу понять: да, у тебя график, ты не спишь, ты забыла, как это прекрасно, ведь я тоже. Но стоило мне только попробовать крепкий сон, как ты из злобы и хамства решила отобрать его у меня. Мой голос не позволял перекричать пылесос. Я выскочил из постели в одних трусах и стал объяснять, довольно прямо, то есть грубо, почему не стоило этого делать. В слезах она убежала, оставив свои чистящие принадлежности.

Когда я спустился вниз, она уже жаловалась администратору. Та с презрением посмотрела на меня, и хотелось показать ей средний палец, но из кармана руку доставать не хотелось. Скрытые руки прибавляют мне уверенности, никто не знает, что держится в карманах. Кормили сытно, но не очень вкусно. Закончив трапезу, ко мне подошла администратор и спросила, что же такого натворила ее подчиненная, раз я начал кричать на нее и угрожать расправой.

– Она прервала мой сон.

– Но на улице уже два часа.

– Ну так это на улице. И вообще – вдруг она хотела что-то украсть у меня? Хорошо, что я ношу самое важное с собой. Что бы вы тогда сказали? Стояли тут с расстроенным лицом и вымаливали бесплатными ночами извинениями?

– Я жената! Как вы смеете?

– Так я тоже! Вы вообще о чем подумали? Можете просто выполнять свою работу? Фоново, не появляясь у меня на глазах? – я встал в победоносную позу: выпрямил спину, выпятил грудь, посмотрел на нее сверху вниз. Она себя сдержала, а ведь, сука, так хотела мне гадостей наговорить, всю желчь за других постояльцев выкатить. Прямо как я сейчас с ней за бывалые месяца отыгрался. Молодая, миленькая администраторша. На вид – только закончила кафедру туризма местного колледжа, а перед ней уже стоит бугай и недовольтвует, потому что вот щелкнуло у него в голове, захотелось поорать не по делу.

– Прошу прощения. Такого больше не повторится, – сказал она высоким голосом, тем самым, которым обычно пытаешься скрыть разочарование, слезы и всхлипы. Администраторша не могла не заметить того, как я подмигнул ей, мол, все понял. Она покраснела и быстрым шагом удалилась, дергая вверх-вниз бедрами. Необходимо признать – я получил массу удовольствия, ругаясь с ней.

Когда я вышел на улицу, я вспомнил время далекое, когда

я себя бы собой не назвал. И мой отец был молод, и мать не мечтала о Москве, но все быстро переменялось. Прямо как мы. Знакомый холодок, приятный, не московский. Ветер дует, дует сильно. Но не укладывает в снег, а поднимает и несет дальше-дальше. Как приятно стало. В витринах высвечивалось мое красное лицо с растянутыми от улыбки щеками. Статная фигура. Зеркало принижало, но я все равно оставался выше среднестатистического россиянина. Только я отошел от отеля, как зазвонил телефон. Номер неизвестен.

– Да, здравствуйте.

– Отличный номерок, Игорян.

– Костя! – обрадовался я, – откуда ты звонишь?

– Рабочий, рабочий. Можешь не записывать. Знаешь, давай сразу. Я как раз проездом в Екатеринбурге, давай пересечемся?

– Да, давай, отлично. Ближе к вечеру. Ты вообще как?

– Ну хорошо, я наберу, где и что. Давай.

Не может быть! Как я был рад услышать его голос. Костя Викторov – мой давний друг, хоть и не друг на самом деле. Диман познакомил меня с ним, когда тот приезжал с концертом в Москву. Они же общались в интернете до этого. К сожалению, я быстро напился, и жена увезла меня домой, но после концерта Костя добавил меня в друзья в ВК, и мы стали обмениваться музыкой. Он делал что-то странное. Смесь эмбиента, даба и полевой записи. Довольно ритмично, психоделично, иногда вообще ничего не понятно, но в

это хочется вслушиваться. Видимо, он подписался на меня в Инсте, и это проскочило как-то мимо. Очень хорошо, что Костя объявился, очень. Всегда есть шанс умереть от скуки и пролежать овощем в кровати остаток своих дней, пялясь в потолок. А так – вот, пойдем выпить пива вечером.

Открыл карту. Чтобы выйти к Вокзальной улице, надо сначала дойти до улицы Челюскинцев. Навигатор предложил мне пойти длинным путем, через парк, прямо к музею Эрнста Неизвестного. Оттуда по улице Добролюбова, вдоль уродливой пластиковой многоэтажки и представительства не то президента, не то какой-то республики. Перешел реку Исеть по мосту около памятнику Малышеву. Все казалось древним и незнакомым. Дома вокруг будто впали в вечный сон, а вместе с ними и люди. Архитектура говорила со мной, рассказывала, как раньше город шел впереди планеты всей, но сейчас он и его жители устали и ничего делать с этим не хотят. Несколько волн, героиновая и мефедроновая, скосили молодежь и не оставили надежд хоть на какое-то будущее. У реки гуляли пары, укрывая капюшонами лица. Я оглядывался по сторонам. Здесь по какой-то причине никто не обращал на меня внимание. В Москве не принято пялиться друг на друга, я знаю, потому и многие, например, в метро или рынках, специально высматривают людей как что-то запрещенное. Здесь же всем все равно друг на друга, и неважно, что они видят в других, им важнее, что у себя внутри. По крайней мере, мне так казалось, не исключено, что это из-

лишние раздумывания. Дети кидались снежками около берега реки, собаки плавали в снегу, и сквозь серые тучи прорезалось солнце.

На плотине я каким-то чудесным образом, руководствуясь внутренним кретинизмом, свернул не в ту сторону. Дошел до Ельцин-центра. На фотографиях он всегда выглядел круче. Рядом с ним, покрывшись стеклом и пылью, стоял Свердловский академический театр. Люди шли, но ничего не двигалось, кроме машин. Да я, уверен, стоял на месте, тонул в бетоне и жалости к самому себе. Мои ощущения как крэкбол энтузиаста, подборка примеров знаменитой диалектики Гегеля (вот что вспомнил, офигеть, пять лет его не слышал и не вспоминал). Вещи, противоположные друг другу, во вражде, борющиеся за исключение одним другого, проявили смекалку и скооперировались для уничтожения меня. Ладно, может, не уничтожения, а для создания атмосферы неопределенности. Либо мир бежит, и я стою, либо я бегу ужаленный, а мир стоит и смотрит. По скоростям мы явно не сходимся.

Закурил у набережной. Люди в шубах переходили реку, и мне захотелось попробовать. Сначала я боялся, ведь зима была не самая холодная, и вряд ли кто стал бы меня спасать и рисковать своей жизнью. Говорят, смерть во льдах прекрасна, блаженство. Такой случай зафиксировали много лет назад. Человек во время научной экспедиции, неважно как, но провалился под лед. Когда его вытаскивали, он изо всех сил

сопротивлялся и остатками голосовых связок умолял вернуть его в воду. Представляю оранжевого слизняк на льдине с замерзшими ресницами, сморщенным членом и синей кожей, умоляющего о пощаде. Потом, спустя несколько месяцев, он давал интервью и сказал, что «я никогда не чувствовал себя лучше, это как вечное спасение, только лучше». Из-за спины выскочил школьник в спортивной куртке и огромных сапогах. Когда он с разбегу прыгнул на лед и побежал по нему на другой берег, я решился перейти реку. Я спустился по вытоптанной горке. Должно быть, ее сделали дети, рядом стояли снежные кулички. Отклоняться от курса из следов я не стал. Снег был крепок, но по сторонам, где следы давно покрылись снегом, виднелись проруби. Увидев это, я сглотнул слюну, закурил и, закрыв глаза, пошел вперед. Чувствую себя ребенком, таким же бессмертным.

В отличии от Лизы, конечно. Как же чувствует себя человек, узнав о раке? Понять, надеюсь, не смогу. Страдает, представляет, как в палате лежать будет. Готовится руки на себя наложить, ведь известно, что наша страна списанным не помогает. Неужели ее распутство так посмеялось над ней? Я имею в виду, что вот она во имя любви обрекает себя на терпение и одиночество, в то же время обманывая Женю, себя и вселенную (какую-то сущность, что все видит), употребляет, пьет, но все равно продолжает любить, и тут – бам – кто там? – это я, рак. Не первый год она задается вопросом: живет ли она ради него, обрекая себя на судьбу жены офицера,

либо стоит бросить его и начать жить в свое удовольствие. Второй вариант развития событий представляется для нее ничем иным, как предательством. Почему я вспомнил о ней? Все просто – белый снег, желтый снег, ветер, офицеры повсюду, бедный вид некогда великого времени – она рассказывала про что-то подобное. Тогда она хорошо выразилась, и я не могу до сих пор забыть: *«Мое будущее – это надеяться, что он разрешит мне курить в нашей будущей квартире, потому что сошлют нас в Воркуту, а там хрен на улице выйдешь в мороз. Скорчишься, сляжешь, поганый москвич. Он обрекает меня на муки, пять лет я сидеть буду и ждать, а потом что? Тур длиною в жизнь по необъятной, с видами только из окна военного самолета. Любовь того стоит?»*

Мужская солидарность – штука сильная, его аргумент мне понятен. «Я делаю это ради тебя, нашего будущего, – говорил он, мне рассказывала Лиза. – Продаю себя в офицеры, только чтобы мы могли потом хорошо жить, с деньгами по социальной лестнице поднялись». Это очень сильный довод, но он разбивается об одно смазливое лицо и потекшую тушь: «А что насчет сейчас?». По ее историям я понял, что Женя парень-то неплохой, просто яростный эгоист и лицемер. С такими качествами он мог себя реализовать много где, это точно, но не с такой ношей, как Лиза. Я сильно сомневаюсь, что Женя выжил бы сейчас без нее в армии. История следующая: один из старших офицеров решил поднять денег и как старший офицер запряг для этого нижестоящих чуха-

нов. Только способ он выбрал извращенный. Одному из контрактников – как раз Жене – подбросили наркотики и потребовали заплатить за то, чтобы другие офицеры не узнали. Заодно и командный дух воспитали, заставив весь взвод вложиться. Кошмарная ситуация, отвратительная. Российская армия в ореховой скорлупе. Боюсь представить, как на него смотрели сослуживцы. «Мы по-человечески-то понимаем, но ты, сука, крайний; тебе же подбросили». По крайней мере, в их условиях жизни я бы подумал именно так. Интересно, правда ли у Лизы рак, или ей просто нужны были деньги для Жени?

Моя жена со своеобразным женским, но пониманием, относится к сложившейся ситуации. Ей неприятно, что личные проблемы Лизы мельком становятся и нашими. Однако воспитанные люди открыто близких в беде не оставляют. Только по-английски. У человека беда, что еще делать? Как-то не так давно я сделал доставку по адресу Лизы, ибо так было дешевле, и случайно угодил на семейный вечер. Мне было очень неловко, ибо никого из ее родни я не знал. Там была мать, вечно укуренная, существующая в реальности, далекой от нашей, где нет Лизы, нет ее сестры. Только ее отчим, высококлассный секс и вкусная еда. Дети собирались в магазин, и я решил составить им компанию, донести сумки. Сестра Лизы, по ее словам, остается на второй год в четвертом классе и радуется этому. Я сначала не поверил, но когда та начала при мне материться, сомнения исчезли. Гиперак-

тивная девочка. Побежала вдоль полок в Пятерочке, бросая все на пол и хватая сладости и чипсы.

– Лиза! Давай купим сбитые! – кричала она (она намеренно говорила «сбитые»).

– У нас нет денег, Маш. Вообще нет, – сказала Лиза.

– Тогда давай украдем. Лиза, блять, я хочу сбитые сливки.

– А что нам тогда есть? Тут и так ровно на сосиски, даже овощей не хватит.

Я предложил дать Лизе еще денег, но та наотрез отказалась. Когда я подсунул деньги ей в карман джинс, она бросила их в сторону со словами «ты же дал мне денег, я ими и распоряжаюсь». Купюра не успела долететь до пола, как ее схватила Маша, держа подмышкой взбитые сливки. Почему она живет в нищете в Жулебино, пока ее семья шикарует в центре? Почему ее бабушка-миллионерша, вышедшая недавно замуж за криминального авторитета, не помогает ей? Не знаю, а знать, на самом деле, очень хочет. Вспоминая прошлое, быстро пролетело и настоящее. В себя меня привели цыгане.

Я на московском автоматизме стрельнул одной сигарету. Она, цыганка-колобок, старая, с раскрытым беззубым ртом и гноющимися глазами, стала требовать большего. И денег, и руки, и посмотреть на нее внимательней. Увидев, как в нашу сторону ползут еще три такие, я перепрыгнул через забор и быстрым шагом зашагал в сторону вокзала, пытаюсь не врезаться в хмурых приезжих с небритыми лицами и лю-

дей в черном. На вокзале воняло. Несколько бомжей скромно спрятались около часовни и источали настолько сильную вонь, что я мог увидеть, как темнеет воздух вокруг. Начальника вокзала на месте не оказалось, был лишь (на самом деле, к счастью) его заместитель Егор Олегович Радожник. Молодой, хорошо смотрелся в форме. К счастью, наша встреча не заняла много времени. Я показал ему документы касательно того, что поезд, который успели трижды обыскать полицейские, стоит и мерзнет, а должен уже как вчера быть в Китае, оформлен официально, и самое время отправить его в дальний путь. Как и положено ответственному лицу, Егор Олегович помялся, вместе со мной посмотрел поезд, проверил, он ли это, позвонил начальнику вокзала, по его поручению снова посмотрел поезд, проверил документы и заявил мне, что надо дождаться подписи документов, и только после этого поезд сможет отправиться. Я стал угрожать ему судом и другой юридической расправой, ведь, наверное, по правилам мне необходимо общаться с начальником станции, а он обязан присутствовать на вокзале, и никак отпуска и больничные от этой участи спасти не могут. Только тогда он понял, что гораздо разумнее поезд отпустить. На этом моя командировка официально закончилась. Мы пожали друг другу руки. Слабое, вялое. Мне неприятно было к нему прикасаться. Напоследок, не вслух, я пожелал ему попасть под рельсы. Я передал машинисту все необходимые документы.

Я всегда любил ходить по шпалам, между железными ги-

гантами. Поезд загудел, механизмы стартовали. Колеса зашевелились, и через несколько минут он уже исчез из моего вида. Уползла змея зимой, уползла зима зимой. Помахал рукой и ушел.

4.

Мы встретились с Костей вечером около отеля. Вышло это случайно. Я курил у входа и ждал его звонка. Бросаю бычок в снег, и из-за угла, из снежного ветра, появляется он. Без шапки, нараспашку, руки в карманах, сгорбился от мороза.

– А ты такой осенний, – сказал я Косте вместо приветствия.

– Здарова, здарова. Да нормально, я-то привык. Погнажи. Как день провел?

– Нормально, – закурили, – ходил на вокзал, сбежал от цыган. Подписал бумажки и поезд в даль отправил. А ты как?

– Да нормально.

– Куда пойдем?

– По пути надумаю.

– У вас в городе проходят, может, какие концерты? – поинтересовался я.

– Не знаю.

– В смысле не знаешь? Ты же музыкант, следишь за местными, должно быть.

– Да нет, – безразлично ответил Костя. – Раньше когда-то да, а теперь не вижу смысла.

– Как же это без смысла-то...

– О, – оборвал меня Костя. – Сюда зайдем, тут нормально.

Меня поразило его акцент. Это был обыкновенный русский язык, знакомый и неизменный, но в произношении слышалась некая простота и не-обязанность, будто он разговаривает со мной, не желая этого, из надобности. Вместе со словом происходит и выдох, настроение «так и быть». Мне это не очень понравилось, учитывая тот факт, что он же меня и позвал выпить.

Бар оказался на вид обыкновенной московской бургерной, с подносами из дерева и пейджерами заказов. Ассортимент пива был не хуже, чем в Москве, только дешевле. Я взял с бара пустую бутылку и прочитал этикетку.

– Это все местное, Мамлеев, – сказал Костя. Он стоял ко мне спиной, и я не мог понять, как он узнал, что я искал на этикетке, – еще и дешевле. Ты какой хочешь? Это? Привет, – Костя обратился к бармену, – а есть что-нибудь нормальное?

– Все нормально, – холодно ответил бармен.

– Но все я не выпью, – сказал Костя, – но ладно. Мне лагер вон тот.

– А вам? – обратился ко мне бармен.

– Саур. И мы картошки возьмем еще.

– Прикладывайте.

Я глотнул пива, и меня чуть не вывернуло наизнанку. Посмотрел – саур, по запаху – саур, на вкус – саур, но не мой. Вязкий, как йогурт или компот. Остатки кеги мне отлили.

– Эй, – обратился я к бармену, – мужчина, ты мне не то пробил.

– А, ну прости.

– В смысле прости? Дай мне то пиво, что я заказывал, а за это верни деньги.

– К сожалению, я не могу. Это последнее.

– Тогда оформляйте возврат. Или давай другое, блять. Что это за сервис? Seriously, ты бы стал это пить? Попробуй, ты поймешь, о чем я.

– Ты, конечно, на ноже, – Костя отвел меня от стойки. – Бармен, дай в стекле саур ему. Прости его, с железнодорожниками сегодня общался, не выдержал.

Я огляделся вокруг. Несколько мужчин и женщин не отводили от меня взгляд. На их лицах удивление и негодование. Так до меня дошло, я перегнул палку.

– Громко, Игорь, – Костя дал мне бутылку. – За проезд. Ты надолго?

– На неделю, может, меньше. Обратного билета нет еще. Ты прости меня, пожалуйста, за такое поведение. Я не знаю, что на меня нахлынуло. Последнее время дни тяжелые, нервничаю. Меня даже сюда сослали из-за этого, в надежде, что я хоть немного расслаблюсь. В итоге срываюсь. По делу, но сверх меры.

– А почему ты нервничаешь? – спросил Костя; он наклонился в мою сторону, интерес моргнул в глазах.

– Мне кажется, что проблема в том, что... Что я не знаю, что делать дальше. Мучает одна штука. Не знаю верна ли она или нет. Вроде бы и работа моя задолбала, а, с другой сто-

роны, может, я устал и теперь ухожу в крайности. Надеюсь отпустит, иначе трезво смотреть вообще не могу. У друзей проблемы, с женой вот только все хорошо.

– Зачем волноваться за чужие проблемы? Ты еще скажи, что, когда ты волнуешься за них, тебе становится легче.

– Именно так, да!

– Я знаю. А с работой ты боишься облажаться, потому что денег не будет, да? Ха-ха.

– Не только денег. В принципе заняться чем.

– Куда без этого, да. Так у тебя же жена есть вот. Ты вроде мууузыкай занимаешься.

– На что-то жить надо, Костя. Не питаться же волнами. Ты вот тоже музыкой занимаешься. Тебе это помогает.

– Что ты делать с этим собираешься? Самый важный вопрос.

– Не знаю. Вот сейчас отдохну, а потом, надеюсь, мне полегчает, и я смогу вернуться к обычному веселому «хэй-хэй-хэй, привет, как дела».

– Будешь пить пиво, смотреть на дома, в снег падать – это твои действия?

– А ты бы что предложил?

– Я бы предложил тебе сходить к одному врачу местному. Мне он очень помогает и многим другим тоже. Он такой, камерный тип, принимает только по рекомендациям, так что левые типы о нем не знают. И денег берет немного.

– Кто он? – спросил я. – Какой-то начинающий практи-

кант?

– Нет-нет-нет. Кто-то его гением называет, а, по мне так, он как есть знает. Мы с ним давно знакомы, и он мне сказал, что практикует лечебное общение. Во злобу оно, выпускает наружу. Заставляет разболтаться, если правильно вести себя. Взгляд добрый, начинаешь разбалтываться, и он проходит по пунктикам. Помню я так разозлился, общаясь с ним, что мы чуть было не подрались. Чуть ли не на коленях извинялся. Хотел, кстати, позвать его с нами прогнать по пиву, но он с детьми сегодня.

– Педагог?

– Типа того.

– Я не понимаю, почему ты так беспокоишься за меня. Если готов даже поручиться к какому-то врачу скрытному. Звучит это стремно. С таким же успехом я могу к московскому психотерапевту записаться.

– Московский тебя и по-московскому лечить будет, – смех Кости испугал меня. – Одна часовая встреча, другая, потом третья, а потом, когда ты ему надоешь, он тебя отдаст на лечение таблеткам. Московский будет смотреть на твое лечение и на тебя как на москвичка и от твоих невзгод не избавит. Знаешь, почему? Потому что ему это не надо. Ни врачу, ни Москве. Пойдем покурим? Да не ссы, оставляй вещи, тут ты будто кому-то сдался.

– Знаешь, может, ты и прав. Но ты так говоришь скрытно, будто он маг какой-то или шаман. Еще пару слов, и, хе-хе,

окажется, что он культист.

– А кто нет? – Костя выпучил глаза и улыбнулся; я никогда не мог привыкнуть к его лицу. – Ха-ха-ха. Ты можешь пить по три пива каждый день на голодный желудок, отрубаться, утром жалеть о вечере, днем о прошлом, а вечером снова вступать в цикл, и все, пацан готовый. И все вокруг скажут, что ты молодец, соблюдаешь план, и будут помогать тебе из него выпадать. Кто там говорил «подтолкни падающего»? Одна хуйня. Плюс, ну ты подумай, вот, условно говоря, ты в голове уже решил на врача, а у себя тебе жене объяснять, то и се. А здесь напрягать ее не будешь.

– Ладно, ты прав. Когда он может меня принять?

– Я думаю, завтра. Сам тебя отведу, чтобы ты не боялся. Только ты это, деньги мне передай, я ему отправлю. Так ему спокойнее.

– Смешно, – я уставился в окна кафе напротив; за столами горели свечи, пары развлекали друг друга перед главными блюдами. – Костя, а что ты думаешь о раке?

– Что это очень вкусно, если правильно приготовить и подать.

– Я про онкологию, Костя, – засмеялся я.

– А я о чем? – Костя снова выпучил глаза. Подозреваю, что он тогда не шутил.

5.

Утро началось с головной боли. Вчера мы сидели долго, в разных местах, пили разные напитки. Ближе к утру Костя предложил поехать к его друзьям; пока мы пили, они успели сгонять за стаффом в лес, дать взятку полиции, сбежать, достать еще стаффа и поделиться ими с теми же сотрудниками. Я тактично отказался. Костя даже обрадовался – ему наверняка досталось больше. И сон был так прекрасен и сладок, опьяняющий не хуже бухича с другом, но посреди ночи, ближе к утру, между цифрой три и четыре, открылись две особенности моего номера. Первая – так как здание новое, то и стены тонкие, скорее для виду, чем изоляции от остального мира; вторая – по соседству со мной поселилась пара молодоженов. Видел их ранее, еще вечером, но внимания много обращать не стал, а как взбесили, боже, все припомнил, как на допросе у следователя. Она скрывала свое пышное платье под маленьким пуховиком. Муж ее из себя ничего не представлял, и среди всех остальных он не отличался ничем. Семья праздновала без них, дома под водочку, а они – молодые и страстные, им необходимо было остаться одним. Когда он, муженек, нашел тот самый спот, такой важный и необходимый, я узнал об этом третьим. Она кричала, извивалась. Кровать билась конструкцией о стену, сообщая мне о том,

что за стеной кто-то получает удовольствие. И я бы хотел.

Но я был пьян, и в тот момент больше всего на свете я возненавидел тех двоих и всех на планете, кто вздумал заниматься сексом, когда я пьян. Стук кулаком по стене не помог, я по привычке попадал в ритм. Стал кричать, если не громче их, так на уровне. Не помогло. Я наделся задом наперед джинсы и держась за стены вышел из номера. Постучал в дверь. Ноль реакции. Постучал в дверь. Послышались шаги. Его рожа не вызывала у меня уважения, ибо была, повторюсь, никакой. Возможно, он также думал обо мне, пока я не появился посреди ночи с красным лицом и отторгающим запахом изо рта. Наш разговор быстро перешел к оскорблениям друг друга, а затем и драке. Очень сумбурной и смешной. Я попытался замахнуться кулаком и, сам того не ведая, задел подошедшую администраторшу. Почуввав неладное, а именно человека за своей спиной, я обомлел, развернулся и потерял равновесие. Из двери смотрели две мокрые головы, муженек и женушка, еле сдерживающие смех. Администраторша меня не выносила. Она скрыла свою злобу и стыд за излишней фамильярностью. Мне стало нехорошо, и я уполз на четвереньках к себе в номер, где выдавил все свое недовольство через горло.

Умылся, побрился, надел свежую одежду, только настроение лучше не стало. За окном солнечно, минус много градусов. Позвонил жене, рассказал, как встретился с Костей, но про встречу с психологом скрыл. Не стоит ей волновать-

ся, думал я, она далеко, тяжелее будет. Позавтракал, покурил, вышел на улицу, и все никак и ничего. Дорога радостью не дышит, люди сами по себе и от меня далеки. В телефоне лазить не хотелось, вряд ли туда набегут мои друзья оттого, что мне скучно.

Костя не отвечал на звонки, и в сети его не было. Но в пять утра, когда я боролся в темноте с головокружением, он мне подробно, не без ошибок, описал путь к офису психолога. Костя называл место «конурой», а психолога кратко, но лаконично – «Саней». Конура находилась на севере Екатеринбурга, более известном как Уралмаш. Я заказал такси, доехал довольно быстро. Пробки в городе были, но, к счастью, они обошли меня стороной. Или мы их объехали – это не так важно. Вид из окна такси ввел меня в уныние и тоску. Черт, я даже боялся находиться там на виду. Если дома и были, то в них я бы не рискнул жить. Множество заброшенныхстроек, отсутствие тротуаров, грязь, пыль, огромные черные облака сильнее солнца. Неудивительно, что люди в этом городе такие хмурые. Север сильно отличался от центра, будто два разных города столкнулись в битве и один из них позорно проиграл. Теперь он назло не хочет становиться нормальным.

Такси высадило меня напротив зеленого здания с огромными белыми витражами. Внутри играли в волейбол, и крик победы доносился на улицу. Земля вокруг была неухоженная, через бетон рвалась в поисках солнца трава. Отдельным

испытанием стало понимание карты Кости. Да, он рисовал пьяным, но чтобы настолько. Хорошо, что я приехал раньше нужного специально на такой случай. Я обошел комплекс. За ним было еще несколько дверей, спортивная площадка, стоянка. Перед тем, как зайти, я покурил. Из здания выбежали дети. Девочки шли отдельно, мальчики отдельно. Вдруг завязалась драка снежками и уцелевшим никто не ушел, кроме одного пацана, который размахивался сменкой и угрожал выбить другим зубы. Выглядело впечатляюще, я бы хотел к ним присоединиться. Собрать один покрупнее, кинуть в самого ловкого и затем – бежать; дети хоть и злы, но сообщать действовать умеют, особенно против так называемого взрослого. За облысевшими деревьями прятался вход в подвал. На двери множество круглых черных точек, очевидно, от сигарет, формировали квадрат. Снегом завалило импровизированную пепельницу; возможно, банку из-под растворимого кофе. Замок был снят, значит, меня уже ждали. Для приличия я постучал и, не получив ответа, зашел внутрь.

Коридор, пол из островков линолеума. Большинство ламп перегорело. Вдоль стен тянулись провода. Я шел по инструкции прямо, потом налево. Чем дальше я заходил, тем старше становилось помещение. Опадала краска, оседала пылью на плитке. На каждый мой шаг раздавался хлопок – закрывались двери. Никто не хотел здесь лишних взглядов, незнакомая походка выдавала меня. Хороший вопрос – зачем спортивному комплексу такая сеть подземных помещений, и ко-

му они ушли – останется неотвеченным. Сквозняк пробрал меня до костей, куртка не спасала. Навигация Кости не спасала, и через несколько минут я потерялся в четырех стенах, вместо четырех березок. Березки здесь, наверное, раньше были, врать не буду, не знаю. «Вдоль проводов налево... У кошек направо...». Какие нахрен кошки? Они от одного моего вида разбежались, а провода – они повсюду! Я переборол свое эго и подошел к уборщице-азиатке в синем фартуке.

– Здравствуйте. Не подскажете, а где здесь Александр, психотерапевт.

– Кто-кто? – недоумевающе ответила она. – Терапевт? Тебе в больницу надо, а тут спортом занимаются, чтобы как раз к врачам не ходить.

– Понятно, – я попытался припомнить, как Костя мне описывал Сашу. – Низкий, лысый мужчина, с небольшой головой. Часто ходит босиком.

– А, этот-то! – загорелась уборщица. – Сашка-то у себя сидит, где ему еще быть. Вам вот здесь направо, до конца и дверь с ручкой, на которой крот висит.

– Крот? – уточнил я.

– Крот-крот! – повторила уборщица и ушла, исчезла в тенях коридора.

Чем ближе я подходил к двери, тем меньше света вокруг оставалось. Непонятно, почему. Свет горел в пяти метрах от двери, но словно невидимая и непроницаемая стена не про-

пускала его. Несколько минут я пялился в дверь и ждал, готовил свои первые слова, пытался вспомнить, зачем, блин, пришел сюда. Для храбрости нужно было выкурить сигарету, но стоило мне уйти – я знал, что не вернусь. Испугаюсь, не рискну, пока судьба не сведет меня снова, но уже с семейным психотерапевтом. Когда я протянул руку к двери, она не поддавалась. Постучал. Звон, механизмы задвигались.

6.

Внутри было темно. Накурено. На полу лежали грязные ковры. Стены закрывали плакат на непонятном языке. В центре стоял старый диван. Нельзя сказать, что здесь было уютно. Было и было. Я зашел внутрь, и за спиной раздался голос:

– Ты Игорь, да?

– А ты Саша? Очень приятно.

– Ага, – скупое ответил он.

Он был невысокий, бритый. С большими глазами и такими же большими мешками под ними. Было в них что-то мажущее, будто за ними скрывалась правда и истина; или наоборот что-то настолько кошмарное, после чего ты не можешь нормально существовать и до конца своих дней тебе приходится просматривать, ну, то самое, вот то. Возможно, я прервал его сон.

– Костя мне сказал, что ты можешь мне помочь.

– Это не так. Никто, кроме тебя самого, тебе помочь не может. Ты ложись давай, что стоишь?

– Ладно, – я лег на диван и тяжело задышал.

Потолок покрывала плесень старше меня. Я не знал, что будет дальше, и не мог расслабиться. Саша закурил, сел рядом и спросил:

– И что тебя волнует?

– Я не знаю, с чего начать.

– Начни с себя и уходи. Ты серьезно пришел сюда, не зная почему? Ты сейчас мое время в никуда уводишь.

– Нет, Саш, нет. Сейчас, надо просто решить с чего начать рассказывать. В общем, последнее время я потерял желание работать и заниматься тем, чем всегда занимался. Мне кажется, что я с ума схожу. Ничего делать не охота, ничего счастья не приносит. Все свои желания на данный момент – я от них отнекиваюсь, говорю, так нельзя, это неправильно, этому нет времени.

– Так, и что?

– В смысле и что?

– Что тебя из этого напрягает?

– Меня напрягает, что я теряю смысл жизни. Меня напрягает, что мне хочется делать то, что делать нельзя. Меня напрягает мое психологическое равновесие.

– А у тебя есть смысл жизни?

– Конечно, у кого его нет?

– Мне кажется, у тебя.

– Нет, нет. У меня он есть. Смысл жизни заключается в реализации себя. И мой способ для этого всегда был работой. Но как стало не получаться или не выходить, я сразу такой «все, это не мое, я ухожу». Мне говорят, это от усталости.

– А это твоя первая работа?

– Да, но какое это имеет значение.

– Ты нашел дело, в котором тебе комфортно находиться,

и от этого оттуда уходить не хочешь. Не потому, что оно тебе нравится и приносит удовольствие. Скорее всего, оно тебе, дело, нахер не сдалось. Ты себя угождать хочешь и выбрал самый простой вариант.

– Нет, это не так, – скромно ответил я.

– А как тогда?

– Там есть люди, которые от меня зависят, я не могу взять и уйти. И начальник мой за меня ручается.

– То есть ты работаешь ради других людей? А без них работать стал бы?

– Я не знаю...

– Чем бы ты без работы занимался?

– Музыкой.

– Ты пишешь музыку?

– Да.

– Зачем?

– Это такая отдушина из обыкновенной жизни. Знаешь, поработал несколько дней в ряд, перенервничал, устал, а потом с другом прогнал по пиву, сыграли вместе, и полегчало.

– То есть ты пользуешься музыкой, чтобы тебе легче работалось и жилось?

– Да.

– А ты не думал сделать свою жизнь такой, чтобы тебе не нужно было впоследствии себя другими делами заваливать, чтобы типа «стало легче».

– Это сложно.

– Ты хочешь, чтобы было легко?

– Конечно, я же человек.

– И ты можешь работать над собой. Я же тебе говорил – дело в комфорте – тебе удобно жить в таком ритме – занял время работой не пойми зачем, потом пошел музыкой заниматься. Может, ты из работы берешь впечатления для музыки, и у тебя без них и музыки вовсе не будет.

– Я не уверен, что это так.

– В чем ты уверен?

– Что ты меня пугаешь сейчас.

– Хорошо. А ты как хотел? Если ты хочешь, чтобы тебе сказали «не грусти, все будет хорошо», ты мог пойти к психотерапевту или еще куда. Ко мне ты явился, чтобы решить так называемую проблему. Но сейчас ты называешь проблемой свое состояние. Я могу решить ее, в отличие от остальных людей, кто скажут «вам надо работать над собой». Не, погодь, это само собой разумеющееся, но врач тебе, например, даст таблетосов или справку какую, чтоб ты дома сидел. Я ее именно порешаю.

– А каким образом?

– Это не так важно, мы еще самое важное не обсудили. Может, мне на тебя время свое тратить не нужно.

– А как же деньги?

– Какие деньги? – удивился Саша. – Мне твои деньги к черту не сдались. Я это делаю не из-за чего-то такого. Вот смотри – ты сказал, что ты хочешь делать то, что нельзя. Это

ты про что?

– Абсолютно обыкновенные штуки, как еще сказать. Нагрубить кому если он себя неуважительно ведет, защищать свою позицию, помогать людям без задней мысли типа «ох, а как подумают остальные». Это как, вот ситуация: стоят две машины. Смотришь на них – машины и машины, плевал на них. А как выпил вспоминаешь свою давнюю мечту пробежать по машинам, как по горам щебня у железнодорожных путей. Или посмотреть, как она горит, взрывается

– И тебя не волнует, что какой-то Вася копил деньги на эту машину, возможно, брал кредит, работал не покладая рук, чтобы у него появилась это машина? – каждую гласную Саша протягивал, но при это говорил очень быстро. – Или вот, ты говоришь, сжечь машину. Откуда в тебе вот эти наклонности уничтожать, взрывать и так далее? У тебя были с этим проблемы?

– У меня в детстве друзей не было, не было вот этих детских приключений, после которых потом необходимо извиняться. Может, сейчас их не хватает.

– Но сейчас же ты не маленький, тебе гораздо больше лет, ты не ребенок и не подросток. Почему это осталось? В тебе откуда вот это желание к разрушению? Ты пойми меня правильно, тебе с такими наклонностями многими вещами заниматься даже нельзя. Ты же если детей заведешь то, я тебе гарантирую, ты их будешь избивать или сразу убьешь от злобы. Потому что это, видимо, интересно.

– Саша, ты ошибаешься.

– Я не ошибаюсь, я могу просто смотреть иначе или смотреть не на то. Сейчас я смотрю на зажатого пиздабола.

– Саша... – я не смог подобрать ответа.

– Вот ты заверяешь, опять же, что проблемы свои прекрасно осознаешь, но решать их не спешишь. И придумываешь себе оправдания. То есть тебе, получается, нравится ходить с этими проблемами? Хвастаться ими, делиться. Ты что, особенный? Конечно, ты особенный, таких как ты наверняка мало, кто настолько забитый, что решается гордиться своими недостатками и выставлять их напоказ. От этого, мол, они перестанут быть проблемами, ха! – Саша закурил очередную сигарету; он говорил много, но всегда по делу, слезы набирались в моих глазах, я не хотел признавать его правоту. – Это как девочки, которые кричат «у меня аутизм», «у меня депрессия», «у меня нехватка внимания», но при этом ничего не предпринимают для этого. Вот есть в спортивке тут, наверху, безрукий пацан, Коля. Что ты думаешь, он ходит и просит жалости? Его мать да, ей становится от этого легче. Ему нет. Он берет и чем-то занимается. Спортом, на голове чеканит мяч, в футбол играет своеобразно. Знаешь, как дела у парня?

– Очевидно нет.

– Старшаки избивают его каждую неделю. Не нравится им, что, мол, пацан пытается себе жизнь сделать. Вот тебя избивают на работе? Тебе не пытаются помочь? Девка есть?

– Жена.

– Вообще счастливчик.

– Блять, – выпалил я, – ты так говоришь, будто у тебя всего это в жизни не было, и да, наверное, скорее всего, ты смог при этом чего-то добиться, сделать себе условия адекватные. А теперь на любого, кто не может толкнуть себя это сделать, ты злишься и обсираешь его.

– Стой! Вот, вот! То есть ты себя считаешь человеком, которому нужен просто толчок, и тогда ты начнешь решать свои проблемы и жить, как ты хочешь?

– Да, именно так. Я надеялся, что разговор как раз станет им.

– Разговор – это туфта и пиздеж. Дело – то есть рабочее. А тебя не пугает тот факт, что в тебе-то сейчас так много злобы и обиды?

– Я так не считаю. Мне кажется, это злоба и обида оттого, что я не могу что-либо сделать. Как только ко мне придет осознание того, что вот, все, я могу, я сильный, то тогда все будет хорошо.

– И ты не боишься, что начнешь творить всякий беспредел, который всегда хотел?

– Его желание делать возникает от невозможности творить другие поступки, нормальные.

– А какие поступки нормальные?

– Сложный вопрос.

– Давай легче. Вот ты не боишься, что устроишь ад ка-

кой-нибудь?

– Не устраю, я знаю.

– Не, ты ответь, – настаивал Саша. – Ты боишься или нет?

– Не боюсь.

– А за других людей?

– Они тут причем? – не понял я.

– Что ты начнешь и их заденешь.

– Но я же не начну.

– Я тебя понял. Если начнешь? Знаешь, детей заведете, и ты их же убьешь? Как тебе такое? Ты детей своих убьешь!

– Да не будет такого, я же... Максимум на шалость способен.

– Ага.

Закурил и я. Мы посидели в неловком молчании. Смотрел на Сашу – он был похож на ребенка. Сидел на стуле с прижатыми к животу ногами, обнял себя и курил.

– А зачем ты занимаешься этим?

– Занимаюсь чем?

– Слушаешь вот меня, помогаешь.

– Не факт, что я помогаю, – Саша почесал голову, – я, скорее всего, делаю тебе только хуже. Ты бы помучился, задумался и сделал бы какие-то выводы. А сейчас пришел, понадеялся, что все решится, и уйдешь отсюда расстроенный.

– Но ты сказал, что можешь все решить.

– Не все, но могу. Надо будет провести одну процедуру, или нет, действие, но я все еще не уверен, что тебе она по-

дойдет.

– Почему?

– Я тебе уже сказал. Что мы не знаем, что решать. Как мы будем лечить что-то, если мы не знаем, что это. Мне надо с тобой, знаешь, долго говорить, но у тебя нет времени, мне Костя сказал, а у меня, если откровенничать, нет желания.

– Какие могут быть сомнения? Мне нужна помощь.

– Тебе отдохнуть нужно. Какие у тебя проблемы вообще? Что ты музыку делаешь хуевую? Поганишь то, что я для многих жизнью является? Или что ты на работе не можешь дальшедохнуть? Ты хочешь, чтобы я тебя обратно поставил на место или сделал так, чтобы проблем не было? Если первое – иди купи у кого-нибудь мефа, нюхни и забудь себя, употребляй, исчезай. Вот это отличный выход, то, что тебе надо. Именно выход. Если же ты выходить не собираешься, то надо решать твое говно на корню. Ты знаешь, что тебе надо? Знаешь?

– Нет.

– И не узнаешь. Потому что ты человек.

– Я тебя понял.

– Ничего ты не понял. Просто хочешь от тяжелой темы отойти, потому что возразить не можешь.

– Ты так говоришь, будто все должны уйти в крайности, запереться, как ты, в подвалах.

– Почему все? Те, кому это надо. Кому это надо, кто понимает, зачем, кто себя слышит или хочет услышать, а не ка-

кие-то уставшие люди. Серьезно, тебе дали такую охуительную возможность. Ты вырос в Москве, я вижу. Семья с высшими образованиями, бедности не знала, сам, небось, тоже учился. Работа прибыльная, жена, если тебя и обманывали, то только в школе с ответами для контрольной, потому что ты так кого-то задолбал... Или нет, может, сам обманывал. Просил тебя с последней парты детдомовец, не вытягивал и так задолбал, что ты ему назло написал ереси, он сдал и опозорился. Как тебе такая история?

– Не то чтобы в точку, но...

– Поэтому я не понимаю, на что ты жалуешься. Алкоголикам и наркоманам нужна помощь, вот. Или поделом им, пустьдохнут?

– Чем я хуже алкоголиков и наркоманов? То, что мои проблемы решаются работой над собой? Им тоже надо себя сдерживать, дисциплину наводить. Ты знаешь что. Ты считаешь, что я априори должен быть сильным. Что люди, росшие в комфорте, ко всему готовы. Мы слабые. Ты слабый, я слабый. Да, кто-то свою слабость показывает, но не потому, что он, блять, особенный. А потому, что он ищет себе человека, так и находят друзей. Двух парней травят в школе за лишний вес – они в итоге найдут общее и станут друзьями. Два слабых человека могут закрыть друг другу раны, заглядывать недостатки. Не ходить же всем закрытыми и хмурыми, прям как ты.

– Ха-ха, хорошо, предположим. А вот ты ходишь такой

открытый, слабенький, тебя сильный не уделает? Или ты мазохист и нарываешь на кое-что острее?

– Я осознаю риски и считаю, что пережил подобное.

– Видимо недостаточно, если ты не понимаешь, что в жизни надо защищаться, – Саша выдохнул мне дымом в лицо.

– Но не все же это борьба.

– При этом ты называешь себя слабым. Значит, есть кто-то сильный. А как понять, что он сильный, если ты с ним не состязаешься и не дерешься?

– У него что-то может просто лучше получаться, – парировал я.

– Может, тогда сильный неподходящее слово?

– Ты меня понял.

– Ничего я не понял. И никогда не пойдем друг друга.

– Мы можем пытаться.

– Попробайся понять вот это – то, что ты сказал до этого – это не проблемы. Проблема, видимо, у тебя есть, и она серьезная, – Саша достал телефон. – Класс, мне нужно скоро уходить. Точнее не мне, а тебе. В общем, я почти уверен, что знаю, в чем твоя проблема. Что-то между страхом самореализоваться, нестыковкой твоей, как сказать, внешней, да, личностью и внутренней. Короче, ты ребенок в большом мужицком теле. Как тебе такой психоанализ?

– Удручает качество.

– Говорю же, не зря боишься.

– Это не боязнь, а это...

– ...решенное дело, да, – Саша потушил сигарету (какая это? пятая или десятая?). – Будем делать операцию.

– В чем она заключается?

– Это не так важно, говорю же. Многие вещи не так важны, как кажется.

– Но я смогу потом ходить там, заниматься делами?

– Ты полетишь просто, займешься всем, чем захочешь, и даже больше. Не представляешь, насколько все будет у тебя, ух. Все, вставай-вставай!

– Я же еще не согласился, – Саша толкал меня руками к двери, глаза краснели от дыма.

– Согласился-согласился, ты что, не понял? Не тупи. Бывай.

Дверь захлопнулась.

7.

Слова Саши не выходили у меня из головы. Я чувствовал себя униженным и раздавленным. Не хотелось верить в то, что человек за одно знакомство не только вытащил то, что усердно скрывалось, но еще из глубин достал неизвестные мне залежи. И предложение странное. «Операция», «процедура», «действие»... Какая к черту операция? Ожидая такси, я не мог понять, то ли меня технично развели и отправили на встречу к сумасшедшему, либо он достаточно тронутый, чтобы называться профессионалом? В номере мне было не по себе, и до самой поздней ночи я не мог успокоиться. Ощущение такое, будто тупым ножом голову вскрыли и все узнали обо мне, прочитали то, о чем я даже думать не мог, написали на коже ржавой спицей будущее и отпустили мучаться. Его слова были острыми, задели за живое, а значит, честными.

Смириться и поверить... Признать в себе проблему... Ну уж нет, я был выше этого, и слова какого-то фрика не переубедят меня. Нельзя позволить ложным сомнениям и лишними раздумьям испортить выходные. Сытно позавтракал, умылся, обменялся злобными взглядами сначала с администратором, а потом с соседями-молодоженами. Собираясь на прогулку, я думал о том, как бы им подпортить день, как пра-

вильно нагрубить и задеть. Сделать все, чтобы они пожалели о знакомстве со мной, искупить обиду. Проскочила мысль – может быть, Саша действительно прав? Резко откинул, закурил ее, себе бы хуже было.

На протяжении всего дня происходили очень странные вещи. Первое, что мне удалось заметить сквозь толстый след льда в рыбных прорубях, было то, как река текла в другую сторону. Я подошел к рыбаку и спросил, как это возможно. Тот лениво пробормотал, что мне это все кажется. Его голос показался знакомым, похожим на... Сашин. «Что за безобразие?!» – вскрикнул я. Как много бесценного времени в моей жизни уходит на такого мелкого и низкого, буквально и в переносном смысле, человека? Затем я бродил вдоль кварталов, обшарпанных кварталов, и птицы не сходили с моего пути. Одному голубю я даже придавил крыло, но ничего, как ни в чем не бывало потопал дальше. Деревья шумели в два раза громче, люди говорили в два раза злее, смех казался неуместным. Я пытался поговорить с женой, но она не стала со мной церемониться, была занята. Что мне навязываться, я отдыхал от работы, она отдыхала от меня.

Но чем ниже было солнце, тем больше странностей происходило вокруг. Вывески на домах отключались при моем появлении, люди отворачивались от моих взглядов. Посмотрели, отвернулись, ускорили шаг, посмотрели за плечо и исчезли. Что страшного во мне? Не знаю, и знать не хотел. Дети разбегались, если я появлялся рядом, старухи будто бы дья-

вола во мне выглядывали. Ко мне подошел мужчина, единственный бесстрашный, и попросил сигарету. Я протянул ему пачку и обомлел. Я увидел Сашу. Проморгал, протер глаза, снова обыкновенный незнакомец. Саша на голову ниже, это точно помню. Побрел дальше, по музеям, по красивым местам, а все не в радость. Места недружелюбно встречали, повсюду мне были не рады. Наверное, во мне виделось московское, в походке, речи и взгляде.

Это заставляло меня волноваться. Неужели я, человек стабильного взгляда и чистой совести, не признаю себя? Мне никогда не казалось, что со мной что-то нет так. Разве только легкая замкнутость и скромность проявлялись, но что в этом такого? У кого ее нет или не было? Однако, когда люди вокруг оборачивались, я пытался держаться спокойно, выпрямлял спину, но при первой же возможности прятался за угол и рассматривал себя: не наступил ли я на говно, нет ли грязи на моей одежде, не торчит ли из носа сопля. Выгляжу ли я уместно, в конце концов. Но иной раз убедившись, что выгляжу опрятно и свежо, мимоходом прохожий опять с упреком осматривал меня и повторялось все сначала: осмотрелся, очистился, вздохнул, и далее. Суть-то в чем – откуда такое внимание к моей фигуре? Деревья заносило снегом, а вместе с ними и меня. Приятно было рядом с ними.

Нельзя назвать мастерством то, как раскрыл меня Саша. Подобное я и с Лизой сотворял, не сложное ведь дело. Сколько в себе она не закапывалась, на каждую яму найдется креп-

кая лопата и длинный нос. Любой человек, который играет в слушателя, рано или поздно сорвется, и потом его хрен заткнешь. Вот и мы как-то сидели, пили пиво, и я взял на себя лишнего и раскрыл ей свою теорию. Формировалась она долго, но уверенно, без лишних «а что, если...» и «наверное». Я сел рядом с Лизой и через барный гул сказал, как это вижу:

– Тебе отношения твои не в радость. От слова совсем. Тебе нравится человек, и возможно, если такая штука как любовь существует, то ты испытываешь это к нему. Но то будущее, что ты от него хочешь, поверь мне, ты не получишь. Поразительно еще то, что ты не ждешь того, что ты хочешь. А ждешь ты тотальную деспотию. Тебя ждет участь жены офицера, с места на место, как багаж, только говорящий и вкусно пахнущий. Сказал муж твой: «пора», а ты ответила: «ладно». Ты боишься того, что это конец, тебя пугает такое предсказанное будущее; что все закончится вот так, развитие в никуда. Единственный навык, твой пи эйч ди ждет тебя в домашних делах, и тебе, Лиза, как современной женщине, это не нравится. Однако прикол в чем, и это самое смешное, что тебя это устраивает. А знаешь, почему? Потому что у тебя есть оправдание этому. Объяснение твое аморфности, повод поддаваться. Это любовь. Ну как ты можешь обмануть человека, да? Как ты можешь за него и с ним страдать? Человек, как по мне, замуровывает тебя в себе, а тебе ок. Потому что, блять, любовь. Если любовь – это перестать жить ради себя и начать жить ради другого, то любовь – это суицид. Все так

просто? Это было бы слишком легко, считай, тебя избили, и ты простила. Но нет, нет, нет. Ты это понимаешь дальше меня и, как мужчина, как любое рациональное создание, планируешь запасной план. На случай, если все-таки твоя мечта останется мечтой. План прост: подготовить пути к выступлению. Ты никого не отшиваешь, о парне говоришь, только если руки начинают распускать или знаки внимания делать. Но. Ты. Никогда. Никогда! Не говоришь нет. И со многим этими людьми тебе хотелось бы быть, ведь ты человек. Тебе тоже нужно, чтобы тебя хотели, к тебе прикасались, тебя слушали, помогали. И лицом к лицу, сразу, по делу, без вот этой телефонной мастурбации или общения раз в неделю, если повезет. Рано или поздно тебе хватит сил уйти, предать и признаться себе в этом.

– Знаешь, – Лиза посмотрела на меня мутными глазами; вокруг стало тише, люди словно вслушивались в мои слова, – я никогда о таком не думала и такого не сделаю.

И я отрицал слова Саши, и до сих пор признаться не могу себе в том, что доля правды в них была. Тут такое чувство, смешное в какой-то мере, что мне обидно и радостно; у кого-то получилось вскрыть и увидеть меня – это раз; он же расставил все по полочкам, пальцем указал в моих бесов, в мои страдания – это два; предложил сразу же и решение (глупое и несерьезное, но сам факт предложения помощи – я польщен) – это три. Неловко, неловко... Я, видимо, тот еще наглец, теперь со стороны вижу, как проявляется пассивная

агрессия через насильную любовь. Хватаешь человека как кота за шкурку и тыкаешь в свои слабости. Думаешь, это от бескрайней человеческой красоты – любви, от переживаний, кричишь об этом громче некуда; злишься, если человек не терпит и сопротивляется, играешь с ним, все гадости и пакости его высасываешь. На самом-то деле никакой любви тут и нет, а только желание сделать то, на что раньше сил не было. А тут тебе на повод, любовь.

Снег сбрасывали в кучи, их покоряли дети. Я тонул в снегу, снег топил меня. Уборщик, один такой помельче, загляделся на меня по другую сторону дороги. Сквозь ураган невозможно было разобрать его лица. Черты прослеживались четко, скулы резали туман, снежинки боялись упасть ему на щеки. Я вновь увидел Сашу. Он смотрел на меня. Не знаю как, с презрением или злорадством. Щепил взглядом, заставлял его всем сердцем ненавидеть. Сквозь горы снега я протоптал себе путь к дороге и хотел было побежать к нему, но загорелся зеленый свет, и кучи машин перекрыли мне дорогу. Повезло. Будь я чуть быстрее, я был бы менее живой; не под небом, а под машиной. Екатеринбург – это магия. Это город, который живет в согласии со своими жителями, хорошо это или плохо. Если ты употребляешь, то город тебе поможет достать; творишь – будет позировать; пытаешься довести человека до нервного срыва через самобичевание и жестокую правду – да, он всегда на твоей стороне, составит бедолаге компанию по пути домой или в яму. Темные мыс-

ли, неприятные, душили меня, приятно.

Необходимо было отрубиться и забить, спасти свой отпуск и психику. По пути к отелю я зашел в «Пятерочку», прополз вдоль блевотно-зеленых стен в отдел блестящего стекла. Банка энергетика и небольшая бутылка водки. Не люблю такое, но отчаянные времена требует отчаянных действий. Костя не брал трубку, не отвечал на мои сообщения. Пришлось пить одному. Будний день, повсюду очередь, на выбор и на выход. Темные лица, закрытые пеленой, неизвестные, не манящие. Кроме одного, на кассе. Молодой человек, знакомое лицо. Я подошел к нему, пробил свои покупки. Он посмотрел на меня и попросил паспорт. Показал.

– Вы сильно изменились, – грубо сказал кассир.

– Быть такого не может, я же... – я посмотрел в паспорт и проглотил язык. Вместо моей головы, моего лица, ушей носа и глаз оказалось чужое. Лицо, профиль, губы, шрамы Саши. Бросив бутылки в карманы, я выбежал на улицу и закричал. Каждый волосок познал страх, мышцы лишились желания бороться. Разбираться, совпадение ли это или шизофрения, времени не было.

В номере все было чисто, даже слишком. Я сбросил с себя одежду, помылся и прыгнул в кресло. стакан, на две трети энергетик, треть водки, глоток. Остается только ждать и пить. За окном пылали огни, маленькие смазанные точки напоминают о посаженном за компьютером зрении. Кто-то кричал, но я не слышал. За стеной молодожены не прекра-

щали свой супружеский марафон, наверстывали упущенное, догоняли цель, перевыполняли план. Я пил, чтобы забыться, пил без радости и особого желания, с понятной мыслью – так надо. Проезжали машины, женщины накрывали головы руками. В Москве давно была ночь, а здесь небо светлее. Кресло больно упиралось в спину. Я рассматривал потолок, белый, опускающийся на меня. За окном опять мерцало. Один светлый огонек от всех отличался, молодец. Маленький, сигаретный. Пригляделся, а там мужчина стоит, смотрит мне в окно. Не в окно, в глаза. Зеркало разбил бы взгляд. Я пригляделся и вышел из себя, бросил бутылку об пол, осколки разлетелись по номеру. Я подбежал к куртке, аккуратно перепрыгивая через стекло и схватил телефон. Гудки.

– Зачем ты следишь за мной? – крикнул я в телефон.

Как я и думал, человек за окном опустил сигарету. В руках у него горел экран телефона.

– Зачем ты это делаешь?

– С чего ты взял что я слежу за тобой? – сказал Саша

– Хорошо, хорошо! Я согласен. Ты прав. Мне нужна помощь. Когда приступаем?

– Завтра.

– Стоп, а анализы? Я тут сижу, пью, это ок?

– Да, вполне.

После этих слов он бросил трубку, потушил сигарету и исчез в темноте. Я долго не мог уснуть и поверить в это. Сколько еще он преследовал бы меня? Утром он был бы мусорщи-

ком, летом мойщиком окон, на Новый год ментом, а завтра
меня могло бы и не быть.

8.

Саша прислал мне адрес – это оказался все тот же подвал. О какой операции может идти речь при такой антисанитарии? Я написал Костяю об этом, но тот все также игнорировал меня. Пути назад не было, пора было ложиться.

Внутри ничего не изменилось, только окурков стало больше. Стол, заставленный ранее аппаратом, опустел. Саша накрыл его одноразовой пленкой. Значит, мне было суждено на нем лежать раздетым, значит, и открытым. Саша подвесил скотчем над столом лампочку. Сквозь редкие лучи солнца летала пыль. Я видел, как садятся кусочки, домашние комочки, жители квартир.

– Что стоишь? – спросил Саша, надевая на руки строительные перчатки. – Ложись давай.

– Саша, ты смеешься? Посмотри вокруг. Пол в грязи, ты в ботинках. Я, конечно, не врач, но не нужно им быть, чтобы понять, что так дела не делаются. Ты вообще психолог, а не хирург. Мы о таком не договаривались.

– Ты не доверяешь мне?

– Конечно.

– Тогда зачем ты согласился?

Ответов было множество, но ни один из них в конечном счете не сделал бы комнату чище и хоть чуточку подходя-

щей для ожидающей меня процедуры, поэтому я не стал отвечать, а просто лег на стол. Свет кололся в глаза. Меня никогда раньше не резали.

– Мне, наверное, надо раздеться, – пробормотал я.

– Оставь, без разницы, – ответил Саша; он копался в столе, гремел железками, вытаскивал из ящика ножи.

– А этим ты меня...

– Нет, я просто перебираю вещи, – перебил меня Саша. – Ты если боишься, то не зря. Но тебе же хуже, тяжелее будет.

– Спасибо, что успокоил.

– Я тебя еще не успокоил, но сделаю, да. Ладно давай начнем. Клади голову на стол. Ты уколов боишься?

– Очень.

– Хорошо. На, возьми вот это под язык. Скажи «а-а-а-а». Не будешь? Ну, придется, куда деваться. Сейчас будет странно.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался я; о чем я позже пожалел.

– Сначала тебя парализует. Чтобы ты лишнего не сделал, а потом отрубит. Все просто.

– Что-то вроде анестезии?

– Нет, анестезия нужна, чтобы тело и мозг выдержали, больно не было, а тебе больно будет, гарантирую. Приподними голову, вот так, – Саша достал из кармана нож и отрезал кусок черной ткани. – Скажешь, если туго будет. Видишь что?

– Нет.

– Увидишь. Приподними руку.

– Не могу. Я не могу. Все чувствую, знаю, вот там рука, вот там нога, но не могу.

– Это потому, что ты помнишь, что там нога, а там рука.

И что есть вообще такие штуки, как ноги и руки. Некоторые вещи непоправимы. К счастью, это не одна из них.

– Что будет дальше?

– Да много чего. Погнали?

Саша был абсолютно прав. Я не мог сказать, что со мной происходит, ибо не мог говорить. Я не мог пошевелить ничем. Совсем. Сомневаюсь, что хоть что-то у меня было. Тело выпало, провалилось куда-то далеко-далеко, будто его вовсе никогда и не было. От огромного количества ощущений я начинал беспокоиться, но возникал вопрос «а зачем?». Волноваться было нечем. Что-то должно было произойти надо мной, ведь именно за этим я пришел сюда, в это прокуренное помещение, где вода не высыхает; где ветер продувает с двойной силой; где находиться неприятно. Все решилось в минуту. Я перестал находиться. Однако ощущения не пропали. Их основа, отчего начинается рост, может быть, и исчезло, но плоды никуда не делись. Они вращались в мою память, они терзали мои ощущения. Легкое пощипывание сменилось болью, боль – агонией, я начал кричать. Что могло происходить – многое, но наверняка сказать нельзя. Может, ничего и вовсе не происходило. Увы, легче от этого не ста-

новилося. Я мурыжил в себе муки, они настигали; прятался, бежал, спотыкался и был схвачен. Мозг, ведь это мозг? Мозг слова придумал, и он же их произносил. Слово не воробей, а шершень; зародилась во мне стая и решила взяться за меня, как в первый раз, чтобы далее не облажаться. Ох, какие муки! Адские муки! Боль, агония, пиздец. Наверное, я умирал. Так если бы умирал, я бы мчался к концу, я бы чувствовал его. Не было конца. Если бы я страдал, я хотел бы, чтобы это закончилось. Страдания не заканчивались. Топтались по мне, на меня плевали. Я сам первый в очереди стоял, точил камень, чтобы в грудь его воткнуть. Муки, боль, пытка. Оно закончилось вместе со мной.

Я сожалел о том, что думал раньше. Я обвинял себя в том, что сказал, и сказанное, вооружившись, вернулось с удвоенной силой, взяв в напарнике чужую обиду. Слишком много говорил, аж через чур и через край. Капли падают мне на лоб, вводят в меня в пытку, которую я как никто заслужил. Сколько зла было совершенно напрасно, и сколько удовольствия было получено от этого. Я пожалел обо всем и сразу. Жалость переросла в боль, а боли некуда расти, только вращиваться внутрь. Горело, все мое сущее горело, рвалось наружу, и, были б руки, я бы сам вытащил по частям, прожевал и выплюнул. Чувство шло к уничтожению, уничтожению себя.

Слава тебе, Господи, вскоре я не выдержал и потерял сознание, перенесся в мир иной, абстрактный, производный от

моей прошедшей жизни. Жену повстречал, сказал ей спасибо. Она обняла меня и без лишних слов пустила дальше. Другьям руки пожал, и каждая тягучая, как будто из дегтя. Лизу увидел, попросил ему отбросить лишние, на что получил упрек в совращении и рекомендацию следить за своей второй половинкой. Кости обругал, что заставил с Сашей связаться. Посмеялись, я летел дальше. Затем, падая вниз, чувствуя ветер по коже, став падением и полетом, я исчез, чтобы в конце увидеть Сашу.

– Получилось, – сказал он, открыв улыбкой свои кривые зубы.

9.

Саша вывел меня на улицу, на холод, в одной окровавленной футболке, перемотав с ног до головы бинтами. Я смотрел, как падают снежинки, пытался поймать их языком, а они летели мимо, ненавидели. Саша неуклюже выбежал из подвала, держа под мышкой пальто.

– На, набрось, а то скончаешься. Теперь смотри – я заказал тебе такси до отеля. Как придешь, не думая, ничего другого не делая, просто ложишься спать. Скоро станешь новым человеком. Скоро ты станешь собой.

– Саша, – стонал я, – мне плохо.

– Конечно, а как без этого?

– Мне кажется я умираю.

– Да, именно так. Но все будет нормально. Ты, если что, звони мне, помогу.

– Как?

– Это не так важно.

В такси я не мог уснуть. Машина подпрыгивала, качалась по сторонам. Каждая кочка приносила неопишуемые муки, я видел, как из меня текла кровь. Бинты потеряли свою белизну. Я вскрикивал на поворотах, таксист не хотел обращать внимания. Может, ему не было чему удивляться, и такие окровавленные члены общества вроде меня стали для

него рутинной, источником чаевых за молчание. Все пролетело так быстро. Я спустился в подвал ранним утром, когда утро побеждало ночь, а уехал во время реванша, но по ощущениям прошло не более пяти минут. Я не хочу сказать, что недостаточно настрадался. Скорее, ждал за свои поступки большего. Действительно, меня недооценили. На зеркале я нашел грязь, застывшую слюну, или что это было, и не отрывал от нее глаз, пока мог. Болело, стонал, смотрел дальше. Будто я и мой друг-водитель мчимся вдаль, в лучшее время, в лучшее из возможных или невозможных. Наш ориентир – грязь на небе. Мы не отпускаем из виду, мы следим за ней, мы мчимся.

Около отеля таксист помог мне выйти из такси и уехал, выхватив у меня из кармана пять сотен за проезд. Я прошел мимо администраторши. Она общалась с новыми постояльцами и, конечно же, заметила меня, но виду подавать не стала. Если она и видела кровь, то ей нравилось видеть ее на мне. «Пусть себе сдохнет, – думала она, – лишних и так хватает». Я облокотился на дверь плечом и долго искал ключи в карманах джинс. За моей спиной стояли молодожены и шептались на тему того, пьян ли я. Стоило только развернуться, оголить свой торс, они бы в обморок упали. Не хотелось, сам боялся. Не снимай туфель я плюхнулся кровать и закричал. Крик иссяк вместе с моим голосом, остались вздохи и стоны. Хотелось, чтобы боль прошла и день вместе с ним.

Я проснулся рано утром от кашля настолько сильного, что

куски кожи выходили наружу. Не хватало воздуха. я закручивался в судорогах. В позе младенца, укрывшись всем, чем можно, я пытался согреться, озноб терзал. Хворь загоняла в сон, но долго там засиживаться не мог и спустя час-полтора возвращался в явь. Что он со мною сделал? Я видел кровь, я чувствовал боль... Значит, он резал меня? Но зачем? Неужели в теле есть источник зла, осязаемый, мясистый, жилистый, и многие поколения философов, котов-ученых и к Богу приближенных до него еще не добрались. Как тогда он нашел путь к нему? По нему видно – он не врач. Максимум один курс медбрата из любви к истязанию других. С трудом, но стоять на ногах могу. Ниже пояса травм не видно, на спине тоже. Где же тогда сидит злоба? Томится и варится. Представляю прозрачный внутри пузырь, наполненный черной желчью, как чумной гнойник. Надрез на коже, глубже, надрез на нем, и полилось, трубка для отсоса жидкости внутрь, не хватает тяги, и Саша вонзается зубами, в себя дичь пихает с наслаждением. Ужасная картинка.

Ближе к вечеру мне полегчало. Я позвонил жене и сказал, что немного приболел, но ничего серьезного. Хорошо, она не видела меня. Шея опухла, кашель стал сильнее, и боль отдавалась в груди. Во рту собиралась слюна, и я давился ей, сплевывал. За один вечер накопилась двухлитровая бутылка. Из меня выходила болезнь, мое тело давало отпор. Я вышел на улицу и дошел до ближайшей аптеки. Взял спрей для горла, сироп от кашля и какие-то таблетки подешевле.

По пути обратно я понял, что со своим внешнем видом мне ни в коем случае нельзя показываться на глаза ни соседям, ни администраторше. К счастью, продуктовые не успели закрыться. Я купил два килограмма яблок, хлеб, бананы и воды. Много воды. Фонари избивали, почему же мне все вокруг так не радо?

Ночью, как и при любой болезни, стало хуже. Я считал и верил, что умираю. В окно стало мучительно смотреть, шея с левой стороны становилась все больше. Глотать я мог – болело – слюна словно стекала по десятку глубоких ран. В животе бурлило, позже появился понос. Так мне было суждено встретить конец. Вонючим, мокрым, обосранным, без голоса и желания жить. Я отпускал себя в сон как смерти в руки, но она отталкивала меня, бросала раздираться дальше. Раз от разу я тянулся к телефону, понимая, что, возможно, сейчас будут мои последние слова. Первые жене, завещание. Вторые Косте. Ублюдок, мразь, отдавший меня на опыты Саше. Третьи Саше. Я надеялся, что если злоба и была, а иначе был ли смысл соглашаться, то сейчас она поглощает Сашу и заставляет его просить прощения за совершенное надо мной. На глазах проступили слезы, я начал плакать. Не помогало, но хорошо хоть не кровью, и на том спасибо. Я ругался вслух, раскидывался проклятиями. Сначала громко, потом тише, будто мне жить надоело, зачем портить реальности картину. Сотрет меня, и мир станет лучше. На зло тело сопротивлялось.

Прошла чередa нырков в мир фантазий и внутреннего беспокойства. Раз меня оттуда вытолкали стоны за стеной. Молодожены вернулись к наслаждению собой. Руки не поднимались постучаться, голос исчез, мне было нечем возразить. Что самое важное и удивительное, так это отношение. Раньше они меня бесили, раньше я их ненавидел. Заболев... Мне стало все равно. Я улавливал ритм в стуках, я слушал, насколько было ей хорошо, как усердно старался он. Происходящее стало неинтересным, тяжелым. Так много всего вокруг я оставляю перед смертью, – думал я, – зачем на это злиться и ненавидеть? Смысл порождать такое чувство, если есть иное. А зачем говорить об этом, если ничего и не изменится. Раз я постучал – это было дело, но так ли я был им движим? Иными словами – зачем мне беспокоится по такому пустяку? Я списал свой бред на предсмертное спокойствие.

Сигареты кружили голову, будто каждый день впервой затягивался. Так прошел один день, потом другой. Администраторша предложила вызвать мне врача, но я жестом отказался. В моих глазах прощение победило ненависть, раздражение иссякло. На автоматизме, боясь, что иссякну, я съел два яблока и выпил воды. Слюна покрыла кровать, заполнилась и вторая бутылка. Горничная принесла обед, но он так и остался пропадать. Прямо как я. Много лишнего вокруг – вот что проявилось передо мной – и эта мысль перевернула все вверх ногами. Неужели так и приходят гении к своим

идеями, находясь перед лицом смерти. Мне гением не быть, я ближе к трупу. Даже если выживу, гением назвать себя не посмею. Я совершил ошибку, грубейшую, согласившись на слова Саши.

Я звонил ему и не один раз. В большинстве случаев он не брал трубку, игнорировал мои звонки, а если и отвечал, то слова его были холодными:

– Так и должно быть, не парься, – говорил он и бросал трубку. – Теряешь голос? Отлично, раз теряешь, то пиши. Нечего остатками раскидываться, – злобно засмеялся Саша.

Это не злило меня, а должно было. За меня злиться кто-нибудь другой, а зачем... Ответа я не видел. Повод отомстить я предлагал найти кому-нибудь другому.

Когда мне снова полегчало, я решил снять повязки. Я наполнил ванну горячей водой, плитку и зеркало покрыл нежный пар. Полежав в ней минут двадцать, я принялся проделывать нехитрую операцию: зажав в зубах полотенце, аккуратно, медленно, до стыдобы, я срывал с тела бинты. Кровь застыла, словно цемент, волосы вырывались вместе с тканью. Сорвав первые куски, я удивился, у меня не было слов. Под бинтами не было ни единого пореза. Я бегал глазами, вылезал из ванны, нагибался, приглядывался – ничего! Порезы никогда так быстро не проходили, тем более настолько болезненные. Но, может, их и вовсе не было, – задумался я, – и мои ощущения там, у Саши на столе, были правдой? Я лишился тела, значит, и резать оставалось нечего. Бинт за

бинтом, ни следа. Меня это раздражало. Как это? За что я истекал? За что я мучался, если ничего, по сути, нет? Сорвав все бинты, я увидел свое тело. Свое любимое. За неделю оно не изменилось никак: маленькое пузо, чуть-чуть обвисшая грудь, волосы, вены, белые растяжки-рубцы. Единственное, что меня смутило, так это набухшая шея. Плюс на груди покрылась коркой царапина, но могла ли она быть источником такой крови и боли? Сомневаюсь... Разочаровавшись в потраченном времени, я лег спать. Завтра меня ждал самолет. Или я его, хрен знает

10.

Я не стал прощаться с Костей. Я не стал благодарить Сашу. Я решил оставить город позади, как ошибки молодости. Температура поднялась до сорока, голос окончательно исчез, чудом я держал себя на ногах. Все на чудо да на чудо списываю, в силы свои не верил и в ближайшее время не собираюсь начинать, а стоило бы, иначе чудо превратится судьбу, а судьба в роковую снесет. Во время перелета виделись непонятные кошмары, никак с жизнью не связанные. Двадцать минут отруб, десять минут с жаром, кашлем и неловкостью. Некомфортно должно было быть моему соседу, бедняга. Мой кашель весь самолет на уши поднял, слышно, как люди недовольно цыкали. Раздражал их шум чужой, живой, не машинный. Я давился, держал его в себе, терял дыхание. Если хочется кашлять – ничего не поделаешь. Дохаешься, держишься, а потом мокрота со слюной летит в затылок твоего соседа. Мне было неудобно, я не мог снять куртку. Потел, вонял, тело скользило в одежду. Как же было мерзко. В глазах мутнело, я терял сознание. Из соседнего иллюминатора просачивался свет, жестокий, грубый свет.

Сигареты резали горло. Как зажег, так и подушил, бросил на асфальт. Вот она, Москва. Аэропорт Внуково встретили ажиотажем, толпой, не по мою душу пришли. Люди стояли

в очередях, бежали от чего-то, не пойму. Вышел на улицу, и все как и прежде. До этого же терпели, зачем сейчас-то рыпаться? За углом не прекращалась стройка. Еще в детстве моем она началась, и итогом ее должна была стать парковка, а теперь – новый терминал. Таксист ободрал меня, воспользовался моей слабостью, так еще и телефон разрядился. Несколько тысяч незаслуженных в карман. Пока мы ползли через пробки, я отвлекся от болезни, задумался о работе. Вот таксист, в чем он есть? Зачем он продолжает заниматься этим? Сегодня та эпоха, когда потребитель становится массовым, ему насрать на то, как производится объект его потребления. Потому никто не защищает водителей, например, Яндекс такси. Никто не бушует, что их работа – это капиталистическое рабство. Да, они зарабатывают деньги, но они уходят на бензин, аренду машины и сигареты. Конкуренция и усердный труд? Бросьте, машинный код ставит цену, среднюю между довольным клиентом и голодающим, но не до конца, таксистом. Шмыгание носом – как хлопки по щекам, болею, но не больно. Больше нет. Смерть осталась там, в Екатеринбурге, играть с местными жителями. Представляю картинку, как я в черных очках и костюме, за штурвалом истребителя, лечу в объятия ее с косой, но разворот-поворот-прикол, и она пытается догнать меня, но не может. Я судорога в горле смерти, блеск в глазах человека перед выстрелом. Большого мнения о себе все-таки.

Таксист говорил много, он обладал самым неприятным

голосом, что я слышал за свою не очень короткую жизнь. Был ли он таким на самом деле, или это от болезни не в радость окружение и любое чувство – уверенно сказать не мог. Сложно было представить, как я в таком состоянии выйду на работу. Я достал из кармана ручку и поставил себе крест на руке – на память – написать Семену Юрьевичу о болезни. Вряд ли он бы мне помог, и просить помощи я на самом деле бы не стал – но отгул был необходим. Работа постепенно подкрадывалась обратно к моей жизни, я о ней успел забыть. Как приятно чувствовать дни, не делить их на выходные и будни. Закончить вечер пьянкой, а не компьютером; утро с солнца на глазах, а не экрана с надписью «будильник». Или не видеть неприятные лица; те, что вызывают отвращение. Вот то самое лицо, для которого нет злобы, нет обиды. Для него есть прекрасный подарок – нервы. Оно сжирает их. Дареному коню в зубы не смотрят, но черт, зачем же выбивать-то их? Может, именно это и бесит? Нет, я понял иное. Спустя месяца я понял. Я работаю не покладая рук, горбачусь, беру на себя большое, в то время как другие не могут. Это меня злит, это заставляет меня плохо думать о них. Но почему? Опять же, здесь главный я – мой эгоизм, моя усталость. Раз я тружусь и я горбачусь, почему другие отдыхают? Если устал, почему другие нет? Я воспринимаю это как необходимость – уставать, как показатель качественной работы. Только сейчас я понимаю, что никто не обязан страдать от своего труда, срывать и ненавидеть все вокруг, если кто-

то другой не находит в нем радости. Не говорю счастья – оно не подходит для описания. Часть себя уходит в дело, потому оно и кажется ценным, и когда кто-то не разделяет твоей любви – любви частично к себе – это вызывает агрессию.

Что еще хуже, это самомнение. Работа становится способом самореализации, и слишком крупное значение придается ей. Так люди выгорают, ибо труд переходит с физического на умственный, роботы сходят с конвейеров и готовятся оторвать нам руки. Постоянные связи, общение, креатив, наизворотнейшее выражение «умственный труд» – все это изматывает и сжигает. Выгорание. И вот ты придаешь чему-то значение, и в команде с тобой человек, который, ну, не разделяет энтузиазма, живет от зарплаты до зарплаты, от выходного к выходному. Кратко – выживает. Вместо работы над собой начинаешь его во всех бедах винить, недостаточно вовлечении, а виноват ли он? Свою жизнь он пусть деваает куда хочет, необязательно же с тобой ее кончать. Говорю на ты, а все о себе, да. Чувствую, что то, к чему я обращался на ты, ушло. Последние крупницы догорают внутри.

Дома жена рыдала. Сначала она не признала меня, так плохо я выглядел. Меня начало рвать, то ли кровью то ли слюной с яблоками. Жена предложила раздеть меня, но я чуть ли не с криками отказался. Не хотел, чтобы она увидела мой шрам. Я заперся в ванной, разделся и офигел – пореза будто и вовсе не было! Кожа, как она есть, только выбрита. Красивый был порез, скучать по нему не собирался. За-

кутавшись в одеяла, я уснул. Жена говорила, что я бредил, бубнил имена и пытался кричать, но голоса не хватало. Ее сильно напугала моя шея и на следующий день она записала меня в частную клинику недалеко от дома. Врач отличился черным юмором и чрезмерной вспыльчивостью. Стоило мне зайти он спросил почему я вообще стою на ногах. Дыхнул – а вы точно внутри не сдохли? Его цинизм провоцировал меня держаться, бороться с самим собой. Сделали рентген шеи – ничего не нашли. Пустота. Врач предложил зайти к онкологам на всякий случай, но потом передумал: его смущали белые пятна, блики лампы на его столе. Наверное, у Лизы был подобный врач. Я помню, как ходил вместе с ней к онкологу. Мы шли по улице, и она попросила купить ей сигарет. Меня это возмутило: «Как ты смеешь курить в своем состоянии?». Она засмеялась и холодно ответила:

– Либо это правда рак, и я умру так и так, почему бы не покурить? Если нет – буду курить дальше, чего бояться?

Такие молодые слова, безрассудные, детские если быть точным. Правда в них была. Детская, радикальная, но правда. Чего уж терять? Жизнь? Ее так и так заберут. Деньги? Если по-настоящему хочется – возьмет свое в любом случае. Удивительно, что я смог увидеть это иначе. Критически. поставив себя на ее место. Смерть нас сблизила, конечно. В ней оставалась вера в выздоровление, непризнание болезни. Иначе она бы уже давно улетела куда подальше, наслаждаться последними роковыми деньками.

Несколько дней я лежал дома и жалел себя. Плевался и дохал. На работе меня не искали – я сообщил коллегам о болезни. Жена сидела надо мной и все пыталась понять, как со мной могла сотворить обыкновенная простуда такое. Голос постепенно начал возвращаться, температура спала, рвота прошла. Время спустя я был как огурчик. Хорошо, что я не умер. Нет, не так.

Я не умер. Или даже так:

Не умер.

11.

На работе все изменилось и одновременно все осталось прежним. Столы завалены, люди напряженные, кипит и бурлит. Бычки тлеют, кондиционеры шумят. Ничего нового. Люди вокруг только, кажется, стали иными. Будто призраки, они парили вокруг на цепях своих дел. И неделю бы назад я цепях этих запутался бы, подавился бы. Я легко перешагивал через них, не обращал внимания. Волнение пропало, с ним и вовлеченность. Стол потерял значение рабочего места, он обрел себя обратно – стал ебучим столом. Коллеги перестали казаться командой, они преобразились в людей. Такие резкие изменений не прошли незамеченными, и первым это заметил Кирилл.

– Игорь, – обратился он ко мне, – ты как съездил? У тебя все хорошо?

– Все ок. А ты?

– В порядке, тут много чего произошло пока тебя не было. У Руслана, вот, лучший друг умер, коллега наш. И никто не говорит, почему. Семен Юрьевич сердечный пережил, лежит дома отходит. Даша ушла, Аня вот тоже шепчется.

– Ладно.

– Что у тебя с голосом, братан, – Кирилл положил руку на мое плечо, и я резко вскочил, – ты чего?

– Это болезнь, кхм, – я прокашлялся; действительно, мой голос стал несколько ниже. – Еще горло не прошло. Аня так и сказала, что уходит? Мне стоит с ней поговорить?

– Наверное нет, но...

Дослушивать не стал. Аня сидела на своем рабочем месте и листала документы. Моя тень упала на нее, миниатюрную. Она была последним человеком, из списка тех, кто мог уйти из компании. Деньги получала неплохие, работа была простая, ненапряжная. Аня посмотрела на меня. Я забыл ее лицо, покрылся краской, будто впервые увидел эти маленькие губы, скулы и рыжие кудри. Мне нравилось на нее смотреть, нравилось, когда она пробегала мимо с пачкой бумаг, и, сказать по правде, я всегда был рад ей помочь. Уронит она папку, бумаги разлетятся, и я, рыцарь в белом воротнике, появлюсь из-за угла и помогу ей собрать все.

– Аня, здравствуй.

– Привет, Игорь, – поздоровалась она, не отрывая от бумаг. – Как отдохнул?

– Я не отдыхал. Скажи мне, пожалуйста, это правда, что ты собралась уходить?

– Кирилл уже всем успел рассказать? Да, я давно думаю над этим.

– Почему?

– Потому что я устала, потому что никто не прислушивается ко мне. Потому что я делаю так много всего, а это игнорируется, будто меня одну волнует состояние этой компа-

нии. Я могу и дальше сидеть на попе ровно, не двигаться, как мужчинам нравится, мило улыбаться и ждать, пока огонь разгорится.

– Ты считаешь, что тебя не ценят здесь?

– Естественно. Если ты пришел меня держать, то ты оставь эту идею.

– Я хотел поддержать тебя

Она оторвала глаза от стола и удивленно рассмотрела меня.

– Ты плохо выглядишь. Что стряслось? погоди, я не поняла, ты серьезно не собираешься меня отговаривать? Ты тоже уходишь?

– Нет.

– Вы же с Кириллом вместе планировали, и я вот тоже наконец решила. Игорь, это работа сжирает меня. Я никак не реализовываюсь тут. Мне искусство нужно, а не пять-два, где всем на меня насрать. Мне стали безразличны люди вокруг и, что самое страшное, такое отношение переносится на других людей. Будто работа неразрывно связана с остальной жизнью. Но это не так, быт превращается в говно, крики, шум, ор. На кота собственного срываюсь, никогда такого не было. Стресс сильнее удовлетворения. Я понимаю, я вижу – я не работаю. Прокрастинирую, сижу на месте, занимаясь чем угодно, лишь бы обратно в текучку не вернуться. От этого отдельно погано. На мелочах косячу, как так можно?

– Тогда почему ты еще здесь?

– Потому что...

– Ты давно об этом думаешь? – перебил я. – Конечно, давно. А ты еще здесь. Может, тебе нужна помощь?

– Нет, я...

Я выхватил из-под стола коробку с документами – Аня сдавала все в переработку – и стал собирать ее вещи со стола. Котов, фотографии, памятки, журналы, книги. Все туда. Она подняла голос, просила остановиться. Прибежали коллеги и смотрели, как я тащу на плечах и коробку по коридору. Из своего офиса выбежал разгневанный заместитель, Петр Кнопка.

– Что происходит?!

Я всучил ему коробку и сказал:

– Она уходит. Аня, – я повернулся к ней и обнял, – ты молодец. Беги, пока можешь. Иначе дальше будет хуже.

13.

С тех пор Аню я не видел, оно и к лучшему. Я был рад, что она оторвалась от нас, как паразит от пищи. В нас был только яд, и мне не хотелось бы, чтобы она мучилась, страдала. Кто-то говорил, вроде Даша, что она начала употреблять, стала работать в республике и учиться на искусствоведа. Значения этому придавать не стоило. У нее был шок, такого резкого изменения обстоятельств не ждал никто. Если бы я не вмешался она бы дальше сидела за этим столом,

карала бы себя за то, что взять и отрезать не может. В ней была благодарность. Я же, в свою очередь, почувствовал ничего. Как необходимость увидел это – надо значит надо. Помощь? Боже упаси, какая к черту помощь? Зачем мне было помогать ей? Она бы потом спасла? От разгневанной бумаги и агрессивного принтера? Отсосала по пьяни, когда брак переживал кризис? Нужды в ней было, частью своей жизни делиться с ней не стану. И ни с кем больше, – решил я. Тогда мне это показалось единственным правильным выходом. Из чего только, оставалось непонятным.

Исчезли причины вставать по утрам, я не видел в этом смысла. Как бы я не хотел, но я думал об Ане. Что она будет делать дальше? Что если в мире таких людей сотни тысяч, и сейчас они страдают, привязанные к рабочим местам. Ладно она, человек, что за успехом не гонится, но есть же еще случаи аж клиника, кто хотят и реализоваться, и добиться успеха, и признания, и богатства. Целого мира им попросту мало! Подъем в гору, не имеющую вершины, поиск дна в замкнутой на себе трубе. Кто еще бы смог помочь ей? Нет, мне не хочется думать, что я один, уникальный и особенный, только потому, что что-то внутри заставило меня сделать это. Кто бы это еще сделал? Ее друзья давно должны были заметить в ней изменения. А иначе зачем нужны друзья? Нужен человек, что всегда поддержит; если это, конечно, не героин. Тот поддержит только ложку.

А любила ли она свою работу? Вот Лиза ненавидела, это

я точно помню. По лестнице лезть отказывалась, как бы ни уговаривали. С деньгами всегда было туго. Ей не нравилась ее работа, а еще глубже лезть в нее, все выше и глубже, ниже и жестче, какой тогда в этом смысл? Разница между официантом и менеджером в ответственности, а отвечать за то, с чем себя не ассоциируешь, что тебе не дорого и загоняет в тоску – к черту это. Но жить на что-то надо. Самый избитый и растиражированный аргумент. Но, погодите, неужели нельзя жить делом? За свое дело – за себя – нужно быть готовым разбиться головой о стену, вскрыть вены, встать под пулю – иначе это вовсе не вы, а навязанное тысячелетиями извне желание. Таких вещей много, большинство заметно нерелексирующим глазом. И все, внимание, все, и я в первую очередь, пытаемся этого не замечать, потому, что если уж увидел проблему – разберись, очень легкий жизненный принцип. Он же и самый сильный. Увы, самые простые принципы всегда усложняют, ведь в сложном много переменных, нужно много думать. Много думаешь – дашь сбой, забываешь ранее сказанное, и вот ты уже позорно обманут.

Потому в бреду я вывел для себя аксиому: «никому не говори и никогда не обещай». Мое правило, мое кредо. Моя икона – это две простые истины без лица, ведь каждый на них способен, но не у каждого есть силы. Я верил и лелеял, виду не подавал, где-то глубоко. Как семейную драгоценность, как последние сбережения правящего режима.

Держа в кармане аксиомы на бумаге я приходил на ра-

боту. Это подарило мне равновесие, это подарило мне спокойствие. Мелкие проблемы перестали существовать, большие заставляли улыбаться. В душе я наводил на них палец и смеялся. Униженные и оскорбленные палки в моих колесах со слезами разбегались. Коллеги поражались моему спокойствию. Клялись, что, если упадет бомба и взорвет все вокруг, я лишь стряхну пыль и вернусь к работе. В чем-то они были правы, не стану же я их трупы убирать?

Неделю спустя я выглядел здоровым. Опухоль спала, кашель прошел. Курил, себе не отказывая. Одно только горло смущало. Голос не восстановился, списал это на слишком поздний прием лекарств. Глотая пищу, я чувствую, как она задевает пищевод, оседает на в нем. Это не приносило мне никакого дискомфорта. Так, смущало, не более. Я даже игрался с этим: ел, проглатывал и, как сказать, вслушивался в себя? Чувствовал себя? Как еда задевает стенки. Вечерами я иногда просил жену посмотреть, что происходит с моим горлом. Она закатывала мне скандалы, требовала обратиться к врачу, но я дурак что ли? Буду платить деньги за прием, чтобы утолить свое любопытство? Сам справлялся, ничего примечательного не замечал. Однажды только как-то встал в позу, свет удачно упал, звезды сошлись, не знаю, и сделал фотографию черно-белую. В горле были еле-еле заметные порезы.

В общем и целом, жизнь вернулась к стандартному ритму. Только стала здоровее. Желчь, скопившаяся с давних вре-

мен, исчезла. Она была причиной всех моих недугов. Признаваться в этом себе не хотелось от слова вообще. Жизнь же показала, что имеет не только разные цвета (меня это ввело в шок), но еще и таит в себе запахи, чувства, различные детали, требующие отдельного взгляда. Я выходил на улицу и слушал птиц сквозь гул машин, смотрел на эмоции в уставших лицах, притрагивался к снегу, чтобы отнять его редкое тепло. Я преобразился, и мир вместе со мной. Саша не брал телефон, а мне так хотелось сказать ему «спасибо». И пусть моя благодарность выразилась бы в неловком молчании – как подумали бы другие – нет ведь ничего прекраснее молчания. Автобусы ездили быстрее, людей в метро стало меньше, жена целовала так, будто бы в последний раз вместе.

Как радовало меня невидимое, так же сильно царапало взгляд знакомое до. Прямоугольные старухи завлекали взгляд, крик детей стал ярче, женщины вдруг похорошели, все до одной. Нельзя было представить время лучше для того, чтобы жить. Посреди улицы ругались пьяницы, я смотрел и слушал. Заметят меня – уйду, не заметят – вслушаюсь. Столько гениального впустую вылетает из них. Если это не истина, то опасное приближение. Полицейские будто бы стали милее и приветливее, страх перед ними пропал. А что их бояться? Бояться их почему? За последствия, за то, что они могут со мной сделать: избить, ограбить, подбросить, пытаться? Ничего это более не страшно, ничего это более не имеет значения. Если нечего ждать, то и нечего бояться, –

думал я, потому каждому из них я махнул рукой и говорил «прощай». Никогда раньше у меня не было такого душевного подъема.

В суматохе метро исчезаешь, как и миллионы других местных жителей. На переходе между синей и зеленой ветками я попал в поток людей. Бегут себе мышата, думают, что знают куда бежать. Об меня они спотыкались, я выбивался из общего ритма. Раньше я мог хоть секунду гордиться этим, а теперь – чем же тут гордиться? Что я не такой, другой, только потому, что меня на другой стороне прямой не ждут, что я никуда не опаздываю? Бред, мальчишеский бред. Многие вокруг одинаково одеты, цвета одного диапазона. Никакой роли это замечание не играло, само собой. Просто я не так часто обращал внимание на других. Мне хотелось, чтобы все исчезли, все вокруг взяли и повесились, пропали и исчезли, только близкие остались. Пусть живут, – решил я, – не мне решать, не мне они принадлежат. Музыка звучала, женщина пела о неразделенной любви. Сбоку от нее на коленях стояла еще одна. Беременная, с пузом больше тела. Всегда казалось, что это обман, что под растянутой майкой ей подобные держат подушку или огромный воздушный шарик. Вот было бы смешно – а может и нет – с разбега вмазать ей ногой по животу, чтобы шарик лопнул, она закричала и все вокруг засмеялись. Кто из нас тогда был бы клоуном?

Мысль остановилась. Конфуз. Я о таком и думать не мог раньше. Бедная женщина с нерожденным ребенком, заранее

обреченным на ужасы жизни, принижается и выпрашивает милости, а я планирую как ей правильно въехать: одной ногой или с разбегу двумя. Двумя было бы круче, как в рестлинге на американском телевидение. Если я мог представить это, и не в общих чертах, а детально, до выдоха перед прыжком, до улыбки на своем лице – означает ли это, что у меня есть возможность это осуществить? Нет, возможность есть всегда. Решимости обычно не хватает. Я подходил все ближе. Руки сочились потом, мышцы на ногах напряглись. Черт, разбежался бы сразу, как эффектно бы смотрелось, а теперь. Я встал перед ней. Она протянула руки ко мне. Во мне, как будто вовсе не было и незнакомо, пропала жалость, пропало сострадание. Хотелось смеяться, хотелось сделать ей больно. Лишить ее возможности хоть на что-то надеяться. Вдруг меня оттолкнула в сторону толпа, и я вместе с ней пошел дальше. Грань чувствовалась перед собой. Тонкая грань.

Случай вышел не из приятных, ранее мне не знакомый. Выйдя на улицу, я выкурил пять сигарет, анализируя, почему я хотел это сделать, что бы я получил с этого, зачем мне хотелось сделать, и смог бы я на это решиться. Дорога была утомительной, аргумент за аргументом проецировались в голове, к единому мнению прийти невозможно. Зачем бить женщину? Чтобы получить удовольствие. Причин для удовольствия может быть бесконечно много: желание насилия, мести, желание само по себе, новый опыт, боль, возможность ударить сама по себе... Перечислять бессмысленно, любой

человек, и женщины в первую очередь, добавляют от своей души несколько причин. Что хотел я? Ударить, это точно. Зачем? Уже говорил, причин для удовольствия может быть бесконечно много: желание насилия, мести, желание само по себе, новый опыт, боль, возможность ударить сама по себе... Зачем мне получать удовольствие? А почему нет? А почему да? Потому что без удовольствия нет смысла жить. Смысл жизни заключается в удовольствии? Нет, ведь без не-удовольствия удовольствия быть не может, необходимо и то, и то. Хотел ли я ей доставить не-удовольствие? Определенно. В чем оно заключается? В боли, в мучениях. А зачем? Чтобы получить удовольствие. Зачем? Потому что без этого не жить. А зачем жить? Так надо. Кому? Мне. Зачем? Так надо. Зачем? Мне оно надо. Мне надо. Надо что? Сделать ей больно. Почему? Потому что я получу от этого удовольствие. Ей боли не хватает? Хватает, только ее не хватает мне. В каком смысле? В смысле у меня ее достаточно, хочется увидеть чужую. Но разве она и так не страдает? Это я уже видел, необходимо еще. Зачем? Чтобы жить и не зря. А можно без этого прожить? Да, но зачем, если я так жил годы до? Я чуть ли не умер в поисках спокойствия. Я выжил, получил новую жизнь, разве я не могу ей порадоваться? Радоваться страданию других? Радоваться тому, что я смог себя победить; радоваться тому, что я себя пересилил; радоваться тому, что я смог это испытать. Я могу, я могу, я могу. Но перспективы туманные, они меня пугают.

12.

Мы гуляли в парке. Нас деликатно сближал снег. Под руку шли, я напоминал ей о своей любви. Она не от холода краснела. Моя рука касалась ее в кармане куртки. Ветки гнулись под тяжелым инеем. Другого вечера не хотелось, мне хотелось назвать себя счастливым. Как и у много другого есть конец, так закончился и парк. Подними голову – увидишь Электrozавод. Московский улей неформалов и черной индустрии. Много легенд ходит об этом месте. Раз здесь устроили коммуно пропалестинские радикалы, в подвалах снимали порнографию, клепали на ржавых станках одежду одного очень известного бренда и пришивали бирки «хэндмэйд». Здесь всегда играет музыка, хоть ее и не слышно. Фотографируют, танцуют, читают, едят. Страна внутри страны. На Электrozаводе я раньше репетировал со своим лучшим другом Димой. Он не перестал быть мне другом, нет. Наша музыка – да. Прослушав ее в новой жизни новыми ушами, я не слышал в ней ответа, в ней не было меня. Дима не хотел меня слушать, он не мог принять той мысли, что я изменился. Надеюсь, мы остались друзьями.

Однако сам Электrozавод навсегда остался в моем сердце. Фасад не переставал внушать впечатление неприступного замка. Мы закрылись редким светом работавших мастер-

ских. Внутри оставались только призраки и шум машин, может, пара-тройка бессонных плюс невидимая охрана. Я предложил жене выйти к реке, но она настояла пройтись вдоль крепости. На то она и любовь, что переносит горе своей половины вдвойне сильнее. С меня печаль сошла, грусти вовсе не было. Я быстро свыкся с мыслью, что денег стало больше (они уходили на сигарету – курить стал больше), как и свободного времени. Жена только беспокоилась, смогу ли я пережить распад группы, ведь, по сути, это всегда оставалось моей единственной отдушиной. Гитара быстро продана, вместе с ней и педали эффектов. Остался только диктофон. Деньги в меньшей части ушли в наш семейный бюджет. Другая часть ушла ко мне в карман и ей на подарок в конверте. Я знаю, что так не делается, но мы были давно не маленькими. Она хотела меня переубедить, но я оставался непреклонным. Это была нечестная музыка, она была не моя. В теории, не знаю, когда-то это был я, но с тех пор в ней не слышно вопроса, там не дается ответ. Совсем. Эта музыка повторяла чужую, она оставалась тем, что нас вдохновляло, мы повторяли и делали подделки, низкопробные и массовые, прямо как ткачи в подвалах.

– Игорь, смотри, – жена развернулась и опустилась к земле; в руках у не появилась кошка. – Он за нами так долго бежал. Мурлычет. Видимо местный.

– Давай я посмотрю, – я пропустил руки к ошейнику и попытался открыть капсулу, но кот начал шипеть и вырваться

из ее рук. – Ах же ты, уебок.

– Он тебя не оценил, – засмеялась жена.

– Он меня недооценил, – сказал я и одной рукой зажал коту лапы, а другой сорвал ошейник.

– Игорь, блин, ему же больно.

Внутри капсулы была маленькая записка с адресом.

– Это здесь внутри, пойдём.

Мы дошли до следующей проходной и постучали в дверь.

Никто не ответил. Я бил сильнее и чаще. За дверями послышался сонный женский голос.

– Что вам надо?

– Доброй ночи, мы тут кошку нашли. У нее в ошейнике этот адрес, скорее всего, ваших арендаторов. Фотостудия, если быть точным. Можно вы ее у вас оставим?

– Я ничего не знаю, – отмахнулась женщина. – Мы на ночь закрыты.

– Да, вы поймите, это кошка, она на улице замерзнет до смерти в такую погоду.

– Мне все равно.

Мне было тоже. Я отпустил ее и подтолкнул в сторону железных ворот, она смогла бы пролезть под ними. Кошка все равно пошла за нами, оставляя неглубокие следы на снегу. Жена решила взять ее к нам домой. Она помыла ее, осмотрела. Я сходил за кормом. С моих рук есть кошка отказывалась. До глубокой ночи жена игралась с ней, и стоило мне подойти, как начинался визг и шипение. Ночь я провел в оди-

ночестве на диване, листая новостную ленту своих так называемых друзей. Лиза лишилась работы и уехала за границу. Расписала свои офигенные истории о том, как в трусах перевозила на автобусе траву и по приезде взрывала косяки на вокзалах. Такая европейская жизнь ей больше подходит. Без видимой тоски, без того обмана, на котором живет Россия. Лгут все, только по-разному. Мы же, русские, обманываем себя своим величием, мы восхищаемся теми недостатками, в которых живем, ибо из них вырастают самые вкусные плоды. Вот держишь ты, держишь плод, а он бам, силы берет в себе, уничтожает тебя и растет к солнцу. Так высоко, как никто и не мечтал. А потом, прикасаясь к его лучам, плод думает – а может, меня специально принижали, чтобы я стал великим? В комфорте стал бы я беспокоиться? Хрен там, жил бы на пестицидах, добавках и ствольных клетках и усилий не знал. Европа же живет в роскоши и комфорте, убеждает себя, что большего для жизни и не надо, пока их души исчезают или сходят с ума. Смешно, как постсоветская страна исчезает, превращается в идею вместе с обнищавшим населением пока там, за рубежом, люди становятся вещами. Не удивлюсь вскоре увидеть там не города, а мебельные магазины. Я всегда любил Европу, но на секунду во мне заблистала неподменная любовь к России. Я настоящий, они нет. Они свою настоящесть, какое сложное и дебильное слово, воспринимают по-другому. Мы бы назвали это ложью. Жена же всегда тяжело переживала свое существование здесь. Очень тя-

жело.

Утром, перед уходом на работу, жена попросила меня отнести кота владельцам. День прошел, я вернулся домой за котом. Жены не было дома, только комок шерсти мурлыкал на нашем диване. Маленький и беззащитный, тяжело дышал, вспоминал об испытанном страхе. Я подошел ближе, и он лениво проснулся, прятаться не стал. Неужели он перестал меня бояться? Мы уставились друг на друга. Маленькие глаза, бусины, переливались в свете ламп. Хотел бы я иметь такие глаза. Непохожие, нет, а именно такие. Есть в кошках магия, и она наверняка в глазах. От них же оторваться невозможно, на них вечно злиться нельзя. Рано или поздно, а скорее рано, не замечаешь, как тискаешь кошке животик, внутри которого вырастает жизнь, делаешь все, чтобы она мурлыкала дальше, терлась об руки. Я протянул руку, провел ей по голове. Потом еще раз и еще. Ей должно быть нравилось. Затем я положил руку ей на голову и одним пальцем чесал за ухом. Она медленно дышала. Но стоило мне протянуть вторую руку, как она выскочила из моих объятий и вмазала мне по лицу. От испуга я вскрикнул и закрыл лицо руками. Промывая перекисью царапины, кровь шипела, покрывалась белой пеной, нельзя было не заметить мои глаза. Тупые, деревянные, для галочки поставленные. Одно только не давало успокоится. Я достал телефон и открыл фотографию трехмесячной давности. Диман держит меня за голову, пока я улыбаюсь в камеру. Изменились глаза. Стали темнее, стали

наполненными чем-то. И раньше в них было, наверное, усталость или другое дерьмо, такое легкое на подъем. Сейчас же я прям вижу, как собирается в них незнакомое мне, серьезное. В меру опасное.

Взяв под руку закутанного в пеленку кота, я вышел из дома. Мы, не могу сказать я, шли вдоль восходящих к небу новостроек. Темнело рано, фары создавали дорогу. Кошка все не замолкала, кричал и рыпался. Я сжимал пеленку, делал ей больно. Еще чуть-чуть, и она бы треснула. Своего рода сломалась. Мы вышли на Карамышевскую набережную. Там, где не было света и воняло мочевиной. Вытащив из подмышки закутанную кошку, мне захотелось с размаха бросить ее об асфальт, но спешить некуда. Надел строительные перчатки, достал из кармана закутанный в тряпку кухонный нож из ИКЕИ. Из пеленки торчала ее голова и часть лапки. Я схватился за лапку и вытащил и потянул, пока кошка не закричала. Сколько всего я мог сделать, в выборе я потерялся. Придушить и вскрыть, сломать каждую конечность, а потом вскрыть или начать с самого главного и смотреть как внутри уходит жизнь? Всего понемногу. Достал вторую лапу, я ее достал. Хряк, минус ноги. Теперь ей некуда бежать. Раскрыл пеленку, кошка не прекращала визжать, ее голос бесил, хоть бы она заткнулась.

Она пыталась сбежать, передними лапами отталкивалась от земли. Я наступил ногой на сломанные конечности, посмотрел на нее свысока. Такая жалкая, интересная. При-

сел, одной ногой прижал правую лапу, другой сломал вторую. Неспециально, случайно, раздавил первую. Вот животное осталось без лап, бежать ей было некуда. Душераздирающий крик. Нервировал меня. Вряд ли во мне была душа, мне нравилось смотреть на происходящее. Вытащив из тряпки нож, я аккуратно опустил острие ей на шею и надавил. Медленно потекла кровичка. Как на уроках ИЗО, вырезая картон, я раскрыл кошке живот. От головы к паху. Удивительно, как она могла еще надеяться на то, что выживет? Я бы уже давно замолчал и умолял Всевышнего унести меня подальше. Или нет, ведь, вспоминаю Сашу, я лежал и сопротивлялся. Чтобы он со мной не делал, тогда и после, меня преследовала смерть, но я не отдавался ей. Этим мы с котом похожи, только я оказался сильнее. Сделав крупный надрез, я отложил нож и медленно опустил руку внутрь кошки. Там было тепло, знакомое ощущение. Путь к диафрагме и сердцу закрывали маленькие кости. Я ухватился за них и потянул на себя. Тогда кошка не выдержала и издала последний вопль. Я остался один. Чтобы утихомирить чувство одиночества, я составил себе компанию из сотни маленьких порезов на ее теле. Мне стало легко. Блаженно. Момент необходимо было запечатлеть. Со вспышкой, улыбнулась.

Когда все закончилось и ее тело мирно поплыло в холодной реке, я любовался кровью на льду и пытался понять, зачем совершил такое дело. Давно известно – если человек поднимает руку на животное, он рано или поздно доберется

до человека. В этом сомнений не было. Но зачем же я сделал это? Очевидно одно – мне понравилось это, мне не хватило этого. Никогда раньше я не мог позволить себе совершить подобный поступок, лишить жизни слабого. Да что слабого, кого-либо. Тот невидимый барьер морали пропал либо приоткрылся достаточно широко, чтобы в него протиснулось мое желание. Мне стало интересно, и вместо того, чтобы утопить свой интерес в размышлениях, которые, несмотря ни на что, приводят к отказу, я переборол себя. Взял и сделал – принципа, которого мне всю жизнь не хватало, ни в студенчестве, ни в детстве, ни сегодня. Ох, как приятно ощутить себя сильным. Как приятно доказать себе что-то. Увы, это никак не объясняло того, почему я это сделал. Наверное, из интереса. Мне стало интересно, что у нее внутри.

13.

Никому об это случае я рассказывать не стал, опираясь на свою аксиому. Но количество новых чувств внутри было настолько велико, что одному их проанализировать было невозможно. Саша продолжал не брать трубку, Костя тоже. Жене рассказать смерти подобно. Тогда я обратился к интернету. Зашел на европейский форум в русский раздел и расписал все, как вижу:

Добрый день! Меня зовут никак и не важно откуда я. Но последнее время со мной происходит неладное. Понимаете, я сильно болел. Недолго, но сильно. Чувствовал что смерть рядом. Невольно может быть и умер. После этого моя жизнь кардинально изменилась. Я стал решительней. Я осознал что во мне есть много всего что я зажимал в себе, боялся реализовывать и показать. Сверху еще и физические изменения – выпадают волосы. голос стал ниже. глаза потемнели, в горле не заживают какие-то мелкие ранки (их не видно, но они чувствуются). Все бы хорошо, но происходят еще и следующие вещи: как и многие пользователи интернета – я всегда был не человеком, а интровертом: учился из под палки, встречался с людьми от привычки либо чтобы никого не обидеть. Нашел себя в работе, потом понял – по-

казалось. Выгораю. И тут вдруг совершаю вещи, которые многие даже здесь назовут их скорее всего ненормальные: я мастурбирую в кинотеатрах потому что почему бы и нет (последний раз это было во время нового фильма по звездным войнам); я убиваю кошек потому что мне нравится их внутренняя теплота и мне всегда хотелось стать врачом; я подслушиваю бомжей, я слежу за парочками, иногда на это уходит один или два часа, слежу не боясь опоздать на работу или еще куда; избиваю туалетные двери, пугаю людей в кабинках до усрачки (no rip intended), думаю попробовать наркотики из интереса (всегда презирал их и людей которые употребляют). Совсем недавно я исполнил свою давнюю мечту – я вмазал с разбега ногой так называемой «беременной» женщине в метро. Узнав что под майкой был надутый шарик, мне стало грустно. Я хотел чтобы там был ребенок. Я отказался от речи, я почти не открываю рта если не спросят, а спросят – пожалеют. Я прыгаю по ночам по машинам, разбиваю зеркала дорогих автомобилей. Совсем недавно для подобных ходок я приобрел комбинезон, перчатки и отдельную обувь. Место где это хранится хорошо скрыто от посторонних глаз. Там же и использованные для вскрытия ножи. Я представляю себя с оружием на публике, мне хочется видеть как люди умирают, как со всех спадают маски, как из богачей они становятся тряпками, как козлы и барабаны становятся прожаренными. Я чувствую, я знаю, я верю, я надеюсь, я не хочу, но так и будет

– скоро мои руки дойдут до чего-то более ужасного. О моем исчезновении уже молят, а это я только до их вещей добрался. Что будет когда от моей руки падет человек? Постепенно многое привычное уходит, я отталкиваю это. Уважаемые жители интернета, скажите пожалуйста, было ли у вас такое? Как вы с этим боролись или как вы это приняли? Я очень боюсь того что будет дальше (но не всегда). Р. С. Сори за орфографию.

Ответ российского интернет-сообщества меня никак не смутил. Меня называли сумасшедшим, меня называли задротом, как меня только не называли. Удивительно было увидеть людей, кто разделял мои ощущения. Добрые слова, призывающие к переосмыслению своей жизни, заполнили комментарии. Так столкнулись три армии: «ты мудака», «ты болен» и «ты молодец». Как много людей, видимо, мечтает о моей вседозволенной жизни. Изредка я возвращался в обсуждение, чтобы давать комментарии, прояснять свой взгляд на некоторые вещи. Я писал, что делаю это не из выгоды, что никакого плана у меня не было. Что я делаю это сиюминутно, а потом размышляю о том, был ли нужен такой опыт. Несколько школьников так вдохновилось этой темой, что даже подняли обсуждение со мной в топ рейтинга форума. Надо мной смеялись, несколько войнов морали ненавидели меня. По какой-то причине это веселило. Кто-то утверждал, что собирается проверить то, что я сделал, со своими одно-

классниками. Отговаривать не стал, пусть сами делают выводы. Несколько извращенцев устроили обсуждение моего опыта публичной мастурбации: оказалось, что это недостаточно круто делать в кинотеатре. Видимо, кровь на руках их не смущала. Я взглянул на человечество вразрез, один удар свободы слова в интернете по волнующей теме – и вся гниль вырвалась наружу. Можно сказать, что эти мрази – единицы – но есть сомнения. Только единицы говорят вслух, сколько же тысяч прямо сейчас молчат и думают «я такой не один».

Оказалось, что таких, как я, много. И у всех путь похож на мой. Обыкновенная скучная жизнь, бам, переломный момент – бросила девушка, обнаружили неизлечимое заболевание, тяжелое детство напомнило себя. На общем фоне даже стыдно стало, что моим толчком был недуг, свойственный белым воротникам и работникам креативной индустрии – выгорание. Вчитываясь в чужие ответы, я замечал, что многие врут. Не удивлюсь что один из комментаторов мой коллега или знакомый. Или сколько еще должно пройти времени, чтобы это обсуждение перешло в реальность, например, в тот же бар или кофейню? Устраивают же люди Death Cafe, сходки по интересам, совместные игры в D&D? Рано или поздно массовое безумие станет достаточно массовым, чтобы устраивать чаепитие и обсуждать во время него последние убийства и девиантные поступки. Процесс пошел и запрос на эту попзвездочку Билли Айлиш – тому доказательство. Да, блять, я тому пример! Я! Никто и ничто, внезапно

открывшие себя. Выпив кофе, я отредактировал пост добавив к нему:

Прошу заметить, дорогие друзья, что не я испытываю жалости; не считаю, что совершил ошибку; не считаю что делаю что-то неправильно. Мне становится. Не хорошо не плохо. Я становлюсь. Такие категории я оставил далеко-далеко отсюда, в болезни. Их я использую только для размышлений и то, как остаток прошлого, пример, или в других переменных где от них ничего не зависит. Я рад, но не то чтобы счастлив, что смог раскрыть себя. Меня просто пугают перспективы, насколько далеко это может пойти. Все еще остаются люди за которых я беспокоюсь и они мне не безразличны.

В комментариях появился Дима – у него ник везде одинаковый – и написал о том, что с его другом происходит нечто подобное. Меня это развеселило, я стал расспрашивать, давать наводящие вопросы. Оказалось, что его друг просто взял и выгорел. Просто выгорел. То, что сгорело может загореться сильнее, и я сжигал все на своем пути. Сколько бы кто ни рационализировал это, нет ничего сильнее чувства. В комментариях появился еще один тип. Он отличался краткостью комментариев, писал только латиницей. Мое внимание он привлек следующим:

ti znaesh sashu?

Я ответил «да». Сразу же пришел ответ.

*ya znal! ya znal 4to ne odin takoy. nam nado uvidetsa. dobav
v druzya*

Я добавил его в друзья, и у нас завязалась короткая переписка. Себя он попросил называть по нику – 9pendel6. На тот момент Пендель находился в психиатрической больнице, и ему бы очень хотелось, чтобы я навестил его. Я никогда не был параноиком, но мне – и это логично – это показалось плохой затеей. Вдруг обыкновенный сумасшедший с телефоном по форумам пишет всем одинаковые сообщения от одиночества. С другой стороны – откуда он мог знать Сашу? Говорили ли мы об одном и том же человеке? Я спрашивал его, угрожал, что никуда не поеду, если он не расскажет в подробностях, о каком Саше идет речь и кто он вообще такой. Ответ Пенделя почти заставил бежать собирать вещи: *podval. krot na ruchke. ekb. ul narodnoy voli 63*. Я признался ему, что живу в Москве, у меня есть семья и работа, и нельзя на ровном месте сорваться и прилететь. Он ответил: *skogo mojno, kak krov uvidish) pozvoni kak budesh*.

От компьютера закружилась голова. Я почистил историю браузера и вышел на перекур. Никого, кроме Руслана, там не было. Он заметил меня, но не стал подходить или обращаться

внимания. Это было взаимно. Мне он никогда не нравился. К его сожалению, ему стало скучно, и он обратился ко мне:

– Как дела, Игорь?

– Нормально.

– Хорошо, хорошо...

– Ты не можешь так же сказать о своих?

– С чего это ты решил? – не скрывая агрессии спросил

Руслан.

– Потому что ты скрываешь смерть своего лучшего друга, а это означает только одно. Что его смерть позорна и порицаема. Что он умер не так, как вы хотели этого.

Никогда раньше я не видел Руслана настолько злым. Он набросился меня, но я успел отскочить в сторону. Покраснел, рассвирепел, я оказался прав. Мне стало интересно что должно произойти дальше.

– Я тебе последний раз говорю – отъебись, Мамлеев, – крикнул Руслан и забежал внутрь.

Бросив окурок на землю, я пошел за ним, приговаривая:

– Руслан, давай, признай это. Скажи, что это было.

– Отъебись! – кричал он.

– Ты сдал уже всех собственным видом. Пообещал молчать ведь, да? Хороший друг называется.

– Ты еще получишь, – через зубы прошипел Руслан и зашел в туалет; я зашел за ним.

Мне повезло, что я замешкался. Был бы я чуть быстрее, кулак прилетел бы не в закрывшуюся дверь, а мое лицо. Я от-

ветил ударом коленом в бедро, отчего Руслан согнулся и повалился в сторону. Хоть тело и пережило болезнь, оно осталось вялым и затвердевшим. Подобная ловкость была явно не моей, о ней я даже подозревать не мог. Чувствовал, что порвались штаны. Руслан успел подняться и прыгнуть на меня. Он был веганом, весил почти нисколько. Мне не составило труд сбросить его на пол. Бам, еще бы сантиметр, и я бы лежал с разорванными яичниками. Повезло – его нога попал в бедро, я отделался легким испугом. Когда он встал на ноги, я не стал ждать и ударил его справа. Мне не приходилось драться, в школе я отделялся слезами; о постановке удара даже речи не шло. Моя масса превосходила его в два, а то и три раза, потому словив кулак лицом, Руслан полетел о стену. Было больно, мне нравилось это. Не поднимаясь с пола, Руслан стал рыться в карманах. В руках его заблестел нож. Я по-настоящему испугался, как животное, загнанное в угол. Он медленно шел на меня, я отходил дальше. Спина чувствовала приближение стены. Глубокий вдох, и Руслан бросился вперед. Я отпрыгнул вбок, оставив вмятину на двери туалета, и схватил руку с лезвием. Так мы бодались несколько минут, пока не услышали смыв в соседней кабинке. Из нее вышел Петр Кнопка, заместитель.

– Что вы вытворяете? – закричал он своим детскими голоском; отвлекшись на него, Руслан успел вырваться и порезать мне руку. Я крикнул и ударил его по лицу. Нож вылетел из его рук. Я поднял его, схватился крепче, нацелился на

шею и со всей силой бросился с ним к цели. Теперь закричал Петр. Открыв глаза, мы увидели, как из его тыльной стороны ладони, закрывающей шею Руслана, торчал окровавленный нож. Петру не хватало воздуха, он тяжело задышал. Ему хотелось вопить, ему хотелось плакать, но на людях надо держаться. Тогда я заметил, что мы все стояли в крови. Руслан взял Петра за руку и повел к раковине. С рукоятки ножа падали капли. Сквозь шум воды он сказал:

– Слушай, Ты мне никто, и значишь ты для меня нихуя. Но сейчас делаем так. Ничего не было, все хорошо. Петя, ты как?

– Я в порядке, только больно очень, – жалобно промямлил Петя, – рука же цела?

– Да, ты чего! – засмеялся Руслан. – Это так, царапина. Сейчас вызовем тебе скорую, скажем, что я случайно тебя задел, ты подтвердишь и вернемся к работе, да?

– Конечно, давай, давай. Игорь, а что у вас произошло?

– Ничего, – я злобно посмотрел на Руслана. Мы обменялись кивками.

Они вышли из туалета. Я осмотрелся. Разбитая плитка, пот, кровь. Но кровь разная. Одна светлее другой. Намного. Одна красная, бордовая, человеческая. Другая – черная, даже при касании ощущение совсем другое. Злое. До меня дошло – это была моя. Из руки, ближе к плечу, сквозь белую рубашку, капала черная жидкость. Она напоминала чернила и пахла смертью. Кровью это можно было назвать с большой

натяжкой. Я промыл рану, закрыл ее как мог туалетной бумагой и выбежал из здания. Петя и Руслан уймут инцидент. Уборщица все приведет в порядок. Надеюсь, Пете хватит ума не рассказывать Семену Юрьевичу об этом. Его слабое сердце такого не выдержит. Руслану такое событие в резюме не нужно больше, чем мне, я мог быть спокойным.

К счастью, дома не было жены. Я спокойно лег в ванну и уснул, не боясь, что не проснусь. Что со мной происходило, никак не укладывалось в голову. Столько всего, столько всего непонятно. Мне хотелось размышлять, думать, но не получалось. Много не поддавалось ответу, а если он и был – то сомнительный. Я плавал в нем, в черноте. Я плавал в злости. Мне подсказывало последнее доброе начало – во мне завелся дьявол. Он был во мне всегда, как гость, раз от разу, но сейчас он переселился, и в его новом доме проводится капитальный ремонт. Когда мне полегчало и кровь остановилась, я вылез из наполненной чернотой ванны и купил себе билеты в Екатеринбург. Жена весь оставшийся вечер жаловалась, что я поселился в ванной.

14.

У меня не было плана. Как я узнаю этого Пенделя? Что я ему скажу? Плевать, я был уверен, что мне нужно увидеться с ним. Такси быстро довезло меня до центра. Не забирая сдачи, я побежал в сторону главного входа. Психбольница. Это было самое депрессивное здание на свете. Песочная коробка в процессе разрушения, она кричала от боли., Окна блестели солнцем. Вокруг курили люди, огромные кучи дыма закрывали остальные уродства. Я, спрятав голову в капюшон, прошел ко входу. Телефон не переставал вибрировать, звонили и писали все. Я набрал Пенделю. Гудки. Молодой, но тяжелый голос ответил:

– Але.

– Привет, мы с тобой переписывались вчера и...

– Заходи внутрь, скажи, что ты к Пашину. Я буду во внутреннем дворике ждать.

Неудивительно, что люди сходят с ума. Увидев рожи сотрудников больницы, мне стало не по себе. Они вызывали ничего, кроме ненависти. Сострадания в их глазах никогда не было. Они громко засмеялись, когда я спросил про внутренний дворик. Им оказалась закрытая на ремонт дорога за территорией психбольницы. Стоны и крики, никакой тишины, меня ошеломили внутренние ужасы. Люди лежали при-

вязанные к кроватям, ходили стройными бритыми рядами. Санитары заламывали буйным руки и били их о стены. Чтобы не оказаться среди них, я выбежал на улицу. Увидев меня, кто-то закричал:

– Эй, ты! – это был высокий стройный блондин в телогрейке, сидевший на кусках покрытого грязью асфальта. – Ты ко мне.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Правильный вопрос задаешь. Спросил бы здесь любого мою фамилию и сказали бы «да, да, это я» в надежде, что сейчас их заберут на свободу, хэх.

– Ты не выглядишь как псих, – отметил я.

– А ты не выглядишь как потенциальная убийца. Считай это комплиментом.

– Слушай, я не хочу здесь находиться. Давай сразу к делу – откуда ты знаешь Сашу?

– Это кошмарное место, и клянусь, нашел бы я Сашу, я бы именно здесь ему сердце вырезал.

– Ближе к делу.

– А что ты сделаешь – убьешь меня?

– Ты точно человек, которому не место здесь? Тебя по другую сторону никто не ждет?

– За живое задел... Как тебя зовут-то?

– Это неважно. Ты можешь мне уже все рассказать?

– Хорошо, хорошо. Успокойся. Я пытаюсь как-то себя порадовать, абсурдно все. Пока на свободе.

– А ты свободный? – усомнился я.

– А разве не видно? Ладно, на самом деле есть нюансы.

– Давай к делу, пожалуйста.

– В общем. Я – контрактник. В армии не сладко. И случилось так, что мне, а значит всем, подбросили наркотики. Девушка кое-как собрала денег, но этого не хватило. Нас перевели сюда недалеко, я ходил в увалы, пустой, думал, как денег заработать. Снег убирал, на сходки ходил и тому подобное. Копейки, все забирали офицеры. В таком кошмарном состоянии первому встречному отдашься, если тот пообещает помочь. Так и вышло – я встретился с Сашей.

– Знакомая история. И про армию, и про Сашу. Как он выглядел? Маленький, лысый и с добрыми глазами...

– Но черной душой, да, – закончил предложение Пашин. – Мы с ним обсудили все произошедшее, и он предложил мне решение. Завел меня в свой подвал, положил на стол, и ты, видимо, знаешь сам что произошло дальше. Я выпал на неделю, лежал в больнице. Что еще кошмарно – позвонила девушка и сказала, что между нами все кончено. Представь, как это все в совокупности ударило по мне. Представляешь? Я был разбит, меня уничтожили. Черт, она меня предала. Я сюда-то попал только из желания ей помочь, сделать ей жизнь, достать хоть какие-то деньги. Наступил ад. Я умирал в больнице, мне уже гроб заказывали, мужик, я не шучу. Но потом все стало легче. Спокойствие. Плевать на нее, плевать на все. Я перестал быть, я начал жить. Оставался только долг

перед офицерами. Один из них, ночью, подошел ко мне и потребовал сумму еще больше. И во мне не то что нехватка справедливости заиграла. Мне захотелось его убить. Все что держало раньше исчезло. Это тварь должна была заплатить. Я достал бритву и начал резать этого пидораса. Такой марафет ему навел, он лежал и кровью истекал. Пришли сослуживцы, офицеры. Все сообща избили меня. После я желал каждому из них смерти. Признаюсь – мне всегда этого хотелось. Коллектив, семья... Хуйня все это. Каждый из них заслуживает долгой и мучительной смерти. Я обрел возможность отомстить. И чтобы как-то сделать это, мне надо было вырваться из заключения. Пришел врач, опросил меня, и я не планировал намеренно врать, когда, знаешь, прикладываешь усилия, палишься. Говорил как есть: я хочу убить вас, я вас всех ненавижу, вы все должны умереть. Мораль – это лишнее, каждый человек волен делать то, что должен, ничего держать не может, это мы сами себя держим, придумываем все это.

– У меня было не так. Я просто начал делать то, о чем всегда думал, но не решался.

– Ты всегда хотел убивать.

– Нет, нет! – запротестовал я. – Это не так. Просто желание самореализоваться, стать самим собой.

– А до этого собой ты не был?

– А ты?

– Я всегда был собой, просто я признался себе в том, что

я чудовище. Саша открыл мне это.

– Мне кажется, услышав тебя, все совсем не так. Ты был движим, может, и эгоистичной мыслью. Но не злой, но не чудовищной. Доброй. Помочь близкому человеку, не факт, что с его воли, но все же. Когда я сначала чувствовал облегчение – прямо как и ты, да – я думал, Саша лишил меня злости и желчи, мир стал моментально красив и хорош. Но потом, во мне стало что-то нарастать. Что-то мне подобное в чем-то, но не совсем. Зла стала много. И, если раньше казалось, что он убрал из меня зло, сейчас мне кажется, что он, наоборот, в меня поселил его.

– Это зло – ты сам.

– Наверное. Но его стало слишком много. Я не вижу в нем себя. Я бы подрался с коллегой, но не стал бы бить его ножом, пока Сашу не встретил. Еще и кровь...

– У тебя она тоже черная? – возбудился Пашин.

– Да. Да, черная кровь. Говорил же уже, нет?

– Значит, с нами случилось одно и тоже! Не показуха, он действительно с нами сотворил что-то. Ты не поверишь, насколько я рад тебя видеть. Что не один я изуродованный.

– Ты чуть ли это даром не называл несколько предложений назад, ты чего?

– И сейчас готов сказать – это дар.

– Ты считаешь это жизнью? – спросил я.

– Почему нет?

– Потому что все переменялось. Жить – это не думать о

слабостях, о силе. О желаниях. А сейчас это выживание. Ты и я – мы говорим, что стали сами собой, но за счет чего? За счет насилия и злобы? Находя во всех вокруг врагов? Это жизнь? Кто сильнее, тот и прав, возможно. Действительно ли вопрос жизни в том, что кто-то прав? Что кто-то один сильный, а другой слабый? Мы сами своими действиями вовлекаем их в эту игру, устраиваем ад на земле.

– Мы приводим это к нужному порядку.

– Кому? Саше?! – я схватил Пашина за шиворот, и он засмеялся.

– Именно так. Он нужен нам, мужик.

Закурили. Разговор ни к чему хорошему не привел.

– Я все еще боюсь убить человека, – сказал я. – И сейчас я счастлив из-за этого. Рано или поздно это произойдет, ведь так? Когда ты ходил к Саше.

– Не помню. Вторая неделя января?

– Я был через неделю после. Значит ты уже, почти...

– Да. Я новое создание.

– Ты звонил Саше?

– Нет, он трубку не берет. Но я пытался его найти. Бродил по улицам, искал его, в каждом проходимце видел его лицо. Так ненароком школьника избил.

– Адрес не помнишь? Ты знаешь где был?

– Помню только подвал, – Пашин потушил сигарету и поднялся. – Ух, ноги болят. Ладно. Хорошо, что мы увиделись напоследок. Сейчас соберу вещи и поеду.

– Куда? – удивился я.

– К ним, – Пашин показал пальцем на мужчин в черной форме; они держали пальцы на курках. – Сотрудники ФСИН меня вместе с военными к себе везут, в мой новый дом на ближайшие пятнадцать лет. Знаешь, это, наверное, даже лучше. Тут полный ад. Людей колят тем, от чего мышцы сжимаются и все болит, таблетки превращают в дурачков, за бычки люди в туалетах дерутся. Порядок – чисто тюремный, так тебя еще и пытаются. Хотя в тюрьме, наверное, так же будет. Разница вроде бы есть, а вроде бы нет. Там от холода торчишь, тут от препаратов.

– То есть ты...

– Добил я того офицера. И всех его приближенных. Товарищи-то, знаешь, как радовались? Так что обругали меня и плевали в лицо. Рады были, как бы ни скрывали. Свинья должна была сдохнуть.

– Жестоко. Это все, чего ты хотел? Ты рад тому, что вышло?

– Все что я хочу – это просыпаться в девять утра, нажираться, драть и слушать The Strokes. Увы, этому не быть.

– Всегда есть выбор.

– Да это так. Но чаще всего он хуевый, и лучше бы его не было.

– Глупо это.

– Ты через неделю-другую иначе на это посмотришь, самое весело у тебя впереди. Знаешь, я подумал, что Лизе об

этом говорить не буду. Совсем с ума сойдет, поехавшая.

– Кому?

– Лизе. Моей девушке. Ну, уже бывшей. А жениться должны были. Рад был знакомству. Хоть сейчас-то имя скажешь, а?

– Игорь, – я неловко протянул ему руку.

– Не, не так, – сказал Пашин, и мы взялись интуитивно за предплечья. – Вот, другое дело. Меня Женя зовут.

15.

Я спустился в подвал и, спасибо хорошей памяти, вспомнил необходимый путь. Бежал и спотыкался, вслед мне неприлично кричали. Конец коридора, дверь с кротом. Я бил по двери кулаками и ногами, железо гремело на весь коридор. Никакой реакции. Попробовал еще раз – ничего, потом еще. Ноль реакции. На руках не осталось живого места. Кожа в мясо, черные синяки. Я подходил к каждому встречному и расспрашивал про Сашу. Никто ничего не знал, никто ничего не видел. Шансы сходились к нулю. Большинство и так тут на нелегалке, так они и сдадут кого-нибудь, ага. Мне повезло наткнуться на знакомую уборщицу.

– Здравствуйте! – кричал я. – Слава Богу я вас встретил, спасибо огромное. Помните меня? Я к вам несколько месяцев назад подходил, спрашивал про Сашу. Скажите, пожалуйста, где он. Телефон не берет, не отвечает.

– Вы ошиблись, – раздраженно ответила она. – Никогда здесь Саши никакого не было, я не понимаю, о чем вы.

Я оттолкнул ногой ее ведро с тряпками и схватил за шею. Она выпучила глаза и застонала.

– Где Саша?! Говори! Маленький, лысый. Дьявол. Крот на ручке. Курит много. Саша! Саша!

– У...

– Давай!

– Умер.

Отпустил ее. Она заплакала. Я посмотрел в потолок, желая увидеть там ответ, что делать дальше.

– Когда?

– Позавчера.

– Надо же? – оторопел я. – Поминки когда?

– Не знаю, – ответила она и заплакала.

– Не, потом будете плакать, – решительно сказал я. – Мне нужно, чтобы вы сейчас же узнали это. А то иначе...

Уборщица уже листала в телефоне номера. Гудки. Короткий разговор.

– Они сейчас у него дома, скоро будут выезжать. Поминки после.

– Где живут?

– Зачем вам это? Я ничего не скажу, если вы собираетесь семье больно сделать.

– Мне нужен именно он. Увидеть его. Помогите, разве я много прошу? Мне просто необходимо его увидеть.

Она продиктовала мне адрес. Во мне пылала злоба. Во мне вновь появилась обида. Как он смел во мне поселить всю эту желчь, использовать меня для своего плана? Был ли он? Женя, блин, Женя... Как же так. Как тесен мир. Неужели я буду тем, кто сообщит ей о том, что ее парень оказался в Екатеринбурге, так еще и в психбольнице, так еще и перед тем, как отправиться в колонию. Все сложилось, и нас при-

давило. Может, за этим она и звонила мне – сообщить о том, что они больше не вместе? Потом буду выяснять, – думал я. Самое главное, цель номер один, цель абсолют – увидеть Сашу.

Машина остановилась около общаги. Что оставалось делать? Я ходил вдоль коридоров и высматривал самую грустную компанию. Одет я был не к месту, несколько детишек пробежали мимо и пытались забраться в мои карманы. Взрослые улыбались, а потом кричали им, что они так ничему и не научились. Коридор закрыл сигаретный дым. Стены разрушались на глазах. Я стал как герой фильма «Дурак», бегать по этажам с ужасом на лице. Одно отличие только – я был бы не против, чтобы здесь кто-нибудь умер под горой советского кирпича. Взрослым побольше, детям поменьше. На восьмом этаже около одной из квартир стояли люди. Они скрывали свои лица. Протер лоб, зашел внутрь. На кухне стоял накрытый стол, вокруг него скорбили. Никто в горе меня видеть не хотел, оно и к лучшему. Молодая девушка стояла отдельно от всех. Я подошел к ней и спросил, где Саша. Не поднимая головы, она указала пальцем на приоткрытую дверь в конце квартиры и ушла.

Внутри было темно, прикрыты шторы. Вокруг гроба стояли несколько человек. Они рассматривали покойника, будто видели его впервой. На лице Саши заоченело смирение. Спокойствие навсегда. Его тело больше ничего не волновало, а душу разбирали на части специалисты. Смущало лицо.

Улыбка, застывшая на нем. Он злорадствовал, он смеялся. В последние минуты своей жизни, встретившись с неизбежным, он все равно над этим насмеялся. Мне казалось надо мной. И над Женей, парнем Лизы. Сколько еще человек попали ему в лапы? Сколько он еще оставил навсегда калеками? Будущее грозило быть ужасным если землю топчут такие же как мы. Я схватился за голову Саши и сказал:

– Тварь ты, Саня, тварь. Что ты со мной сделал?! Что ты со мной сделал?

Стоящие рядом с недоумением посмотрели на меня. Я оглянулся, одарил безумной улыбкой. Те подошли ближе. Остаться было нечего. Вцепившись в гроб, я заплакал. По дороге к выходу я свалил вазу, стоящую на хлипком столе. Никому не было до этого дела. Когда я проходил мимо кухни, послышался знакомый голос:

– О-о, Игорь. И ты тут? Как узнал?

Все закончилось дракой, сломанным столом, синяками на моем лице. Хрусталь в пыль, закуски на пол, визг и охи. Болью в ребрах и спине. Меня бросили с лестницы, накричали. Женщины краснели от стыда. Я был неплох, но я был слаб. Хотелось одного, чтобы Саша вернулся и заплатил за содеянное. Никто вокруг моего горя разделить не смог и, спотыкаясь о пальто, я побежал по лестнице вниз. Проклятия сыпались со всех сторон. Они перестали бежать за мной спустя кварталов пять или шесть. Ударившись лицом в снег, я закурил. На лице тепло, а в голове так грустно.

16.

Дома дела стали еще хуже. Пока меня не было, звонил заместитель и рассказал жене, что я не пришел на работу. И не только. Проблема была не в этом. Когда я зашел в квартиру, жена рыдала под одеялом. Я спросил ее, что произошло, но она отказывалась говорить. Тогда я схватил ее за волосы и потребовал рассказать все как есть.

– Что ты с кошкой сделал? – спросила она. – Тем самым, которого мы нашли.

– Вернул в фотостудию, как и договаривались.

– Ты врешь! Я была у них вчера. Они сказали, что ты не пришел. И кота там не было.

– Не понимаю, к чему ты клонишь, – отвернулся я.

– Что ты сделал с кошкой?

– Я не могу тебе сказать.

– О боже! – она подняла руки и ушла в спальню.

– Жена, ты чего? Все же в порядке.

– Хватит врать мне. Я прекрасно знаю, что произошло. Не ври мне только, пожалуйста. Не ври. Зачем только, скажи, зачем?

– Ну, жена, мне стало интересно и...

– Сколько раз тебе говорить – перестань называть меня женой. Штампа нет, а после такого – какая я тебя нахрен же-

на? Ты мудак. Серьезно. Сумасшедший мудак. У меня имя есть, ты помнишь? Вера! Повторяй за мной. Вера! Вера.

– Как ты узнала об этом? – холодно спросил я.

– Ты сам только что сказал.

– Мне стало просто интересно.

– Я видела, как тебе стало интересно. Пол-интернета видело, насколько тебе стало интересно. Ты психопат, понимаешь это? Ты объясни мне: тебе стало настолько интересно, как устроена кошка, или у тебя настолько не было свободного времени посмотреть это в интернете, что ты взял кухонный нож, зарезал ее и бросил в реку?

– Откуда тебе все это известно?

– Это неважно! – она схватила сумку и куртку из шкафа. – Я уезжаю. Вещи уже собраны.

Действительно. Вокруг не было ее косметики, наших фотографий. Места стало значительно больше.

– Куда ты? – спросил я, – Жена, стой, я все объясню.

– Меня зовут Вера. Не пиши мне больше. Что с тобой стало? На коллегу с ножом нападать – это ты, конечно, молодец, выше всякой похвалы. И на будущее, чтобы ты знал. Если ты используешь одну учетную запись на несколько компьютеров, то надо чистить историю на всех, а не на одном. Поверь, я научена горькими опытом.

– Стой! – крикнул я; она остановилась. – Ты думаешь, что я какой-нибудь псих? Мне нужна помощь, да. Наверное, этого делать не стоило, но...

– Наверное?! Этого точно делать не стоило. Я не собираюсь оставаться здесь и ждать того, что тебе станет интересно, что же у человека находится внутри. Надеюсь, мы с тобой больше не увидимся. Подойдешь ко мне – полицию вызову, выложу все начистоту.

Дверь захлопнулась. Как я мог так облажаться, так легко спалиться? Еще и Петя этот, придурок, сдал меня с потрохами. Но чего было еще ждать? Ревнивая она всегда была, а я тут второй раз, никому ничего не сказав, уехал. Посмотрела, наверное, на ноубуке все, а я в суматохе почистить даже не подумал. И, ох, насколько можно быть дураком, чтобы доказательства в облако выкладывать? Облаком, которым мы сообща пользовались, совместно оплачивали подписку. Сквозняк заставлял дрожать. Я закрыл окна и включил телефон. Десяток пропущенных звонков, сотня сообщений. Ничего интересного. Разве что сообщение Лизы. Я набрал ее номер и предложил встретиться у себя. Удивительно, но она согласилась.

Приняв душ, я стал рассматривать свое тело. Одежда висела на мне. Сброшен вес, глаза темнее, волосы незаметно выпали. Смотрелось позорно, несолидно. Я достал бритву и провел несколько раз по голову. Потом еще. Потом и волос не осталось. Бугорок на шее давно пропал, но на его место пришло другое. На груди, над сердцем, сквозь кожу, приглядывался рельеф. Щекотно водить по нему руками. Справка от соска обнаружилась треугольная шишка, выпирающая из

тела как маленький нос. Мне, конечно, было не впервой себя трогать, но сложилось ощущение, что я не один; что кто-то не открывает от меня глаз.

Тогда до меня все и дошло. Вериться в это с трудом. Я подобрал с пола бритву, смысл остатки щетины и прошелся по груди. Больно адски. Я надеялся, что ошибаюсь, но, к несчастью, оказался прав. Я царапал грудь ногтями, бился кулаками о плитку. Оказалось явью. На груди выросло лицо Саши. Глаза закрыты, рот приоткрыт. Он ждал своего часа. Вот как оно оказалось. Сначала я считал, что он вытащил из меня всю злобу и все лишнее, мир стал прекрасным и блаженным; потом оказалось, что, наоборот, он заполнил пустоту внутри меня озлобленностью, желанием и желчью. Было ли это во мне раньше? Я ни в чем не был уверен. Может, да, может, нет. Зависит от того, как посмотреть на это. Мразь. Он переселил меня в себя. Выпадение волос, горб, страсть к курению, потемневшие глаза... Все встало в ряд, понятно. Демон появился во мне, или я стал демоном. Мыло не стирало его ухмылки, бритва не срезала кожу. Я выхватил нож, но рука не опускалась. Затвердела, встала, он защищал себя. Я защищал себя.

Звонок в дверь. Как быстро она добралась! Надел футболку, вытер голову, побежал к двери. Лиза сильно изменилась. На коже следы солнца, короткие потемневшие волосы. Из сумки торчала бутылка вина. Она зашла внутрь и позвала жену.

– Игорь, а где Вера? – спросила Лиза.

– Она ушла. И не вернется. Несчастье на несчастье, боже.

– Почему?

– Как бы тебе сказать. Может, выпьем сначала? Так проще будет говорить.

Выпили. Больше нужно. Пустые разговоры между бокалами пьянили. У нас дома никогда не было алкогольного сервиза. Что водку, что пиво, пили из фирменных кружек Старбакс.

– Лиз, я встретил Женю. Твоего Женю. Ну, теперь не твоего, но... В общем, он попал в тюрьму.

– Я знаю, – спокойно ответила она, – за попытку побега.

– В смысле?

– Мне позвонил его сослуживец и рассказал, как вышло так. Мне первой, видимо, потому что Женя попросил. Так вот, Женю должны были судить за проступок дисциплинарный. Вели его с конвоем, а он на одного из них набросился. Откусил ухо! Представь! И побежал в лес. Они за ним, он скрываться, по следам выискивали. В итоге нашли и избивали до потери сознания. Думали, что деваться-то больше ему некуда. Положили в больницу, поставили охрану, стали ждать суда. А он, представляешь, ночью из палаты у всех силой отобрал постельное белье, сделал веревку и спустился в окно. Его задержали полицейские около выезда из города. Попутку пытался поймать в пеленках. Привлек полицейских, те посмотрели на него, поняли, что нечисто что-то,

свернули его, и вот так. Сейчас в СИЗО.

Во мне перемешались правда и ложь. Одно не исключало другого. Я могу поверить, что он решил бежать, но ради чего? Неужели его мечта сидеть дома и пить пиво под свою любимую группу оказалась сильнее того зародыша, заложенного Сашей? Того самого желания убивать. Или он просто выдумал историю, надавил на жалость товарища и попросил Лизе рассказать в красках, как он, романтик и красавец, полный любви, решил бежать ради своей единственной возлюбленной, но система победила и разбила его. Или ничего этого не было, и Женя оказался обыкновенным психом, которого без суда и следствия пристрелили где-нибудь подальше от военной части. Сейчас срочники, небось, ему яму копают, – думал я.

– Ты знаешь, – продолжила Лиза, – это очень прикольно. Я даже подумать не могла бы, что он ради меня снова решил уйти оттуда, но ладно бы контракт разорвать, платить деньги. Нарушить закон! Никогда не думала, что смогу понять женщин, которые ждут своих парней с зоны.

– Лиза, он соврал тебе, – сказал я.

– В смысле? – не поняла она.

– Никуда он не бежал. Женя устроил драку с офицерским составом за то, что те подкинули ему наркотики.

– Это историю я знаю, – добавила она.

– Не сомневаюсь, но она имеет продолжение. Денег им было мало, и Женя не выдержал. И убил каждого из них. Без

жалости. За это его и судили. Чтобы не привлекать внимания – сказали, что бежал. Это же распространенное явление. Человек не выдерживает службы, бежит, плачет, тряпка, армия России, ура.

– Мне не верится в это.

– Я ездил к нему. Буквально сегодня вернулся.

– Как ты узнал, что он там?

– Там долгая история.

– Иначе я тебе не поверю, – отрезала Лиза; бокалы залились вином.

Закурили прямо в гостиной. Я сел поудобнее. Она забросила ноги на диван. Чтобы не сбиться с мысли, я смотрел в пол и пытался представить, что ее вовсе не было. Будто говорю с самим собой.

– Все началось со слабости. Все началось с того, что я устал. Я поехал в Екатеринбург, пытался отдохнуть. Сходил к психотерапевту и человек буквально открыл мне совсем иной взгляд на вещи. Он буквально в меня частичку себя переселил. Потом я заболел и на нервной почве решил, что я умираю. Боль, что росла во мне на протяжении всей жизни – она выбралась наружу с одним лишь желанием меня убить. Но раз я выжил, значит, неспроста. И я начал делать, что хочу. Я начал жить по-новому. Написал о своем опыте в интернете, там ответил один парень, и вот, мы пересеклись.

– Ты ради незнакомца поехал в Екатеринбург?

– Нет. Я ездил туда на похороны. Того самого психотера-

певта. Саша его зовут.

– Знакомое имя, – задумалась Лиза.

– Очень редкое в России, да? – язвил я.

– Нет, мне просто кажется, что Женя что-то говорил о нем...

– Слушай-слушай, – я взял Лизу за руки и неловко покраснел, – ты удивительно хорошо выглядишь для человека, у которой потенциальный муж угодил на много лет в тюрьму. Поделишься секретом? Мне уход Веры еще переживать придется.

– Ну что ж, смотри. Я не стала говорить Жене, что уезжаю в Европу. Поехала в тур, по два дня в стране максимум задерживалась. И, на въезде в Италию, до меня дошло, насколько я была глупой. Сколько времени я отдала ему ради ничего. Ради того, чтобы он на мне себя делал. Ты помнишь, да? И, не знаю, думаю, это из-за травы, но откуда-то храбрость нечеловеческая во мне появилась. Я позвонила, сказала ему, что все кончено и... Все, все действительно закончилось.

– Тебя долго не было. Ты все это время была в Италии.

– Да, у меня там родственники по линии бабушки живут. Приютили, накормили, я там и жила пока не познакомилась с ним, – она протянула мне телефон; на фотографии, около лодки стояла Лиза с высоким смуглым итальянцем. – Это Лоренцо. Во время поездки я снимала у него квартиру. Ну как квартиру, хэх, это была каюта в его личной лодке. Мы

хорошо общались, он беспокоился обо мне, учил меня языку. Любил даже. И решила остаться с ним. Сначала все было круто, но потом он начал проявлять себя с плохой стороны. Очень плохой. Как-то раз мимо нас прошла пара, и я посмотрела на сумку девушки. Лоренцо схватил меня и начал кричать: «Куда ты смотришь? На других парней? Ты шлюха, как ты можешь?». Окей, подумала я, наверное, это у них что-то культурное и так не принято. Это повторялось, много раз. Он не отпускал меня никуда одну, он запретил мне зарабатывать деньги. В итоге я сидела на его лодке. Был еще вот такой случай, первый, когда я решила сбежать от него. Я сидела на палубе, курила, мимо проходил сосед и махал мне рукой. Я помахала ему в ответ. Лоренцо это увидел. И что ты думаешь? Он ударил меня по лицу, обещал на цепь привязать, полицию вызвать. Я умоляла тех, кто видит это, позвонить полицейским, но те даже не шелохнулись. Смотрели и ждали что будет дальше. Ночью он изнасиловал меня. Я говорила «не надо», он не слушал меня и бил, так сильно бил, месяц синяки не проходили.

– Ужас.

– Я полная дура, Игорь. Seriously. Ты думаешь сейчас именно так, ибо я простила его. Это была ошибка. После мы с ним ездили в Германию к его бывшей жене и сыну. Он не оставлял нас с ней наедине, они говорили на итальянском и показывали на меня пальцем. Ничего не понимала. Единственный момент, когда я смогла хоть что-то спросить у нее,

когда Лоренцо ушел в туалет. Я спросила: «Он вообще нормальный?». Она спокойно ответила «нет» и показала шрамы у себя на ребрах. Красивые, между прочим, были шрамы. У парня действительно проблемы, вот, смотри, – она снова протянула мне телефон, – он мне с пяти номеров до сих пор пишет, что я с ним, мол, играла, предала его, обманула, что я шлюха и мразь. Он познакомил меня с семьей своей, кстати, и я боялась с ними говорить. Вопрос-то у меня был один: «Как вы вырастили такое чудовище?». После опять была череда скандалов, ругань. Я снова шлюха, он снова насильовал меня, избивал. Я целыми днями плакала, резала себе руки, только чтобы Лоренцо не подходил ко мне.

– А как ты сбежала?

– Я украла денег у него. Купила билет онлайн, собрала вещи. Тогда он пришел домой, увидел это. Сначала начал извиняться за свое поведение, но потом, видимо, когда до него дошло, что я взяла его деньги, он так рассвирепел. Как в мультфильмах. Один в один. Душил меня, ставил на колени, срывал с меня одежду. Не знаю как, но руки дотянулись до чего-то тяжелого, пепельницы, и я ударила его в ответ впервые, села на него и била, била долго. Мне нравилось его бить. Меня злило, что он не ощутил даже половины тех страданий, что я перенесла. Самые большие от моей же глупости, ха-ха, да... Остановилась вовремя, а то убила бы еще не дай бог.

– Надо было его убить.

– Зачем?

– Он должен был умереть. Я понимаю, что убийство – не выход, но некоторым людям нельзя давать жить.

– Кто ты такой, чтобы решать подобное?

– Я тот, кто способен это сделать.

– С чего ты это взял? – засмеялась Лиза. – Ты такой сильный и крутой внезапно стал?

– Типа того.

– Убийство – не выход, я рада, что не сделала этого. Сначала, если не соврать, я жалела, что, ну, не убила его, но вдруг поймали бы, или еще что? Его жизнь того не стоит, ха-ха. Сейчас вот хожу к психиатру. Говорит, у меня травма, а я, блять, не знаю? Надеюсь, поможет.

– Я бы на твоём месте сделал бы иначе.

– Но ты не был на моём месте, и, скорее всего, тебе на нём и не быть, – сказала Лиза, намекая, что самое время закрыть тему. – Будешь пить?

Не успел я сказать да, как она обняла меня. И долго мы так сидели в объятиях. На её лице страх и немного счастья. На моём грусть и злоба. Паршивый Лоренцо не выходил у меня из головы. Потому что я увидел в нём себя. Я представил ситуацию, что если бы вдруг жена или Лиза попробовали бы меня убить. Вряд ли бы у них получилось, я бы не поддался. Но это же надо человека довести до такого. Доводили ли меня до такого? На самом деле нет. Действительно. На самом деле нет. Вот, кошка. Кошка мне ничего не сделала, я просто захотел её убить. Женщина в метро с ребёнком вообще не

существовала для меня, по сути. Те люди на поминках. Это желание убивать неестественно, оно не мое. Это может быть интересно, но оно не нужно, и без него жизнь полна приключений. Как же я так заикнулся на этом? Саша, сука.

И мы неловко поцеловались. Сначала аккуратно, нежно. Потом грубо. Потом я силой держал рядом с собой. Она обвила вокруг меня ноги, кусала за кубы и смеялась. Алкоголь здорово ударил Лизу по голове. стакан спустя – и не было никакого изнасилования, не было травм на сексуальной почве. Ей снова хотелось, чтобы мужчина душил ее, царапал и кусал. Меня это никогда не перестанет поражать в женщинах. Как быстро в людях гормоны берут верх. Забавно. Если нужно пострадать, человек из себя целую трагедию устроит, на год в депрессию упадет, но как только возникнет необходимость сменить образ, он сразу же это сделает. Все что угодно, лишь бы удовлетворить себя и других. Людей-то нет, есть образы. Образы меняются. Потому и мир вместе с ними. Лиза захотела жалости – она выставила себя жертвой, получила жалость – захотелось еще. Всего в мире мало, сколько бы не давали, всего в мире в мало; сколько бы не брали, всего в мире мало. Но мне кажется, что свой образ я одолел. Одно смешно – это же невозможно. Ведь образ-то я могу не строить и показываться в своей омерзительной наготе, так они-то не могут перестать обклеивать других наклейками, штампами, догадками.

– Ты злой, – прошептала Лиза.

– Почему? – еще тише спросил я.

– Потому что.

Действительно, я злой. Я начал снимать с нее джинсы. Медленно, незаметно. Она почувствовала это и начала сопротивляться. Я сильнее схватился за нее. Ей было неприятно. Хорошо.

– Давай без этого, – прошептала она.

– Нет, – холодно сказал я и расстегнул ее блузку; руками я касался ее груди, залез под лифчик, пальцами щипал соски. Как нежный ветер уши ласкал стон. Мне нужно было еще. Я требовал это. Силой я снял с ее штаны, поцелуями спускался к лобку. Она взяла меня за голову:

– Не надо.

Я закрыл ей ладонью рот. Другую руку я засунул ей в трусы. Кому понравится, когда вас против вашей воли совращают? Она пыталась вырваться из моих рук, но я был сильнее. На любое сопротивление или движение, которое не устраивало меня, я причинял ей боль. Ей хотелось нежности, чтобы ее ласкали и без остановки целовали. А мне... Хотелось сделать ей больней. Пожалеть о том, что она согласилась прийти.

– Игорь! – кричала она. – Все, хватит, я уйду.

Я ударил ее по лицу и снял джинсы. Она слезла с дивана и попыталась уйти, но я оказался быстрее. Мертвой хваткой схватился в нее, как паук и жертва. Бежать было некуда. Когда Лиза кричала, я бил ее, когда пыталась плакать, я закры-

вал ей лицо. Беспомощная женщина, от одного насильника пришла к другому. Что же ее так тянуло на психопатов. Мы повалились на пол. Она расцарапала мне лицо, я чуть не выбил ей глаз. Мы возненавидели друг друга. Буря эмоций сносила все на своем пути. Летели с полок вещи, они падали на нас. Еще минуту-другую, и она бы выдохнулась. Я обхватил руками ее тонкую шею и смотрел, как синева растекалась по ее лицу.

Что мы все обо мне да обо мне? Страдала-то она, мучилась она. Унижали ее. Я просто делал то, что всегда хотел попробовать. Но никакой радости в этом не было. Смысл-то улавливался, все было логично, а чувств никаких. А зачем это было делать без чувств – понять невозможно, только путем проб и ошибок. Этот путь не принадлежал мне. Путь, забитый стеклом, алкоголем, спермой и плачем. Горем и печалью. По нему мог шагать Лоренцо, по нему могла пойти Лиза, но мне там было не место. Саше там бы понравилось. Саше... Саша! Вот он, корень всех проблем. Я поднялся с пола и взял с полки ключ. Лиза забилась в угол и плакала. Я опустился на колени и сказал:

– Лиза, смотри. Эй, слушай. Сейчас я сделал ошибку, но, клянусь, я придумаю, как разобраться с этим. Это не я, это демон во мне, точно. Мне нужно, чтобы ты сейчас заперла меня на вот этот ключ в ванной. Я сломаю замок с другой стороны. Можешь остаться здесь, если хочешь, а можешь уйти. Поверь мне – с завтрашнего дня тебе будет не о чем бес-

покоиться.

План вышел сумбурный, но какой-никакой. Может, это был последний добрый поступок в моей маленькой короткой жизни. Я разобрал бритву и достал оттуда лезвие. Чтобы не поранить руку, один конец закрыл ваткой. Встав перед зеркалом, я снова увидел лицо Саши. Он улыбался. Его глаза медленно открывались. У него не должно было быть глаза. Его в принципе быть не должно. За ним пришли. Время его душу в ад отправило, но без боя он сдаваться не стал. В поисках вечной жизни он продолжил ее во мне. Я провел лезвием по груди черная кровь полилась вниз, собираясь на волосах. Еще порез, еще порез. Все больше и больше. Закружилась голова, и я уснул, в злобе, стыдобе и недоумении. Как могло все так ужасно сложиться?

17.

Утром я облился перекисью, наложил бинты и пластыри. Дышать было больно. Лицо Саши покрылось черной коркой. Мне было страшно, я боялся. Я не знал, что будет завтра, я завтра мог и не быть. Мог остаться только Саша и черная желчь. Мое будущее было под угрозой. Я смотрел на потолок. Нет, это не выход, он не позволит. Да и я не решусь на зло ему. Происходящее вогнало в ступор и тоску. Под ухом шептались черти, в ногах ползали жуки. Из спины выростали крылья. Так ощущалось, тело обманывало. Ничего хорошего ждать нельзя. На часах семь утра, мне пора на работу. Я оделся, взял часы и телефон. Дверь осталась открытой, Лизы нигде не было. Раз я не умер – значит, она поверила мне. Вот дура. Могло же кончиться гораздо хуже.

На улице пропало солнце. Я шел по улице и сгибался под тяжестью прошедшей ночи. На улицу вышел дьявол, смотреть на свои владения. Как много неправильных вещей я сотворил, но были ли они неправильными? Я отказался от старой жизни, но скучаю по ней, используя ее как ориентир. Похоже, единственный абсолют в человеческой жизни – это водка. Скука и желание определиться, рвение к постоянному и комфортному, столько всего пересекается в одной точке. Она не выдерживает и погибает. Бедная точка, бедная точка.

Я устал, мне было больно. Но в то же время я хотел продолжения. Эти противоположности тянули в разные стороны. Надо мной происходила казнь в прямом времени. Раздвоение личности никогда не было таким буквальным. Растворение. Умерщвление. Мне наступает пиздец. Я поднял руки и вышел на шоссе, крича во весь прокуренный голос: «ай эм э бэээээд гай». Машины тормозили, покрикивали, но я не видел их. Все вокруг горело, земля сохла, иссекала, еще минуту, и все пойдет на дно.

Охрана не признала меня. Отказались поначалу пускать, но, уловив забродивший запах из рта, одобрительно улыбнулись и извинились. Я поднялся в наш офис, оставил вещи в кабинете и посмотрел в окно. Как в последний раз российский пейзаж отличается красотой. Газель горит вдали, чурко-индейцы подают сигналы. Воротники под куртками мнутя, человекоресурс возвращается на работу, за ними студенты рвутся отсиживать пары. Замыкают все дети с белыми, несчастными лицами. Мы так похожи, дети, я тоже недоумеваю, что будет дальше. Вам везет, для вас все новое, а я... А мне все кажется таким скучным и употребленным. Молод, но уже прошусь в гроб. Боже, услышь мои слова, я умоляю. Дай мне жить сначала. Как сильно во мне желание прочувствовать снова новизну вещей, восхититься открытиями. Впервые поцеловаться, впервые обмануть, впервые загнаться. Первый раз самый важный раз, а потом... А потом ты истекаешь чернотой, все привычно, все серо, и на перед-

ний план выходит фон, а детали исчезают в нем. На высотках блестят окна. Не хватает только звонка, одного общего звонка. Все на работу! Всем забыться! Бип – в пробке от немоты загудел Солярис, и сотни Киа Рио ответили тем же. Тотальная тоска.

В любой момент начнется отек мозга. В любой момент кто-нибудь из близких умрет, и ни у кого не будет сил оплакивать его или ее. Кто-нибудь уволится, лучший друг повесится. Кто-то найдет счастье и захочет поделиться им, тогда его разведут и лишат его. Куличи раздавят старшие, отец и мать будут стыдиться. Начинания переходят сразу к концу. Мечты не переживут другие переменные, все крутится и вертится. Медиа захватывают голову, а бежать будет некуда. Будущее краснеет. Как врун, что от лжи отказаться не может, даже когда его тело в чистой воде плывет. Все болит, все страдают. И горевать тут незачем. Без этого и радоваться будет нечему и никак. Боли мало не бывает. Она присутствует всегда. Как много людей, кто хочет изменить свою жизнь в короткий срок – пускай одумаются, это выдержать невозможно. Мне так хотелось бы сказать, что все вокруг ужасно, но это не так. А может, и так. Может, я не верю ни во что, корень всех проблем, а поверю – легче станет и на веру ссылаться буду. Ведь если нет ничего, нет идеала, то многие вещи становятся странными и непонятными. О чем это я? А ну, да. Я чувствую себя живым. Я этого не хочу. Я буду ждать ночи, чтобы утопиться в ней. Я буду ждать сна чтобы

забыться. Я буду пить – это есть короткий путь. Я буду нести бредни вместо нормально сформированных предложений. В бреднях смысла-то побольше будет, в нем копать надо. Копаться... Копаться-закопаться. Хорошо, что есть друзья. Настоящие. Не те, кто всегда тебя поддержат, а в нужную минуту ударят, выведут из состояния и поставят перед зеркалом и скажут: «Что ты с собой сделал – смотри». Таких у меня не было и не осталось. И вряд ли будут. Автоматические друзья – это будущее. Плюс в телефонной книжке, плюс собутыльник, плюс времяпрепровождение. Качество падает при росте количества. Какой же бред я несу...

Как жить дальше, я не знал. Я чувствовал, как Саша лез из груди. Его смех становился громче в ушах, он сожрал мою душу. С тех самых пор, как мы познакомились, я не могу называть себя человеком. Я монстр в кожаном костюме. Со своими слабостями, со своими нюансами. Но монстр. Скоро меня не будет, останется только Саша. Или только я. Или Саша станет мной, или я стану Сашей. Мы Джекил и Мистер Хайд, только без заезженного раздвоения личности. Он это мои минусы, я его плюсы. Математика абсурдна, ведь ответ всегда неверный. Будь сильным, будь неверным. Голова надввалась от всего. Мир сузился до размера иглы, влетел мне в вену и сейчас протекает сквозь меня. Я разрастаюсь, я каменею. Я становлюсь орудием труда. Но как же я устал трудиться. Над собой и над другими. Пусть все это поскорей закончится. Кем мне быть – стать безграничным, рвущим-

ся за собственным желанием (захочу – убью, захочу – убежишь), или пытаться себя контролировать (раньше это было так – социально-психологическая пытка-плитка, а теперь-то, по сути, никто не держит). Наступила свобода, и я ее боюсь! Какая же свобода, если я каждый шаг обдумываю и анализирую? Свобода действия – да, мораль меня не остановит, как и другие люди, но ноша эта никогда не пройдет. Может, я и не свободен вовсе, а наоборот, обречен на еще большую тяжесть?

Так в ничего неделании прошло полдня. Нас собрали на внеплановую планерку. Десяток светлых лиц, один я поникший. Радость лишь одна. Я достал из сумки пакет и протянул его Кириллу:

– Кирилл, с днем рождения! – тихо сказал я; подарок мой был неоригинальным и, многие сказали бы, неприличным: гильзы, бумажки, табак.

– Братан, спасибо! Ох, ты знал, что я всегда хотел самокрутки?

В кабинет зашел Руслан и сказал:

– О, Игорь. В последний момент купил подарок другу?

– Нет, мы давно с Кириллом договорились на этот счет. Хотя вряд ли ты поймешь. Кто с тобой дружить-то будет?

– Ты опять начинаешь? – возмутился Руслан.

– Нет, я тебя заканчиваю.

Руслан не стерпел обиды, так еще и на людях. Он встал передо мной и предложил выйти. На нас с неодобрением смот-

рели, мол, ребята, тут не место для вашего напряженного общения. Когда он схватил меня за щеку, я вскочил и ударил его по лицу. Руслан упал. Видно – поддался, провоцировал меня, чтобы окончательно избавиться, чтобы я собрал вещи и исчез из его жизни.

– Ах, как больно! – плакал он. – Я же говорил, он ненормальный. Смотрите, что он сделал.

– Нет, нет, друзья, послушайте! – я поднял руки привлекая внимание глаз. – Я еще ничего не сделал, но сейчас сделаю. То, что многие из вас хотели, но не решались.

Как только Руслан решила встать, я ударил его по голове ногой. С размаху, как футболист при пенальти. Вылетел зуб, он застонал. Я опустил ниже, взял его голову и ударил ею об пол. Потом повторил. Смешно, как менялось его лицо от каждого удара.

– Руслан! Руслан! Смотри, всем на тебя насрать. Вы, коллеги, не волнуйтесь, я беру все на себя. Скажите, я вас запугал.

И это было так. Многие схватились в свои телефоны, остальные – в ручки стульев. Я бил его до тех пор, пока не пошла кровь, пока содержимое черепа не растеклось по полу. Отец всегда говорил: «Нет ничего, что нельзя решить ударом». Поломка была серьезная, одним ударом отделаться нельзя было. Так мы и сидели, проводили планерку. Я, Кирилл, расквашенная голова Руслана и мои дорогие коллеги. В комнату зашел заместитель. Он не нашел подходящих слов

и, никого не спрашивая, упал в обморок.

Полиция приехала через десять минут. Убедившись, что Руслан больше никогда в чужой жизни не засветится, я вытер руки о стены и вышел на улицу. Закурил. Сегодня у кого-то будет хороший день. Выкурил еще одну. Какое наслаждение. Как вторая в жизни, как на пьяную голову. Легкое головокружение и спокойствие. Теперь я вспомнил, за что хотел сказать спасибо Саше, но он и так знает. Похлопав по сердцу ладонью, я лег животом на землю, положил руки за голову и стал ждать. Жаль, это не кино. Появилась бы Лиза и увидела, как меня увозят, вспомнила бы о скрытой любви ко мне, о том, как обменяла ее на веру Жени, который оказался таким же человеком, как и я. Или мной. Все еще не знаю. Никогда и не узнаю. Коллеги стояли у выхода и ждали, что будет. Приехала машина. Люди в черном подбежали ко мне и надели наручники. Я не сопротивлялся. Сколько опыта! Кто может похвастаться убийством человека? Кто может похвастаться сроком? Саша говорил, это ненужный опыт, тот, которого надо остерегаться. Ты меня прости, но ты, да и я, никуда от него не денемся. Мое желание сильнее твоего. Дверь полицейской машины захлопнулась, как и окно в старую жизнь. Впереди меня ждет что-то новое, и я рвусь к этому, слизывая с губ кровь Руслана.

***

Привет! Кто бы знал, что жизнь изменится так. Я от себя такого не ждал, ты, наверное, тоже. Но это было правильное решение. Сколько человек спасено? Представь, если бы я остался на свободе. И он вместе со мной. Ему туда нельзя, Сашу необходимо было остановить. Ты можешь увидеть тело в новостях, ты можешь его навестить – обязательно с охраной! Я надеюсь, что они никогда меня не выпустят отсюда. Он хитер, он внутри меня, будет покорным и вежливым – все, чтобы его выпустили. Я верю, что в моих силах остановить это. Сотни часов в стену, сотни часов общения с ним. Вроде до меня дошел его язык, он отвечает, если я обращаюсь к нему. Знаешь, я все еще не понимаю, зачем он это сделал. Думаю об этом постоянно и следователям пытался рассказать, но они-то что поймут? Кроме того, что я виновен.

Ничего от меня не осталось. Жалости нет, доброты нет, злобы нет. Только мясо и Саша. Эй, подожди. Ты куда? Вернись! Я не хотел, я же остановился. За что ты держишь на меня обиду? Вот были Адам и Ева. Тусовались в раю. В раю! Жрали куски коры. В раю! А потом съели плод, и что стало? Начали стыдиться. Начали жалеть. В рай дороги нет. За знания людей изгнали из рая. И меня тоже. Мы похожи, нет? Чем-то. Нет, вернись! Да боже, за что ты так со мной? За что... Травля и злоба должны быть наказаны. Смешно, чем? Травлей и злобой. Зло – это нормально. Зло – это мы. Как и нервные срывы, психозы, смерть. Без этого нельзя представить ту реальность, в которой мы живем. Художники ста-

нут не нужны, работа станет не нужна. Твое существование пошло из злобы, и она навсегда будет в тебе. Единственная разница между тобой и мной в том, что я не стал это скрывать и прятать в себе. Ни в чем. Мы все одинаковые, мы все скотины. И не потому, что я скотина, а потому, что стадо. Стадо надо, стадо надо. Знаешь, руки так и чешутся тебя схватить, и, о боже мой, как сильно я тебя люблю. Как мне хочется схватиться за тебя и пырнуть. Прости, это не я, это Саша. Кто мог подумать, что он такой. Ведь он никак таким не казался. Чем угодно. И хоть знакомы мы были не больше часа, он остался со мной на всю жизнь. Это травма детская, это решение необдуманное.

Может, это хорошо? Что мы больше никогда не увидимся. Я смотрю на небо через решетку и понимаю, что здесь мне и место. Выбор и правда говно. Не все его заслуживают. И таких, как я, надо сажать в клетки, а то и убивать на месте. Но убей – родятся еще, запри – и мы вырвемся. Отрезать языки, отрезать руки, хранить на дне морском. Спрятать нас от мира, интровертов, прятать. Сколько таких людей, как Саша – вот самый важный вопрос. Ладно-то я и Женя – мы две жертвы его производства. Дефектные. Но каждый месяц происходит стрельба, каждый день умирает человек. Сколько из них пали от рук нам подобных? Задумайся над этим и сойдешь с ума. Зачем, почему, как, в чем суть, а смысл. Ха-ха, абсурд.

Нет добра без зла, нет зла без добра. Вы все поголовно

святые только до тех пор, пока есть злодеи вроде меня. О, я вижу это правильно. Разметаю погрешности перед глазами. Туман исчезает, иллюзии сметает дождь. Мое предназначение – стать той константой за стенами, пример абсолютного плохо. Или я не злой вовсе? Что есть зло? Я не лицемерю, не скрываю ненависти и к вам неприязни. Есть оно и есть, фальши во мне как в собственном отражении. Может, я в порядке? Хороший, хороший. Еще увидимся, ничего не поделаешь. И неважно, в каком состоянии я буду, самое главное, что Саша на моей груди будет улыбаться. Во мне сидит маленькое тельце, и я не выпущу его наружу. Я сумасшедшая мамаша, вооруженная до зубов. Превосходство превосходно.

МОЛОДАЯ РОССИЯ

Да, мы эту тему довольно часто поднимаем на протяжении всего нашего творчества. Но нельзя сказать, что она везде и первостепенна. Мы живем в обществе, и проходить мимо актуальных тем нельзя. Музыкант, как и любой человек искусства, либо расставляет акценты, либо создает реальность. Вот мы живем, потом пишем песню, и все, для тех, кто впоследствии будет слушать ее, появится абсолютно новая тема. Даже если они знакомы с ней – они увидят наш взгляд на это. Пока мы о нем не сообщим – его в принципе для мира нет. Может быть и такое, что, вот, появилась песня, но на нее не обратили внимание. Как тогда – отдельный и долгий разговор.

У меня есть бабушка, и она какой год живет с инвалидностью. Недавно у нее обнаружили рак. Государство нам не помогает, приходится справляться самим. Каждое утро я просыпаюсь и слышу тишину. Два варианта: либо она умерла, либо она еще не проснулась. Проснется – начнет стонать от боли, не проснется – думать не хочу. Бабушка многие вещи стала забывать, но одно всегда повторяет: «Я обуза, дайте мне умереть». А мы ее держим, потому что нельзя так бросить человека, и все.

У нас во дворе произошла очень странная ситуация. В соседнем подъезде всю мою жизнь жил дядька, Валерий Галак-

тионович. Я с детства еще здоровалась с ним. Говорил: «Я помню тебя еще вот такой, как же ты выросла». Так приятно, маленький лучик прекрасного прошлого. Жизнь сложилась так, что из своего города я никуда не выбралась, и пришлось приносить пользу родному захолустью. Так и жизнь пролетела, работа, свадьба, дети.

Валерий Галактионович военным был всю свою жизнь и, как Союз развалился, он в школу ушел преподавать ОБЖ и другие науки. Человек всю свою жизнь посвятил Союзу. Сложно переживал это. Раньше был такой энергичный мужчина, статный, а потом, считай, жена погибла, разорвали на куски, и он беспомощно наблюдал за этим. Не дай Бог кому увидеть подобное, и сил, если все-таки придется. Стал тише воды, мне даже казалось, что он того, умер. Мы с дочкой шли по улице, и вижу, Валерий Галактионович. Подошли, говорю, вот, мы с вами столько знакомы, у меня дочка появилась. Он смотрел на нее такими печальными глазами, блестящими. Своих детей у Валерия Галактионовича не было.

И видимо, после этого не выдержал. Не хочу это связывать с моим счастьем, просто так случилось. Затопил соседей, на улице сидел ночами, в одну звезду уставившись, и скорая забирала замерзшего с утра. Однажды и произошло то. Вечером дети во дворе гуляют, играют, смеются. Я за своей привыкла смотреть. Сяду на балкон, чай сделаю, смотрю, как к ней мальчишки подбегают, за косички дергают, а она у меня не промах, все понимает даже в такие годы, ха-ха. Извините,

просто было... А теперь не стало. Раздались выстрелы. Конечно, я сначала не поняла, что это они... Может, петарда взорвалась или машина у кого-то отказала, что угодно могло произойти. Про выстрелы даже не подумала. Дети на секунду застыли, а потом врассыпную побежали. Я в недоумении смотрю, кто куда, маленькие, бедные. Вдруг один падает на живот и плачет. Вот с этого балкона. Хорошо отсюда было видно, как из-под куртки потекла кровь.

Дочка моя спряталась за вон тем гаражом. Я ей кричу: «Лиза, беги оттуда!». Инстинкт, наверное, сработал. Надо было, захотелось, просто надо было, чтобы она в моих руках. И она, как любой ребенок, побежала к матери. Выстрел, и она упала. Мне показалось, что пуля не ее задела, а меня. Я это чувствовала. Мужики местные среагировали, бросились на него, уложили на землю, а дальше... Дальше у моей дочери инвалидность, сидит дома, ходить не может. Не знаю, что сказать: повезло ей или нет. Соседке нашей не повезло. Ее мальчик не выжил.

Никуда я переезжать не буду. Таких случаев наверняка и вне нашего города полно. Такой хороший человек был, а сейчас что с ним – не знаю, для меня он умер, только память осталась тяжелая.

Честно говоря, я не могу пожаловаться на свое материальное положение. Несмотря на то, что у нас большая семья, мы как-то уживаемся. Мама, ее сестра, отец, жена и два ребенка.

Шумно, и лишнего времени спать или остаться одному нет. Мама с отцом помогают нам по мере возможности, следят за детьми, стирают, готовят. Но на старости лет у них свои загоны проявляются. А что поделать? Мы это воспринимаем как необходимое зло.

Мне было шестнадцать лет, а ему восемнадцать. Выпускник, умник, красавец, спортсмен. Я понимала, что на фоне своих однотипных одноклассниц сильно выделяюсь и, в принципе, всегда и поддерживала свой образ: красила волосы в странный цвет, надевала легкую накидку поверх спортивного топа, не скрывала пальцы и плечи. Мне хотелось казаться сексуальной, но не такой, как все. Иначе. И он это заметил. Начали общаться, гулять. Он давал мне книги, водил на выставки, учил рисовать, а я... была его. Сейчас я понимаю, что это глупо, и подобные отношения порицаю.

Нет. Отношения, когда один себя полностью не воспринимает и пытается реализоваться за счет чужого внимания, так еще и подростка, которого легко удивить. Хотя сегодня школьники смекалистые, стоит отдать должное.

В курсе ли они моих отношений? К сожалению, да. Там сложилась очень неприятная история, и она, по сути, продолжается до сих пор. Все свое детство я жила с мамой и бабушкой, отца не помнила. Он умер слишком рано, не успел мне объяснить, кто в этом мире мудаки. Всем в своей жизни я делилась с мамой. Поругалась с одноклассницей – об-

судила с мамой, заболело что – сказала маме, болит в животе – она все объяснит. Мужчинам кажется, что это более чем естественно, обыкновенно, что дочери всегда стремятся к матерям, но у меня не было другого выбора.

Все пошло наперекосяк, когда маму уволили с работы за то, что ее уличили в хищении очень крупной суммы денег. Здоровье пошло по наклонной, нервы не выдерживали, за пару месяцев она смогла постареть лет на десять. Тогда в моей жизни, словно восставшая из гроба, появилась бабушка. И я вам скажу – она сумасшедшая! После моего первого секса мамы дома не было, а мне вот надо было тогда поговорить, вот надо! Такой огромный ком пуха, как летом в канализациях, рос у меня в горле.

Я пришла домой и говорю: "Бабушка, можно тебе кое-что рассказать?". Это была большой ошибкой. Я никогда не видела в человеке столько ярости. Так моя бабушка оказалась совсем другим человеком: не незаметным телом, плодом семейного древа, а злобной стервой, желавшей всем навредить, обидеть и задеть. Ее слова я, к счастью, повторить не смогу, но после них мои веки не просыхали до самого утра. С тех пор она даже называет меня не по имени, а просто блядью.

Мне показалось, что я сделала что-то неправильное, раз она так взбесилась. Потом домой пришла мама и – что самое кошмарное – встала на сторону бабушки. Не открыто, конечно, но заметно. Я не могла определиться: либо я настолько плохая, что сделала больно своей маме, то ли они меня пре-

дали, отвернувшись.

И да, после такого с мальчиками общаться было сложно, а с тем парнем больше никогда не виделась. Я не сказала ему, почему. Но время шло, авторитет терял свой вес. Если бабка называет меня блядью, я ей говорю, что выкину ее тело в реку, чтобы хотя бы кому-то она пользу принесла. Тогда она сразу замолкает.

Мы жили вчетвером в однокомнатной квартире: я, мама, бабушка и племянница. Да, приходится. Бабка в кровати, почти не встает, племянница с мамой на диване, а я либо в кресле, либо на кухне. Но, слава Богу, появился парень, теперь почти всегда ночую у него, либо подруг.

У меня нет официальной работы. В будние дни я редактирую тексты для крупного онлайн-журнала про музыку, иногда решаю задания по физике на заказ. В выходные стою на входе в одном из клубов Москвы. С миром музыки мне повезло познакомиться через моего нынешнего парня. Он горел этим, не спал ночами, дабы музыкант вовремя приехал и уехал, или чтобы кто-то не умер от передоза в туалете. Работа на нем сильно сказалась. Вся та наивность, которая и подкупала меня, давно исчезла или трансформировалась в детскую инфантильность. Теперь чувствую себя мамой.

Я до двенадцати лет серьезно считала себя дьяволом. Ну, точнее, не так. В общем, я росла в еврейской семье. Воспитывали меня соответственно – пить кровь русских людей, об-

манывать и лгать, ага-ага. Вот и вышло так, что мне бабушка сказала, что если я зайду в храм православный, то я сгорю. Серьезно. Зайду – и пшш, от меня только пепел, боль и крики. Почему она так сказала, я не знаю. Деменция и другие старческие болячки никто не отменял. Но представьте ситуацию. Вы живете в России, и вас отделяют от христианского храма. Ничего не поделаешь, кем бы ты ни был, но это русская культура, никуда в русской стране от нее не денешься, и не нужно. Едет класс смотреть постройку местного храма, а мне нельзя. Потому что я еврейка и солнце, отсвечивающее от купола, меня убьет. Как вам такое? Вам жить не дают, отсекают неотъемлемую часть жизни. Но мне повезло, и оказалось, что ничего, кроме шока красоты зала и иконописи, мне в храме не будет. Я так боялась, так боялась, чуть ли не плакала, когда мальчик меня за руку тащил внутрь. На смерть тащат, на мучительную и необратимую. Обошлось, и я теперь полноценный гражданин или гражданка России, хе-хе. А бабушка до сих пор верит в домовых, и при виде кактусов у меня дома говорит, что я никогда не выйду замуж.

На жизнь я зарабатываю работой, чем еще? Несколько лет до этого я провозила сигареты в Израиль. Сейчас цены на них там стали еще больше, и бизнес хоть и опасный, но жутко прибыльный. Но захотелось спокойствия, местное не для меня. Сейчас я бариста, а завтра как получится.

Не может не восхищать идейность людей до нас. Я объяс-

ню, объясню. Как в фиолетовых сапогах император бросался в бой на тюрков; как люди выходили на улицу, зная, что за это они получают пять лет лагерей, и ради чего? Мы скажем – вывесить баннер, но черт побрал бы их, нет. Дело не в баннере, а идее. Не надо бояться. Не надо прятаться. Надо верить во что-то. Именно веры и идеи – вот этих вещей не хватает нашему обществу сегодня. Смысла жизни нет, но почему тогда массово не кончают с собой? Ты либо придумываешь себе смысл жизни, либо умираешь. Сейчас никто не тратит время на придумывание, обдумывание. Трата времени. Ох да, время ведь так ценно, если оно уходит в бесполезный и бессмысленный расход.

Вот был у меня дед, и я всей душой его не любил. Такая сука, слов нет. Козел упрямый. Ему диагноз поставили, а он прожил врача лет больше, значит, равно умнее. Не лечился, забил, так еще остатки дней то и делал, как нам их в агонию превращал. Я еще маленьким был, он ругался со мной. Говорил, что я на девочку похож. Однажды ему в голову взбрело назвать маленького, невинного ребенка, пидорасом. Конечно, я о себе рассказываю. Ты никогда о юбках не думал? Мне когда обрезание сделали, я так, для эксперимента, ходил несколько дней в спортивных штанах, а потом в огромной юбке, и, боже мой, это жутко удобно. А одежда нравится? Цвета нравятся? Красивое нравится? Ну так вот, мой дед подобные склонности называл мужеловством, и рос у него внук пидорас.

Что взять с него? Прожил он долгую и относительно счастливую жизнь. Служил в армии, поднимался по службе. Что-то значил, все к нему обращались, его мнение ценили. В квартире у него появился первый телевизор. Мать с гордостью рассказывала, как дед всех рассаживал, сам решал, что смотреть (а выбор был очень маленький). Потом, как всем известно, страна сама себя сожрала, и мой дед вышел на защиту дома правительства. Естественно, ничего не вышло, но блин. Имея семью, имея работу, имея все – под угрозой утери – человек все равно вышел на улицу и защищал идею. Я думаю, ну, может, и не в идее вовсе дело, а в боязни потерять нажитое, но я так думать не хочу. Мне нравится восхищаться им и верить, что идеалы и высокое хоть что-то еще значат в этой стране. Только для людей, которых скоро не будет вовсе.

Это нормальная практика. В отдельных странах пенсионный возраст наступает с семидесяти лет. И ничего – работают, потом получают заслуженные выплаты и отдых. Наша компания предлагает индивидуальный пенсионный план – ИПП – с помощью которого клиенты при выходе на пенсию будут сохранять от восьмидесяти до ста процентов своей заработной платы на последнем месте работы. Русский человек не думает о будущем, будто его у него нет вовсе. А если при устройстве на работу он сам начнет откладывать от двух до четырех процентов заработной платы на пенсион-

ный план, и, работая исключительно по договору, с отчислениями в работодателя, через двадцать-тридцать лет человек не будет себе в чем-либо отказывать. Но кто-то будет экономить, пока у него в животе не заколет? Нет, спасибо.

Нельзя сказать «необходимая». Скорее неизбежная. Ситуация выглядит совсем иначе, чем ее представляет большинство. Например, вы думаете, что вся ваша пенсия строится на вкладах, которые вы совершаете? Такое мнение в корне неверно и отображает ту самую неграмотность населения. Ее же и используют провокаторы для легитимизации своей деятельности. Около шестидесяти процентов – столько покрывают страховые платежи, остальное – все из федерального бюджета. Кризис нас до сих пор не отпустил, хоть и мы уже слезли с так называемой нефтяной иглы, мы менее зависимы от Запада, но кто знает, что будет потом? Возвращаться на прежние рельсы – не выход.

Потому есть два важных аспекта реформы. В данный момент они реализованы очень плохо – это информирование и разъяснение. Неразрывно связанные составляющие. Информирование – это донесение до населения о грядущей реформе. Таким образом мы можем гарантировано сказать, что, простите за простоту, ни для кого это не стало сюрпризом. Разъяснение же включает в себя корректную интерпретацию. Представьте, условно, человек придет к семье и скажет: «Нас собираются ограбить». Они будут волноваться, беспо-

коиться. Диалог становится неконструктивным автоматически. На самом же деле это никакой не грабеж. Если посмотреть законопроект, там все очень хорошо расписано, в пояснительной записке дается комментарий, зачем это нужно. Тут уже должны вступать органы субъектов федерации: их основная задача – объяснить населению необходимость реформы, а не грубо сказать: «Давайте деньги». Это ведь не так. Их сбережения не идут кому-то в карман или мусорку. Они обеспечивают их дальнейшую жизнь при выходе на пенсию.

Надо задуматься о своих близких. Никто не может вечно работать, мы не машины, а люди. В нас есть сострадание, желание помочь другому, любовь! Сейчас же реформа выставляется как жажда наживы и...

Нет большой разницы. Наши пенсионеры все равно продолжают работать. В шестьдесят выходит мужчина на пенсию, и вы думаете, все? Нет, работодатели ждут не дождутся этого момента не просто так. У них с шеи слезает гражданин. Они перестают выплачивать за него отчисления, другие налоги. Недобросовестных работодателей тысячи, и с ними необходимо бороться. С зарплатами в конверте, в работе без договора... Многим жителям нашей страны это хорошо знакомо. Я сам работал в одной организации, когда еще был студентом, и пришел тот день, когда мне сказали: «Виктор, наши пути расходятся». А я свою жизнь без этого места не

представлял. Снял квартиру в пятнадцати минутах от офиса, взял кредит и вдруг... Никто не застрахован от такого, если вы работаете без договора. Потому я вас призываю оформлять в рамках закона – это в ваших же интересах.

Вы можете сказать, что зарплата тогда будет меньше, вас могут не взять на хорошее место за свою законопослушность. На таких недобросовестных нанимателей нужно наводить сотрудников прокуратуры. Что вы говорите? Нет, это ваш долг как гражданина. Вы только представьте, что рано или поздно такое может произойти с вашим близким, и вы будете сидеть с дырками в карманах, хмурыми лицами и убеждать себя, что ничего не поделаешь. И это так. И это ваше желание жить сегодняшним днем довела до такого. Вы сейчас молоды, я вижу. Но подумайте о том, что будет через десять лет? Да, ужасная картина, хе-хе. Я тоже так думал, пока не стал планировать свое будущее. Можно сказать, не повзрослел, понял о такой вещи, как «ответственность», что есть люди, которым от моих поступков придурочных больно. Когда вы начинаете жить, осознавая это, вы становитесь полноценным человеком.

Это предательские бредни. Оппозиция очень громко говорит, но в основном не по существу. Стыдно быть должно. Как они это собираются решить? «Давайте продадим то... продадим это...» Бросьте, вы серьезно? Этих денег хватит на пару дней. Население стареет, если поделить эту сумму

на количество пенсионеров, выйдет очень, повторяю, очень маленькая сумма. Или еще одно фееричное предложение – брать деньги из фонда национального благосостояния. Эти деньги идут на дороги, мосты, электростанции, ЖКХ, а самое главное, на оборону страны! В ответ слышно что? Предательские визги о том, что нам это не надо, вокруг друзья. Они уже один раз нанесли нам удар, совсем недавно, мы до сих пор поправляемся. На протяжении всей истории нас либо хотели убрать с карты, либо сделать настолько жалкими и невлиятельными, что нам бы приходилось с каждой вошью считаться. Уменьшить финансирование на фоне роста их военного контингента у наших границ? Маразм!

Вы заметили, кто является жертвой негатива? Кого обвиняют во всех бедах и реформе? Не министра экономики, не премьера, а сразу президента. Сама реформа, возможно, была придумана для понижения его рейтинга. На что опираться нашему президенту? Верных тут никто не видел никогда и вряд ли будет. Тяжело ему, президенту.

План очень прост – сделать так, чтобы никто не дожил до своих денег. Это криминал чистой воды. «Привет, ты обязан отчислять немаленькую часть своих сбережений для того, чтобы я мог забирать у тебя еще одну часть, которая в будущем вернется к тебе, если тебя, конечно, не посадят, не выгонят из страны, не убьют, не застрелят, не выкинут в окно, не отрежут голову среди белого дня, не хватит сердечный

приступ» – сейчас это выглядит вот так, но совсем скоро вероятность этих «если» вырастет. Они выбрали самый оправданный вариант, в смысле, ничего никто не сможет возразить – сделать так, чтобы они сами умерли и не было кому их деньги получить. Поэтому, Кирилл Евгеньевич, я повторяю, что мы живем в риторике власти над нами преступников и мы же ее признаем. Налоги и отчисления как были грабежом и варварством, так и остались. Просто теперь для этого сделали красивое приложение, и качество веб-дизайна улучшилось.

Я не слежу за этой темой, а зачем? Умрут, и слава Богу, больше кислорода. Меньше харь вот этих похожих на протоптанную под дождем грязь. До сорока я все равно не доживу, так что держите мой средний палец и безразличный взгляд.

Они боятся. Сначала вышло десять тысяч человек в Сокольниках. Будущее волнует их больше, чем футбол. Потом еще пятьдесят тысяч на Сахарова. Я очень рада видеть такой рост гражданской активности. Не могу сказать, что я на стороне коммунистов и социалистов, я просто рада... что что-то происходит, какие-то действия; людей с мнениями и идеями вокруг становится больше. Мне таких в жизни, честно говоря, не хватает. Мне один мальчик сказал... Да, красивый. А главное умный. Сказал, вот, смешно очень, сейчас... Как он

там сказал... Суть в том, что одно из министерств объявило, типа, что детьми принято считать людей до тридцати лет. Ну вы представляете? Умора, им не стыдно?

Да какой же я старый? Взрослый? Да. Опытный? Конечно. На мне этот дом уже держится сколько лет. Говорю: «Дайте мне помощника, подмастерье. Что будет, если я умру?». Меня в каждой квартире знают. Спрашивают: «Почему вы так долго», и мне им объяснять приходится, что я один электрик на весь район. А это десятки домов, сотни квартир. Зарплата не ахти, но для начинающего в первые годы этого будет достаточно. Это же навык на века. Мой отец прокладывал в метро провода, мой прадед освещал город электричеством. И я, вот, последний.

Мой сын занимается грузоперевозками, его сын, мой внук, учится на чиновника. Ни о какой традиции речи идти не может. Самое печальное, что это не единственная специальность, которая нуждается в кадрах, я знаю. Мой друг, хороший человек, Аркадий, сантехник. На него как на Бога смотрят, потому что он в говно не боится руки опустить, а как уйдет – гадостей болтают и смеются. Неудивительно, что молодежь хочет заниматься чем-то другим.

А я... А я... А я вам вот так скажу, да. Тут все такие: «Стариков надо уважать, они за нас то-се». Хуйня все это. Серьезно, какая, нахрен, разница? Всучили гениальную идею:

«А давайте рожать детей, и они будут за нас потом отдуваться. И самое главное, говорит им, чтобы они жили в свое удовольствие, давить на чувство вины». Я это вижу именно так. Выращивают себе рабов и сажают на цепь морали. Ох, ебать сказал. Как писатель, ха-ха. Нахуй стариков, серьезно. Ну нахуй. Говорю за всех тех, кто ссытся.

У нас традиция такая. Принято уважать старших, всегда с ними считаться. В Корее, например, младшие разливают старшим, подают руку, если только они протянут первыми. Так общество жило, существовало, и, раз оно доросло так до всего вокруг, посмотрите, значит, так и мы должны. Продолжать следовать традиции. Есть шарм некий. Мне приятно представлять, как я в будущем буду сидеть у себя дома и мой сын будет спрашивать у меня разрешения. Даже немного бояться. Это здоровое общество. Уважай другого, он дожил, пережил многое, видел еще больше, чем ты. Не тупая верность, а дань времени.

Я не согласен с интерпретацией этих СМИ. Мы провели с депутатами беседу, вызвали, как принято говорить, на ковер, и они рассказали, как было на самом деле. Я уверяю вас, президент в курсе этого. Да, был перегиб, непрофессиональное отношение одного из депутатов, за что тот уже получил выговор от партии. Но выговор это одно, ему придется нести крест того, что он не оправдал ожидания своих избирателей,

которые реализовывали свое гражданское право голосовать. Повторяю: точка зрения, которая сейчас тиражируется медиа, неверна. Есть еще вопросы?

Пожалуйста, по таким вопросам обращайтесь непосредственно в органы власти, в чьем ведении они находятся. Это находится вне ведения администрации президента. Следующий, пожалуйста. Долго одну тему мусолим. Неужели у других представителей нет вопросов?

На самом деле, вышло все достаточно комично. Потому что в своей основе это была шутка. Жесткая, черная, но шутка. Сидели значит мы, члены комитета, ужинали. Обсуждение затянулось, стали нервничать. Оно и понятно: голодали больше десяти часов, мышление энергию жрет немерено. Обедаем, пытаемся от реформы отвлечься. Человек уставший все в штыки принимает... Это, как его... Пассивная агрессия. Сарказм, ирония. Глава комиссии говорит: «Сколько лет человечеству? Неужели мы не можем решить вопрос с таким культурным багажом? Как может все не подходить? Компромисс – это когда всем плохо, но отчего по чуть-чуть всем хорошо. Как решить вопрос того, что у нас население вымирает, люди стареют и меньшинству приходится содержать большинство?». И вдруг мне в голову приходит идея. Абсурдная, смешная. Я и в спешке, боясь забыть, говорю: «Надо просто меньшинство сделать большинством». Смеюсь, а на меня с предубеждением смотрят. «Что

вы имеете в виду, Григорий?» – уточняет одна из коллег, я звал ее «Темная». «Надо избавиться от той обузы, разве это так сложно?». Заметьте, это же абсурд, и говорил я это так, что, ну, никто в здравом уме не принял бы всерьез.

А они переглянулись и замолчали. Посмотрели вокруг. Вдоль нас проходило множество людей с бейджами представителей газет, радио и... Такой страх на глазах, ад. Изнеможение, волнение, животы скрутило, минута и две, и на нас должны были наброситься эшники и журналисты. Но все шло дальше по своим делам, потому что им было понятно, что это шутка. Или не расслышали.

Но Темной-то, Темной! Коллега, блять, называется. Устроила скандал прямо в столовой о том, какой я дегенерат, не знаю чувство меры, и вообще, я главный враг человечества и не имею право быть частью комитета с такой точкой зрения. Я ее спросил: «Какой такой? Это же шутка!». Она верить не хотела, и остаток недели превратился в один бесконечный кошмар. Другие коллеги косились, не знаю, кто им рассказал. Мужики с партии... вот те поняли! Посмеялись со мной вместе, стали вы-вы-выдумывать варианты, как это можно повернуть. Мне даже показалось, что они слишком много времени уделили этому. То есть, один, например, все заседание сидел и вырисовывал, как сделать так, чтобы дешевле вышло. Создал чат, присылал туда варианты. Подробно описанные. Всем причастным даже посчитал зарплаты, подрядчиков отметил на полях. Поехавший.

Быстро его шутку поддержали и остальные. Один ушел даже в конспирологию и уже видел заголовки вроде «Китайские товары убивают миллионы». Другой, просмотрев цифры, возмутился, мол, почему так дорого, если можно использовать труд заключенных: собрать их в отряды, дать им по метле и... Гадость несерьезная. В понедельник, спустя неделю после нашего обсуждения, меня вызвали дать комментарий самому заместителю спикера Государственной Думы! Вы представляете, насколько эта новость разбрелась? Тот выслушал все стороны, сказал, что мое поведение не подобает представителю народа, который на протяжении истории выделялся своей добротой, открытостью и неприязнью к черноте. Но санкций со стороны аппарата не было, а вот партия меня не пожалела, и через несколько дней из комитета большинством голосов я был вынужден уйти.

Старость не радость, но сколько лет тому херу? Ради которого полторы тысячи километров проехала девчонка. У нее еще плакат был, обрати внимание. Они хорошо выступают, качественно. Иногда. Алборн хорош, Альянс прекрасны, Ночной Проспект все еще в тему.

Да, да. Именно так. Это аура. Мы не видим артиста, мы видим память о нем, его вклад, наши собственные ощущения от его творчества. Он может хоть выть и ссать на пол, попутно выблевывая содержимое желудка. Старики на многое способны. Напишут по делу, когда надо – ответят, когда

надо – промолчат. Черт, они специалисты по жизни. Мы это, первого уровня, второго, может. Еще ничего не видели, а эти люди создавали игру, испытывали ее на баги, придумывали фичи и короткие пути. Уважай чужой вклад, дружок.

Я не могу смириться с этим. Не могу, слышите? Никак! Это просто безобразие. Как люди официально, по телевидению, могут заявлять такое? Мой оппонент считает, что он вообще имеет право даже задумываться об этом. А я вам говорю – нет, не имеет. Он ничего не знает, ничего. Молокосос. И не надо, я повторяю, не надо меня перебивать! Они за вас воевали! Воевали говорю вам! Подвиг Советского Союза строился на их плечах и костях, а вы их буквально убить хотите. Вы убийца, убийца! Да, да, именно так. Иначе как объясните вашу жажду крови? Вы хотите оставить их без крыши над головой, без дома, без семьи. Кто вам вообще давал право решать за других их судьбу?

Все логично, я согласен. Мы в школе с корешем очень часто такое обсуждали. Ну, почти такое. Тогда в Греции начался финансовый кризис, и кто-то по шутке выставил всю страну на Ебау. Мы задумались. Вот купим мы ее, что дальше? Надо же с людьми что-то делать, со структурой. Это огромные деньги, огромные расходы. Тогда я предложил – надо от людей избавиться. От большей части. Построить огромные блендеры и туда бросать людей, из их мяса делать консервы

и тех, кто остался жить, ими откармливать.

В нашей экономической Греции нет места для роскоши. Людей всех переселим под землю, ведь для блендеров нужно больше места; каждому по коробке два на два метра. Одежда унисекс. Производство, единым маршем, идет на производку блендеров. Свободной земли станет в избытке, ее будем продавать военным базам, производителям конопли, все легализуем. Приезжай к нам со своей женой, а уезжай без. Земля вседозволенности. Вот это будет утопия, любой капиталист разыграется по полной.

И мы как бы смеялись. Смеялись больше, чем про серию игрушек для детей – Мишек из белого фосфора. Хотелось бы нам, чтобы такое произошло на самом деле? Определенно да, ведь раз мы задумались об этом, то еще миллион-другой одновременно вместе с нами. Такое рано или поздно произойдет. Вопрос лишь в том, кто возьмет на себя ответственность и сливки прибыли, успеха. Надо жить так, что одновременно с тобой на вершину бегут еще десятков таких, и, скорее всего, они лучше тебя. Потому сидеть и откладывать на потом – не вариант.

А что? Я вполне нормальный человек, без, как мне кажется, отклонений. Работаю с людьми, люблю свою девушку, ухаживаю за родителями. Мысли ведь не так ужасны, как нам кажутся, друзья. Мы просто не верим, что подобное может нам в голову прийти, ха-ха, а об этом уже – оп – и думают все!

Слушайте, слушайте. Я вообще не должен был здесь оказаться. Really, да. У меня в самолете передо мной мужик откинулся. Нет, не спинкой, ха-ха. И не до конца. В общем, летим мы, и ему становится плохо. По громкой связи пилот призывает врача на борту подойти. Португалец, с сердцем что-то. И что вы думаете? Появляется человек двадцать, по голосу русские. Устроили консилиум вокруг него, стали обсуждать, что делать. Я недолго потерпел их рядом, а затем ушел. Не стал мешать. Сидел на свободном месте, любовался красотками. Мужик старый, да. Лет шестьдесят или больше на вид. Говорят, русские враги, а снова жизнь спасают. Видимо, предназначение наше – спасать людей и оставаться дикарями-врагами в их глазах. Прямо как бэтмен. Варяг-враг-варяг, ха-ха. Хорошо, не откинулся, золотые руки врачей. Они потом вернулись праздновать победу, но самый главный, кстати, на тебя, Кирилл, похожий, весь остаток пути ходил к нему, проверял, расспрашивал... Выпьем за Россию, да?

Да, да. Нахуй их. Мы за. Заебали уже. На улицах торчат, умирают. Подруга сказала: «Им не помогают», а мы скажем: «А зачем им помогать?». Они лишнее звено. Львы уходят умирать, кошки ходят умирать, мудрецы уходили из семей. Людишки обнаглели, всех вокруг на дно тянут.

Так что правильный они поступок совершили. Вы просто

себе признаться в этом боитесь.

Я не могла представить, что такое в принципе возможно. Это же надо от души отказаться. От всего хорошего, что может быть в человечестве. Эти люди, как я вижу, последнюю надежду на будущее убили, взяли и уничтожили, распотрошили, а... у меня нет слов. Я не хочу разговаривать. Я не хочу думать о произошедшем, боже. Лучше бы глаза мне выкололи и язык отрезали. Но люди должны знать, ведь да?

Поступила несколько месяцев назад на психфак. Стала учиться и поняла, что совсем не успеваю за процессом. Уставала сильно, еще и с парнем расстались. Такое сложно было все сразу переживать, и я решила сосредоточиться на учебе, отвлечься, но так как по семейным обстоятельствам пропустила много предметов, необходимо было наверстать упущенное. Стала искать репетитора, и мать посоветовала мне одну женщину, которая занималась с сыном ее подруги. Это оказалась женщина преклонного возраста. Доктор наук, профессор. Я сначала скептически относилась к ней, но оказалась она прирожденным преподавателем. Не без изюминок, с нюансами, а кто идеален? Стала помогать ей по дому, прибраться там, приготовить. Мы стали подругами, хи-хи. Навивно так звучит. По учебе я заметно поднялась, но ходить к ней не перестала.

Произошло это, как помню, за окном солнце светило. Вот мы сидим с ней в комнате, я пишу конспект. Она надо мной

как птица парит, показывает на ошибки, уточняет моменты, которые никто не знает. Вдруг раздается звонок, прекрасная мелодия. Я заволновалась. Никогда не слышала, чтобы к ней кто-то приходил. Бьюсь об заклад, она звук забыла, если только специально сама не нажимала на него, чтобы загасить одиночество. Меня аж дрожь берет, как вспоминаю эти ноты, дыхание останавливается. Людмила Геннадьевна стала подниматься, но я остановила ее. Подхожу к двери, за ней парень молодой, в пальто. Достаточно опрятный. Говорит, пришел к соседке из-за аварии в трубах. Я даже не подумала, что он на что-то способен. Божий одуванчик на вид. Стоило спросить себя: «Разве такие трубы смотрят? У него же руки нежные, точно».

Как только я приоткрыла дверь, она резко распахнулась. Мне по лицу прилетело, я упала. Забежало несколько человек, по мне прошлись. Я начала кричать, как один из них сел на меня и закрыл рот руками. Затем я услышала крик Людмилы Геннадьевны. Крик все в людях выдает. Она испугалась, она не могла понять, чем она могла заслужить такое. За что ее били? За что с ней сделали это? Все продлилось не больше пяти-семи минут. Как вошли, так и ушли. Я поднялась, не чувствуя под собой ничего, зашла в комнату, и лучше бы я этого не видела. От нее только имя осталось. Обезобразили, изуродовали. Убили. Стены в крови, пол в крови. Она лежала, вскрытая, видела ее внутренности. И солнце, как назло, ничего не скрыло. Худшее случилось наяву, та-

кое вообразать больно. Мучительно. Она не была мне очень близка, но даже над незнакомым человеком увидеть подобное... Это недопустимо!

«Молодая Россия» называется. Конечно, они должны сесть. Я не юрист, но и так очевидно, что за убийство ты хочешь не хочешь отправишься в тюрьму. Кто она такая? Да никто. Парни решили прикольнуться, молодые, лихие. Вот он и вам и Колумбайн. Некуда деть свои эмоции, фрустрируют и... Чушь, хуйня. Ебанутые. Пусть сидят и гниют.

Я бы так же хотел, если честно. На спорт мне нельзя, на улице побьют, животных жалко. А вот бабок – ничуть. Они как Раскольников, да? Вьеби им, Раскольников.

Мой дед всегда вступался за меня и никогда не был одним из тех, кто пьет, курит, ведет себя неадекватно. Как-то раз наш сосед по подъезду решил приколоться надо мной. Я не могу сейчас вспомнить как, лет тридцать назад было, но я зашел в лифт, а там знакомое соседской лицо было. Говорила бабка никогда не садиться с кем-либо в лифт, если ему не сможешь дать отпор. Едем, бам, свет выключается, ничего нет. Только темнота. Впервые в жизни в лифте застрял! Представляете испуг? Ладно взрослым, они стерпят как-то, не покажут, а я маленький и слабый тогда был, большой, на меня такое нахлынуло, представить сложно. Вспомни-

наю – «А я здесь не один! сосед же в лифте!». Смотрю по сторонам, протягиваю руки, никого нет, взываю к нему, в ответ лишь молчание. Тогда телефонов не было, а с ними и фонариков. Пытался дотянуться до стены, но лифт будто стал в сто раз больше, пропали края, куда бы я не тянулся, меня несло дальше в даль. Бродящий во мраке. Так прошла пара минут, я начал от безнадежности плакать. Загорается огонь зажигалки и передо мной лицо соседа, злобное, напряженное. В смехе. Я пытаюсь бежать, а стены вернулись, зажали меня с ним наедине. Естественно, я закричал. И очень громко. Открылись двери, я выбежал в них, упал на пол. Стал обнимать его, мол, слава богу, пустота исчезла, мрака нет. Вот он, пол обоссанный, вот он, воздух прокуренный.

Когда я пришел домой, первым неладное заметил дед. Я не хотел ему рассказывать, но он силой заставил меня. Он, наверное, подумал, что меня изнасиловали: выпученные глаза, потный, грязный, царапины на коже от бетонного пола и заика. Когда он замахнулся на меня, я не мог не рассказать все, как было. Тогда он закурил (а пять лет не курил до этого – и я был горд за него!), сказал мне посмотреть телевизор и ушел. Я из дома несколько дней не выходил, но как вышел – соседа больше не видел. Дед сказал, что он сожалеет о своем поступке. И будет сожалеть.

Мы давно не виделись. Со дня на день только и делаю, что думаю о нем, ожидаю его смерти. Надо бы с ним увидеться спустя столько лет. Сказать ему: «Спасибо за все, дедушка».

Дедушка.

Это был неправильный поступок. Совсем. Я до сих пор стыжусь этого. Он мне никогда зла не желал, только помогал, а я... Хотел денег, пойми. Он мне сказал: «Вот, в этой коробке лежат твои деньги, и в любой момент ты можешь взять их». Подростком я всегда выглядел поганно: красив, толст, неопрятен. Но нашлась девочка, которая меня за душу схватила и полюбила. Ради нее думал измениться. И она предлагает: «Давай съездим в Европейский, купим тебе чего-нибудь нового». Смотрю в интернете – цены огромные. Одно пальто стоило около пятнадцати тысяч рублей если не больше. У меня таких денег на руках никогда не было и учитывая, что я только играл в игры компьютерные и лежал на диване. А просить денег у отца стеснялся... Не учил он меня жизни. У матери и подавно.

Дед просил помочь ему в гараже разобрать вещи. Переносю коробки и вижу – та самая коробка! – из-под рахат лужума. Блестит на полке, прячется, но спалилась уже. Он вышел на улицу поговорить по телефону, и рефлексы сработали, нельзя так. Я прыгнул к коробке в два шага. Открыл, а там денег просто а... Никогда до сих пор столько не видел. И все мои. Ну, раз мои – надо брать. Не наркотики же? Не сигареты? Не алкоголь? Тогда чего стыдиться? На глаз там было... Ну, много, не важно. Взял шесть банкнот по пять тысяч. Мне этого хватило бы на еще в играх что купить или

другой дурости. Скомкал и засунул в карман, коробку бросаю на место слыша дедовские шаги.

Он смотрит на меня, и видит на лице. У него подобное же наверняка в жизни было, как и у всех. Знакомый жалостливый взгляд, наполненный виной. Я отворачиваю глаза, надеюсь, не заметит. Спалил. ну спалил. Подошел к коробке, видит, что она не на месте. Открывает, считает. До рубля запомнил. Подходит ко мне, берет за руку и говорит: «Верни обратно». Я пытаюсь без слез смотреть на него, но не могу. Бубню: «Я ничего не брал». «Не брал что?» – спрашивает он, вытаскивая душу наружу, разжевывая. Будто, знаешь-знаешь, об меня ее вытирает и грязь, ложь показывает.

Деньги я ему отдал. После этого мы два месяца не общались. Бабушка сказала, что он уехал в Кострому, а там в запой со своим товарищем военным. До сих пор не могу простить себя за это. До сих пор не могу. Никак. Он уже помереть успел, а его на улицах встречаю. Сам хоронил.

Это не суд, это поддавки. Как могут убийцам дать так мало лет? Помните случай с Устиновым? Получается, по российской логике, убийство человека равно трем ударам пластиковым стаканчиком. Абсурд, абсурд.

Класс, парням испортили будущее. Да, они его испортили себе сами. А что они хотели? Людям внушают «гражданское общество», принимайте меры. Вот парни приняли и пошли вершить дела. Хорошая же идея... В смысле ты записыва-

ешь?

Это дело должно было стать показательным, ибо оно первое в своем роде. Посмотрите сами стенограмму. Задайтесь после этого вопросом: кто отстоял свою точку зрения? Ответ вас испугает и удивит. Вы смотрите на них, как на убийц, всматриваетесь и понимаете – герои. После этого прячетесь и избиваете себя до кровоподтеков. Парни знали, что их ждет и воспользовались своим положением. Приговор как самое сильное оружие. Вспоминается один кадр из Германии, который знал, что будет осужден, а потом разошелся перед присяжными и зрителями не на шутку. Вот так и они. Запомните мои слова, скоро вы снова услышите крик: «Молодая Россия!».

Это идеальный пример поведенческих настроений.

Когда у вас есть группа людей, застрявшая в промежуток времени, который можно назвать «смена поколения» – обязательно должно было произойти подобное. Изменились время, ценности, а вместе с ними и основы восприятия. Мать спрашивает сына: «Что хочешь?». Он отвечает: «Не знаю». Отец бьет его за это. Молодые люди начинают задумываться о тех вещах, которые для нас были ключевыми, гораздо позже: как жить? когда жениться? как организовать семью? Для них есть более важные вопросы, но, парадоксально, они не спешат за быстрыми и легкими ответами. Им надо со всех

сторон посмотреть, попробовать другие пути, услышать отзывы.

Многие вещи о которых запрещено даже говорить или сомневаться – они падают громче всего. Реформация, Великая французская революция, сексуальная революция... Множество случаев, множество жертв. Как мне кажется, новое поколение готовится к уничтожению последнего оплота прошлого – понятия и восприятия старости и возраста.

Мы здесь потому, что мы за светлое будущее. За молодую Россию!

Как руководитель отдела кадров я понимаю своих коллег, кто ни при каких обстоятельствах не берет людей пенсионного возраста на важные позиции, где необходим человек надолго. Но не может восхищаться, как эти люди отдают себя работе. Всегда рассказываю на лекциях следующую историю: я ездил на мастер-класс в Санкт-Петербург. Организация взяла билет на один и тот же поезд, туда и обратно, плацкарт. Не, не, не стоит смеяться. Я сам попросил плац, потому что одному в купе очень неуютно, а с другими людьми растворяешься. Лежу в поезде, а ощущение, что свинарник. Грязь повсюду, пыль, мусор на полу. Проводница молодая, крашеная. Девушки, без обид, но вам бы она не понравилась. Поезд обратно. Встречает мужчина, невысокий, на две головы ниже меня. Общается со мной на ты, называет «молодца» и «красава». Находишься в вагоне – том же самом, напоминаю – совсем другое впечатление. Одно удовольствие. Мужчина

пожилой, сам просит продиктовать номер паспорта, и, по-хорошему, ему бы за это должны были штраф выдать, но когда я заметил, как он приводит в порядок вагон до и после поездки. Меня это поразило. Мужчина любит свой поезд, любит свою работу. Такого сегодня не встретишь среди новых кадров. Те не хотят работать, им нужны деньги на жизнь.

И мы приняли решение спустить все на тормозах. Раз случай, два. Побои и жертвы. Полицейские приходили к нам и чуть ли не угрожали: «Сделайте что-нибудь уже! Мы не можем так долго закрывать глаза». «Как с проститутками, так ты горазд, а тут...» – отвечали ему. «Из-за проституток люди не митингуют, блять!» – отвечали они. Стало понятно – ситуация выходит из-под контроля. Ужасный поступок, непростительный.

Стойте, прежде чем судить нас, поставьте себя в позицию «любое действие наказуемо, любое слово – казнь». Ваши действия? И не говорите: «Надо срочно что-то делать!». У вас есть, что терять. Не было бы – стали бы вы читать подобные журналы? Вы бы уже с оружием в руках в лесу сидели и ждали. Так и мы ждали у себя в кабинетах, пока не пришлют установку.

До конца неизвестно, было ли известно президенту о происходящем. Собранные нами данные говорят о том, что он был в курсе событий, но ждал. Непонятно чего. К нему и ген-

прокурор ходил, и министр юстиций. Целая очередь стояла к представителю. Только и говорили, что о «Молодой России».

Это действительно черный день в нашей истории. Надо было иначе поступать.

Мы собрались в строжайшей секретности. Никто не понимал, к чему это приведет, но все хотели одного. Слаженного решения. Сложно передать то удивление, когда я увидел перед собой столько знакомых лиц. Пути назад не было. Ушел бы кто – не ушел, мы бы не отпустили. Травля крыс начинается со знакомства. Не могу распространяться именами. Для меня было шоком увидеть тех людей, кто присягал стране с пеной изо рта, сжимая в кулаке присягу, в подвальном помещении торгового центра.

Первым заговорил ... Дрожал голос, прям как девочка. Потом выступил ... И начались гам и ахинея. Все разом поверили в слухи, что президенту плохо и он не собирается нести ответственность за решение проблемы. Нас возмутило такое отношение, и вместо того, чтобы попробовать прийти к решению проблемы с Молодой Россией, началось формирование переворота.

Как спасти себя? Напасть первым.

Я знаю, что он нас сдал! Вот знаю. Мне заломили руки, ударили о стену, и один из мужчин в штатском мне так и прошептал, кто виновник торжества. Сука, мразота. Я лишился

всего: семьи, дома, свободы и ради чего? Спасения страны? Я себя ей посвятил, спасти собирался, а вышло что?

Естественно, он как герой пришел к нам, даже не заикаясь о том, что он сам был в рядах заговорщиков. Мы в свою очередь не стеснялись ему иной раз напомнить об этом, чтобы цену знал и не зазнавался. В тот день мы достигли критической точки. Митинг юности на Тверской, одиночные пикеты, полицейский какой-то выстрелил в ребенка. Постепенно город склонялся к насилию. И ладно бы Москва. По всей стране! Всей! На юге в меньшей степени, но и там не прошло мимо. Были единичные случаи, парень молодой перед отъездом свою родню зарубил, а потом на выезде из республики попался. Повесили его местные или забили камнями, не помню.

Нет, я не буду следить за тем, как говорю. Я больше не у дел и могу позволить себе отдохнуть от вежливости. Ебанина проклятая. Вам сколько лет было в тот день? Вы откуда?

Вот откуда вам знать, какой это кошмар?

Несколько лет наша организация занимается социализацией людей пенсионного возраста. Иными словами – вытаскиваем их из дома, предлагаем записываться на бесплатные кружки, гулять, пользоваться онлайн-ресурсами. Не сказать чтобы успешно. Мы живем в обществе, и желание одной стороны не может получить поддержку без других сторон. Так

и тут: специалистов мало, волонтеров немного, финансирования никакого, среда для пенсионеров неподготовленная. Со временем все вокруг заставляет тебя запирааться в доме, смотреть в окно и дожидаться смерти.

После этого были худшие годы. Посмотрите статистику. Шоковая терапия на уровне Советского Союза.

А это очень просто заметить на самом деле. Не знаю и понимаю, как это могло пройти мимо вас. Например, наш волонтер был сиделкой у одной женщины, бывшей учительницы музыки. Выводил ее гулять, на кружок иностранного языка. Идут они через дворы, как из угла появляются крупные парни в черном, с закрытыми лицами. Очевидно, что произошло дальше.

Наш волонтер поступил как герой. Он крикнул женщине прятаться, а, еще лучше, бежать и сам пошел в сторону обидчиков. Те его жестоко избили. Несколько переломов, реанимация. Проснулся и узнал, что она не пережила их.

Я не считаю их за людей.

Тогда я был старшим тренером. Будний день, парни за железом. Ставили новичкам удар, старики знали, чем себя занять. Вдруг заходит мужик. Мент, по лицу видно, хоть и в кожанке, с молодым парнем в пальто. Сына привел, ага. Подошел ко мне мент и говорит: «Смотри какое дело. Сейчас собираешь парней и делаете то, что парень говорит. Будем мразь искоренять», и протягивает портфель с огромны-

ми купюрами. Мы согласились.

Парень на вид ботан, дрыщ. Никакого уважения у меня он вызвать не мог, как его к другим пускать разговаривать. Мы заперлись с ним в курилке и обсудили все. С первых слов стало понятно: надо было отказываться. Врываться в дома, избивать, убивать... стариков? И это во благо страны? Он меня пытался убедить, что это правильно; что таким образом мы выстраиваем дорогу для великого будущего, бла-бла-бла. Я возмутился: «Какое, нахуй, будущее?». Тогда парень, назовем его Иван, сказал, что забирает деньги и зовет мента обратно.

Это все было спланировано, да. Иван не скрывал это, даже хвастался. Говорил, мол, то же самое произойдет и в других городах: Самара, Екатеринбург, Пермь, Ростов, Краснодар. Все, кто против, сядут. Сидеть с наручниками не хотелось. Ударили по рукам.

Подходит к нам Жека и говорит: «Парни, дело следующее. Короче, кто сил в себе не чувствует, сразу на выход, увидимся через месяц». Засмеялись, спросили, что не так. Тот холодно сказал: «Идем стариков убивать». Больше половины ушли, я остался.

Жека ввел в курс дела, стало все понятно. Подходишь, видишь пожилого, бомжа, не бомжа, и минусуешь его. Какие тут могут быть подробности?

Вышли мы утром. Вот, кстати, я на фотографии. По пути к площади встретили бомжа с узкими глазами, и нам говорит

Жека: «Так, давайте практиковаться». И мы избили его. До смерти, пока кровь вся не вышла. Потом, по дороге, у рельс еще компанию увидали, распивали водку. Как заметили нас, сразу закопошились и заволновались. Мы и раньше наносили им увечья, мудохали их, но никогда до такой степени. Куда им бежать с замерзшими ногами? Алкаши ебаные. В них я людей не видел, пьяницы и пьяницы, чистим улицы от говна. Так еще Жека подговаривает: «Да, да, нахуй их. Страна хочет от них всех избавиться». Так мы разогрелись.

Нет, я же сказал. Мы их за людей не считали. Просто когда я бил их, ну, я себе повторял: «Старик, старик». И, ну, дальше было проще. Когда мы вышли к центру глаза аж разбежались, сколько их. Встали перед площадью, где жид стоит, всматривались в лица. Молодые-то как разгорячились, позади меня стояли, шептались: «Вон я ту ебну. Не, она моя. А тот не из твоей шараги?». Затем Жека закричал, и мы побежали. Я выбирал тех, что одеты были, ну, побаше. У меня денег-то в жизни никогда не было.

Что я запомнил? Да взгляд такой жалкий, как у котят последний.

В это время я вышла покурить, помню как вчера, даже запах дыма чувствую. Курю у входа. Администрация вот, вон там стою. Перерыв, работы море, пытаюсь отключиться от суматохи. Незаметно вон там, слева у дороги, появляется

толпа спортсменов. Ну ладно, думала я, заниматься пришли или еще чего, мне какая разница? Вдруг раздается крик, кричал мужчина, и они стали набрасываться на прохожих. Но не на всех. Толкали женщин в стороны, но хватали не всех. Дедушку у пруда повалили и ногами забили. Смотрите, асфальт до сих пор красный. Женщин хватали за волосы, били, валили. Ох, вспоминаешь и думаешь, что хуже быть не может. Все сотрудники спрятались внутри. Захожу и спрашиваю охрану, вызывали ли они полицию. Те говорят, что все под контролем, так и должно быть. Как так?! Коллеги окна закрыли, все на пол сели, не дай Бог кого увидят и заденут.

Я ничего не предпринимала. Хотела, но боялась. Вы посмотрите на меня и рядового спортсмена. Он мне взглядом руку сломает. Несколько человек организовалось, у кого ножи были, кто из столовой взял. Они вышли и втроем одного повалили. На помощь ему остальные подбежали, тоже избили, но убивать не стали. Пожалели. Это нам позже сказали, что им команду дали не трогать остальных.

А куда без паники? У вас посреди дня людей вырезают, и никто ничего не делает. Только бояться и молят Бога о спасении.

У меня телефон тогда разрядился. Я даже обрадовался, ура, никуда не погонят. Стою на посту, обычный абсолютно день. У нас в городе ничего не происходит. Раз в полчаса останавливаю кавказцев или азиатов, смотрю прописки, пас-

порта, визы. Отпускаю, отдыхаю полчаса. Повезло с районом – в нем живут люди с деньгами, либо сдают квартиры людям с деньгами.

За спиной разбивается бутылка. Поворачиваюсь, иду в сторону звука. Несколько мужчин в черном, прямо посреди улицы, хватают людей, бросают их под машины. Сначала я побоялся вмешаться. Я один, их много, понятно же, что полицейский за человек, жизнь не отдаст с такой зарплатой и отношением. Но они же стариков убивали, детей вырывали из рук, уносили, а бабушек, дедушек избивали.

Обычно они выглядели. Обыкновенные горожане. Но основные действия предпринимали крепко сложенные мужчины, остальные как бы вокруг ошивались. Рядом со мной стали старичку ноги ломать, смотреть, как кость из кожи лезет. Этого я уж стерпеть не смог. Достал пистолет, выстрелил в воздух, нападавшие разбежались. Один из них в маске был, увидел меня и подошел ко мне с криками: «Ты что стреляешь?» Тогда я почувствовал угрозу, что живым мне не уйти, если он встанет со мной на расстоянии вытянутой руки. И я в него выстрелил. Это заметили остальные и в страхе разбежались. Кто-то из прохожих вызвал скорую, но, насколько мне известно, никого спасти не получилось.

В те дни самые ужасные вещи творились в Москве. Она всегда была примером для подражания, все пытались походить на столицу. Я и мой лучший друг Витя прогуливали па-

ры и посреди дня решили навернуть по пиву. Зашли в бар, болтаем о том о сем, что нас волновало. Вышли на перекур, и смотрю новости: «Массовые убийства по всей России». Глаза пять рублей у нас обоих. Читаем – крошечный ад. Людей режут на улице, вешают, насилюют. Как будто мы зашли в бар в России, а вышли в Уганде. Толпа людей пробежала мимо нас, и я из любопытства остановил девушку и спросил ее, что происходит. Она так радостно, с восхищением, отвечает; флаг бы ей в руки и на картину революционную: «Мы строим Молодую Россию, давайте с нами!».

Как тут не пойти? Стадное чувство сработало. Витя в баре остался бояться. А я-то на красивых людей слаб и пошел за девушкой. Мы разговорились, и она мне рассказала, что по всей стране убивают людей; что это революция наступает. Какая к черту революция? Вы себя поставьте на место: вокруг шум, все обнимаются, улыбаются, разливают шампанское; самые цепкие лезут на фонари, скандируют лозунги и размахивают флагами. Это действительно выглядело как революция, не массовое убийство или помешательство. Полиции на улицах вообще не было. В момент на всех нахлынуло одно желание.

На Тверской. Около памятника Пушкину стали складывать трупы. Весь асфальт изменил цвет. Повсюду обрывки одежды, побрякушки блестели на солнце. На них налетали люди-вороны. Около кафе был вход в подъезд, и его тоже окружили люди. Мне стало интересно. Я подошел поближе,

и передо мной падает тело. В мясо, плашмя, бам. Будто с крыши вместо шарика с водой упал человек, бросавший его. У меня штаны в крови, ботинки во внутренностях. Тошнило, но нельзя. Вокруг все аплодировали, хлопали меня по спине, мол, радуйся, радуйся! Жирная упала.

Зачем мне-то грустить и переживать? Мы пережили, это и главное. Я сделал для себя выводы, что рано или поздно такое может произойти с каждым. Что в один прекрасный момент несколько людей наверху примут решение о том, что мне просто не стоит жить. Единственный урок из произошедшего – все вокруг враги.

А дальше все стало настолько абсурдно, что вспоминать неохота. Тела собирали в кучи и жгли, прикуривали об огонь сигареты. Люди рисовали друг другу на лицах пожелания, добрые слова. В опустевших квартирах бухали, вещи разбирали. Девушки красовались в огромном нижнем белье. Огромном! Две школьницы в одну пару поместились даже. Юноши кривлялись, строили из себя профессоров. Через всю эту бурю радости жизни слабо слышался плач людей, чьих близких превратили в трупы. Моя жена будущая стояла в стороне с белым лицом. Невыносимое зрелище. Я предложил ей уйти, и мы спрятались где-то в переулке. Она и двух слов не могла выговорить, нас вечно перебивали вопли радости и болезненные стоны. Ближе к вечеру, когда все стихло, я предложил провести ее до дома. Она сказала, что у нее нет больше дома. Оказывается, она жила у бабушки на Твер-

ской, а ее в тот день не стало.

И только постфактум мы узнали, что, во-первых, это было по всей Москве. Во-вторых, по всей России. Связи никакой не было. Только слухами общались. Соседи по лестничной клетке кричали, что вот и настал конец света. Этажом ниже обсуждали побег в лес, этажом выше – отдаться европейцам в плен. За окном раздавались взрывы, в домах повеяло холодом. По лестницам стучали берцы, топ-топ-топ-топ, и сидишь и боишься, что сейчас дверь выбьют, за волосы схватят и вынесут. Мы же тогда не знали, у меня чуть было сердце не сдало.

До нас дошел один примечательный случай с северо-запада России. Рассказ одной из соседок. В Петрозаводске к женщине пришел отряд. Постучались, она открыла, зашли внутрь. Стали громить все, убили. Но им оказалось этого мало, они стали ломиться в другие квартиры. К счастью, остальные были на работе. Понимаете, жажда крови это одно, а голод сильнее. Увидели у женщины дома булочки, такие с поджаренным тестом. Нападавшие их съели и на лестничной же клетке попадали. Яд, сильный яд. Знала ли она, что за ней придут? Сомневаюсь. Скорее всего, для других готовила. Вот оно, чутье времени.

Какая степень организации должна быть у людей, что-

бы в один день уничтожить больше половины населения? Несколько недель не переставали звенеть гильзы. Дети играли с трупами, наши тела разучились плакать.

Именно это меня и беспокоит. Весь мир спокойно смотрел на это. Потому что им нужно было это, ослабить Россию, ослабить страну. Молодая Россия – слабая Россия. Без опыта, без способности выжить.

Чудом мы до сих пор существуем за счет чуда.

Какой экономический рост, вы вообще о чем?

Со времен советской дипломатии это была, наверное, самая невозможная задача на свете. Убедить мир в том, что им же лучше, что сейчас мы собственноручно совершим социальную катастрофу, избавимся от половины населения. Сами заплатим за это, еще и предлагаем посмотреть. Это никак иначе, как чудом, назвать нельзя.

Да, либо пиздец, но как-то некультурно.

МИД и крупные компании получили отличную установку. Мы действительно на несколько дней перевернули мир вверх ногами. Мы были в шаге от войны. К нашему счастью, это быстро закончилось.

Да, это один мусор. Что вас бросать в печь, что бабу. Вы же люди, и я вас ненавижу.

Я не говорю по-русски. Много кровь.

Моя семья занималась тем, что переправляла этих людей, лишенных дома и права жить, в другие страны. Сначала у нас прятался главврач, потом моя учительница, директриса. Наш дом всегда обходили стороной, моего отца уважали и боялись. Как-то раз к нашему дому подошли молодые и стали звать отца. Тот заставил нас всех спрятаться в подвал и отключить свет. Я не послушалась его и пошла за ним. Он оделся, взял ружье и вышел через черный вход. В лесу он долго бродил, искал кого. Нашел – беглого заключенного, который прятался несколько лет от тюрьмы. Мой отец по доброте душевной носил ему еду, а тот все равно ходил и грабил, даже как-то котов резать стал от скуки. Отец сказал, пришла пора долг возвращать. Они вернулись к дому, и мой отец, на глазах у молодых, выбил ему оба глаза, а потом застрелил. С тех пор к нам никто не приходил, и мы смогли спокойно помочь остальным.

Никакого лицемерства. Банальный расчет.

За все время мы помогли около пятистам человек, насколько я помню.

При мне одну, да. Продавала гвоздики белые. К ней подошел паренек, на вид шестерочка. Подошел и топором по шее ударил, та и сразу плашмя.

Так спокойно, потому что я на цветы смотрела. Как в замедленной съемке они летели на землю, потом на долю се-

кунды оттолкнулись. Лепестки покрылись кровью и пылью. А на бабушку не только я не обращала внимания. Вы на своих живых не часто-то смотрите, зачем же тогда на мертвых оглядываться?

Прошел год с этого уже? Я до сих пор отойти не могу. Может, мне не нужно было переживать это? Броситься под нож какой-нибудь или с крыши? Оказалось, вокруг мои друзья-убийцы, никто не упустил возможность. Да, вторая пачка пошла. Много курю, поскорее бы уже скуриться окончательно. И наркотики, да. Все сразу, лишь бы не вспоминать об этом. Сначала они кричали за новую Россию, потом они уничтожили старую. Страна действительно поменялась. У власти остались те же самые люди, просто теперь они выглядят моложе. Кто мог себе позволить, спрятались в бункерах и смотрели, как убивают людей. Смешно, ты всю жизнь трастишь на... на... на Россию, а тебе в итоге говорят «пошел нахуй». Оппозиция так и говорила, что будет.

Молодые оказались самые озорные. Представьте детей на детской площадке. По щелчку пальцев они превращаются в зверей, достают карманные ножички и идут убивать. Я не часто говорю убивать? Часто, знаю. Травма.

Недавно я понял как людям нравится давать животным человеческие свойства, характеристики. Нам нравятся кошки. Они животные. А вот как человека надо обидеть, его называют как? Зверем, да. Смешно? Нет? Дайте повод посме-

яться.

Молодая Россия. Молодая. Каков итог пенсионной реформы? Ошеломляющий, как экономист скажу. Затраты снизились вдвое; сбережения пенсионные отобрали и раздали людям, другую часть отправили в социальную сферу. Теперь не стыдно ходить в больницу. Школы стали лучше, это объективно говорю. Я сына своего из частной перевел, вот настолько лучше стало. Что еще... Смутные люди с улиц пропали, бомжей не осталось. Попрошаек – никого. Все в раз обзавелись деньгами. И кажется, мир стал лучше, а я до сих пор в переходах, узких улицах, нахожу человеческие останки.

Я считаю – и не изменю своего мнения – это было неправильно.

Жизнь стала лучше некуда. Зачем мне Европа теперь? ВВП поднялся, образование на уровне. Люди обрели силу, появилась гласность. Отныне мы свободная страна. Мы новая Россия, Молодая Россия. Кто из власти скажет нам терпеть, мы из них сами терпил сделаем. Это знают все! Армия – наша, власть – наша, культура – наша. Современность победила. Вы не поверите, насколько я счастлива жить в России.

Перегибы на местах, естественно, были, но виновники по-

несли наказание. Обратимся к статистике – эффект феноменальный. Удивительно, что никто раньше не пробовал подобное.

Россия! Россия! Россия! Мы сделали это! Страна принадлежит нам.

Естественно, я понимаю произошедшее. Я понимаю, что теперь я несу ответственность за свою страну. Виноватых больше нет, они за все заплатили. Остался только я и мне подобные. Что пойдет не так – это только наша вина.

В плане бытовом все хорошо, людей в метро чуть меньше, в магазинах меньше. Злоба испарилась вокруг. А нас, русских, ведь считают самой хмурой нацией. Но я ни одного грустного лица с тех дней не видел! Милые, приветливые, молодые русские.

У меня только одна проблема – быть молодой матерью и так сложно, а с кем мне теперь ребенка оставлять? Жить на зарплату одного мужа нереально. У нас в городе только заводы да столовки. А я дома сижу с этим выродком. Денег на няньку приходится откладывать.

Я свою дочку Россией назову, без прикола. Да, за пиво. Разбивай, Маша.

Шило на мыло, одни и те же пидоры при власти. Как вы не поймете! Они и нас достанут и убьют?

А все просто: теперь молодых дофига, все начнут плодиться, качество же жизни поднялось. Детдомы не будут го-

товы к этому, кадров кот наплакал. Врачей многих своими же скальпелями вскрывали и кололи. И на волне великого опыта они придут за вашими детьми! И вы будете не против! Только лишь бы вас не касалось? Что вам – труп бабки или ребенка. Для вас это очищение пространства, конченные су-масшедшие.

Миллениалы сраные.

ЖИЛКА

К счастью, людей собралось достаточно. Иначе это была бы не выставка, а малогабаритный позор. За стеной шумела ежегодная летняя стройка, и юные посетительницы с глубоким презрением смотрели, как мужчина пытается закрыть окно. Галерея находилась в мастерской одного небезызвестного московского художника, и выставиться в ней означало многое: признание не только таланта выставяющего, но и в какой-то степени его превосходства над владельцем. Софиты грели головы, под плащами и платьями тихо сочился пот.

Вокруг экспонатов собирались люди. За их спинами невозможно было рассмотреть предмет ажиотажа – колбы, окруженные мягким светом. Внутри таились фигуры – белые существа на тонких ножках. Над ними провели ювелирную работу: тельца покрывали маленькие волоски, похожие на хитин; в глазах, чуть меньше песчинки, замечались кровяные сосуды, мышцы и узоры вылезали из-под покрова. У некоторых было по несколько голов, у кого-то вместо тела был рот с заостренными зубами; из тела вырывались прозрачные крылья. Именно рвались! На их кончиках были заметны куски кожи. Посетители зря взгляд не отрывали. Существа внушали смешанные чувства – с одной стороны, зная, что они лишь плод рук человека, хотелось восхи-

щаться, расхваливать талант автора и оставаться пораженным красотой произведения. Однако, с другой стороны, они пугали. С каким усердием художник подошел к каждой детали, не могло не удивлять, но возникал вопрос – откуда брались эти образы? Откуда он знал, что у одного существа четыре ноги, а у другого пять, а то и двенадцать, и все разбросанные по тельцу, без какой-либо симметрии.

Люди хотели рассматривать их, но не могли. Несколько девушек, засмотревшись в глаза одному из существ, у которого, по словам автора, нет глаз вовсе, только острый нюх, закричали. Критики смеялись и положительно оценивали подобную реакцию публики.

Но больше всего привлекал внимание так называемый улей. Под толстым слоем стекла, в прямоугольном аквариуме находилось яйцо со множеством маленьких щелей, из которых вылезали лапы и головы. От так называемого улья ползли толстые корни. Под ними погибла местная фауна, что давало понять – эти существа человеку не близки. Они непривередливы, гнилое мясо легко сходило с костей, а свежие жертвы долго в мире живых не задерживались. Большая часть стекла покрывал тот же материал, из которого художник и делал существ. Самые внимательные могли заметить, что в одном из углов, намеренно закрытом от лишних взглядов, существа пожирали свою жертву и разбрасывали вокруг нее внутренности. В подобной жестокости посетители не хотели видеть ничего другого, кроме как «метафору

человека и его рождение в насилии». Подобный абсурд, совмещенный с красотой работы, мастерством автора и охающими зрителями, создавал неопишемую атмосферу триумфа. Только непонятно – художника или существ?

Около одной из колб стоял студент. На его лице росла щетина, под глазами наворачивались круги. С глубокой печалью он смотрел на экспозицию с изображением мух и комаров в полете; их крылья покусывали белые то ли пауки, то ли жуки. Больше всего студента поразило, как слажено работают эти белые существа: на дне колбы один из них, самый крупный и увесистый, покрывал добычу тем же белым материалом. Студент простучал ладонями по пальто. На него нахлынула мысль, что они уже сидят на нем и готовятся напасть.

– Испугались? – послышалось из-за спины.

Это был невысокий мужчина с молодым лицом, но уже седеющими волосами. На его лице читалось спокойствие, отсутствие какого-либо любопытства, будто он спрашивает что-то не более чем из вежливости или автоматизма. От одежды пахло краской, под ногтями виднелась засохшая глина. Мужчина осмотрел студента и неумело улыбнулся.

– Мне показалось на секунду, – тихо заговорил студент, – что они все, белые паразиты, посмотрели на меня. А зачем им смотреть на меня, если на мне нет одного из них? Вот я и в ступоре стою.

– Почему вы считаете их паразитами? Они не паразиты.

Разве они бесчестно поступают? Как мне видится, в их поступках все прямо и открыто. Хотелось бы, чтобы таких среди нас было больше.

– Вы думаете, у нас и так хищников мало? – удивился студент. – Тут, вот, целый зал таких.

– Я тут с вами не соглашусь. В этом выставочном зале я не вижу никого, кроме жертв.

– Тяжело художнику, должно быть, жить. У него акцент всегда на хищниках, а другое – жертвы – они никакие. Он изображает их в таком состоянии, когда им уже никак не можешь.

– Простите, а как вас зовут?

– Николай Калинов, – студент протянул руку. – А вас как?

– А я – Сергей Петраков, – мужчина пожал руку Николаю. – Очень приятно познакомиться.

– Взаимно. Понимаете, мне вот это современное искусство, мягко говоря, до края и колокольни. Литература – другое дело. Сергей, в прозе почти всегда есть автор, как бы он ни пытался скрыться. Где вы видите здесь автора?

– Это вы мне скажите.

– Я вижу его вот здесь, – Николай показал пальцем на обкусанный труп мухи. – Или вот здесь, – палец проплыл по воздуху и остановился на теле коровы, из головы которой вылазило четырехногое существо с огромным рогом.

– В чем-то вы правы. А вы знаете что-то об авторе?

– Нет, и мне, честно говоря, все равно. Я сюда пришел с

подругой, это больше в ее стиле.

– Коля, вы человек очень тонкой души, – Сергей положил свою руку на плечо студента, но тот резко вывернулся. – Простите. Не могу привыкнуть к тому, как русские реагируют на близкие контакты. Сейчас я, возможно, уничтожу маленькую магию, возникшую между вами и произведениями искусства вокруг, но художник действительно во всех работах здесь ассоциировал себя с жертвой. На то есть свои объяснения. Я думаю, вы не будете против узнать об этом, например, за сигареткой? Тут очень душно, и словами бросаться среди посетителей... Знаете, уши у всех загребушие. Я вас не отвлекаю? А то, знаете ли, набросился тут сумасшедший, языком щебечет.

– Почему бы и нет? Давайте, действительно, выйдем, а то не по себе становится.

Вечером бар был забит людьми. Никто из них даже не подозревал, что в соседнем помещении проходит выставка. Кто-то плутал и случайно заходил, всматривался и не понимал, куда подевался их источник алкоголя. Коля уже стоял у выхода, как услышал крик Сергея:

– Коля! Я возьму нам водочки, ты не против?

– Давайте, – ответил он и хлопнул дверью.

На улице дул холодный ветер. Вдоль дороги сидели рабочие в оранжевой форме и делили на шестерых две сигареты. Их руки покрывал толстый слой пыли, в движениях прослеживалась дрожь. Рабочий день подходил к концу. Все

с нетерпением ждали команды прораба. С другой стороны улицы их с презрением рассматривал полицейский. Студент закурил, покосившись на своих соседей, и отошел в сторону. Вскоре из бара выскочил Сергей с двумя рюмками в одной руке и яблоком в другой. За ухом невероятным образом уместилось три сигареты.

– Ну, Коля, за знакомство для начала, – он протянул рюмку студенту. – Ты не бойся, там ничего не подсыпано, и никаких белых существ нет.

– Зачем вы это говорите?

– Потому что я бы из рук незнакомца пить не стал, даже если бы только после этого мы стали знакомы. Они не стали резать яблоко, ты не брезгуешь? Давняя советская традиция одним яблоком закусывать. Оно при этом обязательно должно быть до боли холодным и жестким.

– Зачем соблюдать традиции давно вымершего государства?

– О мертвых либо плохо, либо никак, но ценить их вклад... Ладно, мы здесь с тобой не для этого. Ну, Коля, еще раз – за знакомство. Ох, хорошая. Ты не против, я первый надкушу? Спасибо, – по губам потекли кислые капли. – А теперь, собственно, расскажу тебе об этом художнике, потому что никто другой тебе не расскажет. Дело, собственно, в чем. Давным-давно, я тогда преподавал в школе искусств, был у меня студент. На вид сначала – обыкновенный парень, а потом присматриваешься и понимаешь – отсталый.

– Это вы грубо.

– Это я еще мягко. Отсталый в смысле от социума. Это проследивалось в походке, такой, будто он парит над землей, погашенном взгляде, реакция на вещи – тоже непонятная. С одной стороны – парень видит плоть, кровь, мясо, дерьмо, убийства и тому подобное, и никакого внимания не придает, будто будний день. Увидит бабочку – кричать начнет, размахивать руками, ругаться, чуть ли не за голову хвататься. От некоторых вещей впадал в транс. Был у нас выезд в область на электричке. Он сел у окна. Едем, общаемся, а он молчит. Ладно, молчание – самый важный навык в жизни, внутреннюю мысль художнику терять нельзя. Вдруг он вскакивает и становится перед окном, чуть ли целует – за ним поезд едет, параллельно электричке. Я с остальными учениками тоже встаю, смотрю, пытаюсь понять, что же такого он увидел. Некоторые даже от его резкого движения расчехлили камеры с новой пленкой. За окном, естественно, ни черта, кроме вагонов. Мы разочарованно вернулись на места, а он продолжил так стоять. Электричка глазеет на него, смеются, мол, «и это мы еще деревенские? Смотри, как москвич пялится, никогда мира не видел». Я его и за руку тяну, и на ухо говорю, что негоже смущать всех и себя позорить. Еле-еле вывел его из вагона.

Откуда он родом и что за семья, я, честно говоря, не помню. У меня он долго не продержался. Общался мало, скрытный был, работы хороши, спору нет, но посредственные и

однотипные. Виднелся талант и вложенные усилия. Заваливать его я смысла не видел и, хрен с ним, перевел его на второй курс, дипломный.

– При чем тут общение? – возмутился Коля. – Разве это определяет художника?

– Нет, конечно. Но это его первый способ достать себе хлеба. Коллаборации, взаимопомощь, обмен мнениями – это все заставляет художника двигаться дальше. Иначе в один прекрасный день тебе никто не отсыплет, никто не укроет от дождя и в лицо плюнет вместо того, чтобы одолжить денег на краски для шедевра. Ты должен понимать, что второй курс, так как дипломный, гораздо тяжелее. У меня-то он кое-как выезжал, и глаза на опоздания с проектами я закрывал. На втором жалеть не стали. Вел тогда второй курс мой учитель и наставник, Виктор Изософич Крыжников. Ох, это ФИО я как заклятье себе под нос бубнил, нагоняя на своих врагов чуму, ад и беды. Жесткий тип, и тогда хватило бы сил и храбрости – убил бы, честное слово. Взял бы со стола рубанок и разбил черепушку. Вырос и понял, что он не со зла все это, а чтобы воспитать в нас стойкость; чтобы мы к себе становились требовательнее.

Виктор Изософич тот еще старик был, консерватор от мозга до костей и, увидев такого кадра как Женя – и тут только до меня дошло, что я забыл его даже по имени назвать – сразу же поставил себе цель любой ценой его выкинуть нахрен из школы. За каждый пропуск выебывал, за задержку

проекта – вытаскивал изнанку, драл и обратно засовывал. Так Евгений и висел у него вечно на последнем шансе, но все равно как-то выживал. Виктора Изософича, царствие ему небесное, наличие такого студента не радовало. Что странно – я впервые видел, что он, знаешь, горел желанием от него избавиться. Тогда я решил остаться в своей альма-матер и часто встречал Виктора Изософича. Тот приходил к себе в кабинет и часами говорил о том, какие все хорошие, а Женя – скотина, мразь и не художник. Меня, кстати, винил в том, что я воспитал его хамом и размазней. «Кранты этому подкидышу, Сережа, кранты! Уделаю, сделаю из него гипс; остаток дней будет натурщицей».

Женю я видел нечасто. Ну, мы с ним пересекались взглядами, не более. Но как-то у нас сложился разговор. Я сидел в кабинете Виктора Изософича, курил в окно, ливень шел кошмарный. И вижу с дождем сливается Женя. Я ему кричу: «Придурок, давай внутрь! Ты же замерзнешь. Пулей сюда!». А он стоит, хоть бы что. Выпучил глаза, на меня смотрит и капли собирает на ладонях. В общем я выбежал за ним, за руку привел его, напоил чаем. Даже спасибо не сказал, но по глазам видел – благодарен. На разговор Женя настроен не был, и я решил заниматься своими делами. Так прошел час, потом два, потом три. Собираюсь домой, а он неподвижно сидит. «Женя, ты чего?» – спрашиваю я. Тот, чуть ли не плача, спрашивает: «Почему Крыжников меня ненавидит?» Разговор вышел долгий, но эффективный. Я не знал, что мо-

гу разговаривать так. По-отечески, что ли? И вместе с дождем прошла в нем тоска; поднялся падший из грязи. Ушел с улыбкой, пообещав всем показать, на что он способен.

– А что вы ему сказали? – заинтересованно спросил Коля.

– Что все консерваторы придурки. Что ради пары контактов можно подыграть. Что искусство не заканчивается на преподавателе или школе. Оно длится всю жизнь, и нет лучшей мотивации, а заодно и чекпоинтов, чем список людей, чей уровень ты перешел. Совет, конечно, не под стать педагогу, но я рекомендовал подыгрывать преподавателю, а при первой же возможности заставить его пожалеть о своих словах.

Парень за неделю переменялся. Сначала слег с болезнью, и я слышал от других студентов, что он почти при смерти и скатертью ему дорожка; что он бредит, на звонки отвечает и несет чушь про рабов и господ. Стоило в тот момент самому позвонить, убедиться, но времени не было. Работа, а на себя времени – мизер. Да, да, знаю, не оправдание, но и ты пойми. У тебя никогда не было такого, да? Ой, не обманывай себя. Люди страдают вокруг каждый день, и рано или поздно это надоедает, и чтобы совесть не мучать, самое главное, один раз отметить, и все. Спасение утопающих сухим не сделать. Пусть сами тонут, но нам-то зачем? Что, выпьем?

– И так вы учите студентов взаимопомощи?

– Не взаимопомощи, а повязанности. Один облагается – знак другим, каждый контакт, по сути, вынужденный. Лад-

но, не чокаясь. Ох, лучше стало. В общем – вернулся он спустя неделю и такой весь ухоженный, нарядный стал. Приоделся, подстригся, побрился, привел себя в порядок. Одно наслаждение любоваться. Это я не только от своего имени говорю – я люблю тех, кто следит за собой – а еще от имени всех преподавателей и множества студентов. Да, Женя прославился своими, – Сергей нарисовал воздушные кавычки, – предсмертными бреднями. До этого тоже были поступки, упоминания, как по мне, в хорошем ключе недостойные. Вернулся и взялся за учебу. Ни одно занятие не пропустил, если и отвечал, то по делу. Виктор Изософич даже удивился. Только хочет выругаться, а повода нет. Изменения на лицо буквально. Коля, отойди, пропустим машину.

Коля не заметил, как они с Сергеем шли по дороге. Сзади нетерпеливо рычал экскаватор. Они зашли на бордюр и закурили. Дома вдоль улицы блестели новой шпаклевкой. Из земли торчали закрытые черными пешками провода.

– Похожи на муравьедов, – прокомментировал Коля.

– Какое воображение, – удивился Сергей. – Но не стоит забывать, что муравьеды головой в землю уходят, чтобы достать себе пищу. А этот, видимо, не осилил.

– И вместо того, чтобы помочь зверю, его замуровали в бетон. Ничего не напоминает?

– Твои дерзости неуместны. Ты не знаешь всего. Плюс он перестает быть зверем.

– Он становится трупом.

– Позволь, продолжу. Подходило время диплома, а перед этим у нас проходит выставка, на которую мы приглашаем различных авторитетных личностей из мира искусства, чтобы, раз, показать, что будущее в надежных руках; что ваших детей мы тоже готовы принять; три, даруем оценку людей, чья критика непоколебима. Я, естественно, надеялся, что Женя примет участие. Как-никак, уровень его работ подрос, взгляд стал шире и разборчивей. Какой у меня был шок, что его имени в списках претендентов я не встретил. По пути домой я поймал его у метро и предложил выпить кофе. Он неохотно, но согласился. Женя сильно удивился тому, что я начал его уговаривать подать заявку, сделать что-то эдакое. Знаешь, что он мне заявил? «Я считаю мнение этих людей избитым, да и я не настолько хорош, чтобы выставляться». Абсурд! Тебя тут учат тому, как общаться с людьми, как продавать свои творения, как отличить второсортное дерьмо от актуальной повестки времени. Тогда у нас – я не могу сказать, что именно у Жени, ведь в возникновении идеи всегда есть две стороны: кому пришла мысль и окружение, спровоцировавшее его...

– Спровоцировало сознание человека, которому пришла мысль.

– Да что ты говоришь? – кривлялся Коля. – Так вот. Мы решили совместить так полюбившийся консерватизм с новым методом. Это была идея Жени. Он рассказал мне про три дэ принтеры и совсем недавно появившиеся три дэ руч-

ки. По сути, игрушка для детей за баснословные деньги, но он уже тогда мог сделать с ней такое... Птицу, которая полетит, стаю волков, и она укусит. Топорный я человек, но сдержался сказать, что это все игрушки и недостойно искусства. Решил, ладно уж, выходит-то что-то невероятное, а если еще и чернозем с хорошей идеей будет, то у него есть все шансы получить хорошие отзывы.

Он работал и работал много. За несколько дней превратился в заводную куклу. Брал себя, знаешь, ключ вставлял и так на учебу, оттуда домой, снова заводил, и повторить. Думаю, он рекорд успел поставить по количеству дней, проведенных без сна. Смерть ходила по коридорам, но никого с собой из принципа не забирала, достойных на пути не встречала. Все жизненные соки уходили в работу; каждую каплю из себя жал, хватался, душил и выжимал! Берешь свое тело, как полотенце скручиваешь, хоп, и выжимаешь, и кровь – твоя жизнь, твое искусство – стекает, и потом разжимаешь пальцы, плоть пустая падает в чан, шипит и... Так рождается искусство.

– Я не так это вижу, – сказал студент. – Вам точно нужно еще брать?

– А ты не будешь?

Они вернулись обратно в бар-подвал. Людей стало больше. В стаканах плавали коктейли, на губах сох алкоголь. У всех на ушах были объекты с выставки в соседнем зале. Бармены по очереди сменяли друг друга. Ходили смотреть, об-

суждали и пугали девушку-администратора. Та закрывала глаза и просила перестать описывать «тех чудовищ». Ее реакция их веселила. Авторитетные художники сидели отдельно и обсуждали увиденное. Между посетителями ходил слух, что – *тот самый художник* – был среди них.

– Градус разговора поднимается, – продолжил Коля, – я думаю...

– Ты не думай, а пей, – сказал Сергей, – ладно, так я шучу. Не очень смешно, да?

– Да, будто вам погано и вы пытаетесь другое настроение словить.

– Нет, это не так.

– Да так-так, что вы мне рассказываете.

– Не волнуйся, сейчас я закончу и не буду тебя мучать больше, – расстроено сказал Сергей.

– Да не в этом дело, не обижайтесь. Просто вы достаточно много и подробно рассказываете, будто вам выговориться надо.

– Конечно, а как иначе? Какой есть смысл разговаривать, если человеку нечего сказать?

– Ну, люди же как-то общаются.

– В основном пиздоболят и болтают лишнее. Так вот! Наступил тот самый день – выставка! Она проходила в нашей школе, в одном из лекционных помещений. Огромные окна занавесили, поставили дополнительно освещение. Студенты с утра и до на ножах. Волнуются, и не зря. Крупный шанс до-

казать свое имя. Некоторые после такого вообще его лишаются. Мне хотелось как-то помочь и уговорил Виктора Исо-софича. Тот ни в какую не хотел, отмахивался, обвинял меня в привязанности, нельзя иметь любимчиков. Мужик он грубый, конечно, но внутри души добрый, ценящий людей вокруг. Помог. Во время неофициальной встречи с гостями он рассказывал об успехах студентов и раз-другой упоминал Женю. Тактично так, не переусердствовал, как это обычно бывает. И вот, выходим мы, такая, мерзкое слово, делегация. Подвыпившие, куда без этого. В предвкушении продолжения – у нас принято на выставках угощать, да. Вот эта – плохой пример. Ни одной бутылки. Хотя мне иногда кажется, что, когда угощений мало, это в какой-то степени еще хуже.

– Вас сильно волнует алкоголь, да?

– Ты меня-то видел? И тема грустная, что ты выживаешь? Все мы люди. Алкоголь – великая вещь. Катализатор общения, сыворотка правды, трупный яд – все подряд и за гроши. Думаю, он никому не нравится. Он необходимая часть общения. Одним, кто этого не любит, он помогает вытерпеть этих омерзительных людей. Другим, работающих языком, дает простор, расслабляет связи. Я не вижу, чтобы ты не пил, хе-хе.

– За компанию. Для общения, это вы правильно подметили. Как в итоге прошло все?

– Хотелось сказать «прошло и слава богу», но... – Сергей отставил стакан и закрыл лицо руками. – О господи. Так

смешно, ей-богу. Не первый год работаю, а каждый косяк свой отпустить не могу, ношу с собой. И выводы делаю, и мнение меняю, а продолжаю его в себе нести, как шелуху, окурки, кожуру. Лишний вес. Заходим в зал, а там первым делом стол с алкоголем. Первое слово, каждый гость благодарит за приглашение, дает наставления. Все пьют, потом еще говорят, потом еще, и только после этого все расходятся по залу смотреть работы. Несмотря на то, что искусство как область деятельности распространяется все дальше, специалисты жестче не становятся. То есть, представь, каждый может сегодня попробовать заниматься рисованием, музыкой, фотографией. Входной порог упал ниже некуда. Где фильтр? Где люди, которые должны в один прекрасный момент ударить бездарного неуча по голове, пресечь его графоманию и пустословство?

– А почему это кто-то должен решать?

– Потому что сегодня, когда каждый второй занимается делом святым не от мира сего и видит в себе такое же божество, которому и прислуживает; что он лучше остальных потому, что он подчиняется. Таким темпом мы окажемся в мире Богов, спустим небо на землю и – поверь мне – уничтожим, засрем и будем называть это искусством. В этом и проблема современного искусства. Что оно больше не искусство, а рутина. Ты же, говоришь, литератор. Вспомни тех людей, кто напивается быстро и начинает тебе напisyвать, метафоры на метафоры вставлять, эпитеты вездесущие? Видеть вот

в этом стакане, – Сергей прислонил к лицу рюмку, – видит олицетворение схождения времени и...

– Муть все это и чушь, – оборвал Коля. – Графоманы.

– Вот, а с другой стороны...

– С другой любое творение – это работа над собой. Пару лет – возомнили себя художниками и забили. Окей! И хорошо! Если им помогло решить свои личностные проблемы, то что в этом ужасного?

– Потому что искусство, блять, не панацея, оно еще и катализатор! – закричал Сергей; посетители вздрогнули и обернулись. – Потому что человек поймел и бросил! Потому что наследил и свалил! Потому что искусство – это не средство, это верховное дело. Это рождение! Мать и отец.

– Все, хватит! – Коля закрыл Сергею рот и злобно проговорил. – Что было дальше?

– Я рад, что тебе стало интересно! – улыбнулся Сергей. – Осмотрели работы, пожалели, не стали ничего оскорблять, просто на имена не смотрели. Подходим к Жене и... Женья сделал хорошую работу, качественную. Он сделал ручкой объемное животное, не помню только, какое. Оно лежало на спине, задрав лапы заочеченвшие, со вскрытым брюхом, и внутри брюха был город. Сталинские высотки, шоссе, общественный транспорт, метро. Очень круто, у меня даже дыхание перехватило. И мысль отличная. Но Виктор Изософич с гостями-друзьями, видимо, не вынес этого оскорбления.

– Почему это оскорбление? – недоумевал Кирилл.

– Я до конца не понял. Точнее понял, но говорить не буду. Наверное, типа, художник – зверь, который сожрал жизнь материальную, сдох, и теперь разложение, гной травит живых. А разложение – его творчество. Как же сильно их задела его работа, ты бы знал. Они буквально расшвыряли, кулаки сжали, голос подняли и стали крыть его критикой. Такой черствой, надуманной, чисто на эмоциях. Он стоит, в глаза им смотреть не может, руки в карманы. Как будто пьяный отец сына отчитывает, но не ради того, чтобы, ну, семейное наставление, а именно ради крика. И сделано плохо, и идея скупа, и не вливается в выставку – при чем здесь это, не ясно – и еще что-то. А я смотрю и вижу, как у Жени слезы собираются, на краю держатся. Он на меня смотрит, и я не знаю, что делать. Казалось, что все в мою сторону смотрят и ждут слов. Слов спасения. Как должен был поступить наставник? А друг? А враг? Впал в панику. Стою и со стороны вижу, как неловко рот открывается, улыбку строит, взгляд возбужденный, пытается серьезным показаться. Ничего лучше, чем промолчать и отвернуться, я придумать не смог. Женя прошмыгал носом, взял свою работу и ушел. Хотел за ним побегать, но обязанности заставили остаться.

– Ты скотина, Сережа, – холодно сказал Коля.

– Да я знаю. Пойдем покурим?

– Да, покурим, и я пойду.

– А я останусь. Выпью еще, не могу себе этого простить.

Я так много мог потерять там, знаешь? Работу, имя и...

– Ты человеку жизнь загубил?

– Загубил? – Сергей поднес ко рту зажигалку. – Ох, наоборот! Я породил гения. Вот ты видел объекты, ты слышал посетителей, чувствовал реакцию. Разве это было бы возможно без моего вмешательства?

– Предательства.

– Да пошел ты. У тебя есть свое место в жизни? Буквально и духовно? Нет? Ты молодой, ничего не понимаешь. А я взрослый, ничего не понимаю. Вот от скуки и обиды пью. Ой, девушка, простите! – Сергей ухватил девушку за плечи. – Все хорошо? Я просто выходил, и, ну, не заметил вас, простите.

Девушка убрала с лица волосы и выскочила из рук Сергея. Выглядела она под стать выставке. Лицо накрашено. Волосы светлые, кудрявые. Кожаное пальто, белый свитер и джинсы, поношенные кеды. Пытаясь скрыть свое смущение, она осмотрела свою одежду. Ее не волновала строительная пыль или песок; ткань стерпела не одну зиму, и относились к ней беспощадно. Девушка была молода, но время оставило на ней грубый след, не скрываемый косметикой. Придя в себя, она сказала:

– Мужик, от тебя несет. Скажите, – обратилась девушка к Коле, – а выставка Ливера здесь проходит?

– Кого? – удивился Коля.

– Да, девушка, здесь, – влез Сергей. – Вы, прежде чем зайти, должны еще один раз меня простить. Как учителя гения –

человек, который выставляется здесь, раньше был моим учеником.

– Класс, – она вскинула руки. – Могу поздравить вас. Это сарказм, если что. Уйдите с дороги, пожалуйста, я ищу человека.

– Его здесь нет, – холодно прошипел Коля.

– На ножах девка, ну а что? – Сергей потушил сигарету об мусорку и потянулся за второй. – Не знаю, кого она ищет. Да, Коля, жизнь – тяжелая штука, и где-то я уже такое слышал. Приходится ежеминутно делать выбор, и каждый, ей-богу, хуже предыдущего. Ты меня спросишь, а жалею ли я об этом? Виню ли себя? Я надеюсь на это, но, увы, точно сказать не могу. Смириться со своими смертными грехами очень сложно. Не на суде, но судим каждый день. Тебе выставка понравилась? Я когда смотрел сквозь одно из существ, которое самое маленькое, мне чувствовалось, что я в душе чужой утопаю. Вот эти глазом насквозь вижу, за чудическим – стена, но, возвращаясь обратно в ту часть мозга, отвечающую за зрение, видимо, свет перехватывает содержимое внутри и... Сбился с мысли, ладно. Так, хватит курить, а то блевать начну, а мне домой еще нескоро. Вот, смотри, что мне стоило предательство.

– Вы слишком сильно загоняетесь на этот счет.

– И что? Может, я мазохист, и мне нужны обвинения. Честно сказать могу вот, на нетрезвую. Кто меня пороть тогда будет? Кто? Ладно, отчаливаю. Еще раз спасибо тебе, Ко-

ля, что выслушал. И помни – захочешь к нам учиться, поступить – приходи. Скажешь – к Петракову, и обязательно место тебе найдем. Парень, я вижу, ты толковый. Ой, блять, девушка!

Дверь бара открылась и оттуда выбежала та самая девушка, которая зашла минутой ранее. Она села на асфальт и опустила голову в колени. Сергей подошел к Коле и прошептал на ухо:

– Ты сам с ней разберись; мне вот этих разговоров на нетрезвую голову с девушками хватило. Два развода! Все, бывай.

Коля посмотрел вокруг. Загорелись фонари, стемнело. Ничто не заставляло его оставаться там, кроме любознательности, подкрепленной спиртным. Он себя карал за это: разве можно жить так, что люди вокруг – соседи – интересны только под аффектом, а до этого их просто нет? Подошел бы он к ней на трезвую голову? Боже упаси, нет. Прошел бы мимо и неприлично бросил бы взгляд, оценил печальную на бордюре. В ушедшем с Сергеем разговоре Коля понял, что некоторым людям жить очень скучно, и в себе он чувствовал подобное. Способов победить тоску множество. Сегодня он решил выбрать иной.

– Девушка, а кого вы искали, если не секрет?

Он сел рядом с ней и протянул сигарету. Закурили.

– Подругу. Я ее очень давно не видела, и я думала, что она сегодня будет здесь.

– С чего бы это ей быть сегодня здесь?

– Потому что она... Я могу ошибаться, там странное дело творится, но она девушка художника.

– Жени что ли? Вот я с его преподом тут несколько часов общался. Слушайте, давайте уйдем отсюда? Там мент через дорогу злобно смотрит.

– Да, погнали.

Коля помог девушке подняться, и они вместе зашагали в сторону Москвы реки. Она была ниже его на голову.

– Как тебя зовут? – поинтересовался Коля.

– Власа, а вас?

– Зовите меня Коля. Очень приятно.

– Взаимно.

– Вы уверены, что вашей подруги там нет? Место не то чтобы большое.

– Уверена. Я бы ее сразу узнала. Она художница, но не одна из этих, типажом они бы не сошлись бы. Ты же понимаешь, о чем я? Бритые, крашенные, поношенные. Я художница, да, блять. Вот как я, только я не художница. Я просто бедная.

– Печально слышать.

– Не, все по делу, не парься. Ты сказал, что общался до моего появления с...

– Это был Сергей Петраков, учитель Жени.

– Какого Жени?

– Который выставлялся внизу с...

– Его зовут не Женя же, а Вася. Василий Ливер. Вот, смотри, его так анонсировали и его работы там под этим именем. Неужто этот черт еще и имя свое скрывал? Серьезно? Серьезно? Может, у него и фамилия-то на самом деле не Ливер? Не, тут же какая реклама, наверняка все по договору. Или нет, подставное лицо. Боже, как всего много.

– Почему ты пыталась здесь найти свою подругу?

– Я уже говорила.

– Но ты как вбежала, будто ее там в заложниках держат.

– Я ее не видела несколько месяцев. Мы не общались, сейчас посмотрю, с... с... Боже, шесть месяцев я достучаться до нее не могу! Она будто сквозь землю провалилась, но все равно рядом. На улицах ее иногда встречаю.

– Да ладно?

– Мне кажется. Галюны, должно быть. Смотрю в проезжающий поезд, а там она от меня отворачивается. Иду по улице и вижу ее волосы среди толпы. Слышу голоса, и там один ее не дает виду, оттого и самый громкий. Про волосы-то смешно. В последнюю встречу я ее видела. Обрилась. Говорит, ей так нравится, и парню тоже. Чудные волосы. Я их потом нашла и до сих пор храню.

– Крипово это, Власа, пугает.

– Да не ссы ты, – она ударила Коля кулаком в плечо; слегка, играючи. – Куда деваться?

– Она ни с того ни с сего пропала?

– На самом деле, если быть честной, там очень длинная

цепочка событий, которую вряд ли тебе было бы интересно выслушивать.

– Я вытерпел того мужика. С тобой хотя бы мы в одной исторической эпохе.

– Да что ты? Он же не такой старей. Но время летит быстро, да-да-да, я понимаю. Окей, я тебе по пути расскажу. А ты мне, пока идем, скажешь, зачем тебе слушать незнакомых людей.

– Чтобы потом о них писать?

– Дурак. Может, я тебе вру. Так даже лучше, да? – Вла-са ехидно улыбнулась. – Хрен с тобой. История такая. Давным-давно моя подруга внезапно пришла к мнению, что она художник. Человек искусства и подобные бредни. Мы тогда с ней были в нестандартных отношениях, и я пыталась ей помочь. Рылась в интернете на эту тему, пыталась тоже быть в теме. У нее глаза полыхали, а выходило, мягко говоря, отстойно. А как я ей скажу, что это плохо? Она и так мнительная, себе на уме. Абстрактные рисунки, мазня. Как бы сильно я ее ни любила, но признать подобное искусство было выше моих сил. Мое безразличие, за которым я скрывала поддержку, на ней отразилось грустью. Близкий человек отказывается смотреть, как ты душуливаешь... Как тут не расстроиться?

И тут – о чудо! – прекрасный день. Маша, так ее зовут, возвращается с выставки, полная счастья. Сказала, что познакомилась там с каким-то молодым человеком, разговари-

лась, и тот предложил ей помочь в нахождении себя, наставлении на правильный путь. Отлично, думала я, вот у нее появился учитель. Он-то ее на чистую воду выведет, скажет то, что я боюсь сказать, и она прибежит как милая в поисках утешения. Виделись они сначала редко, раз в неделю максимум. О каждой их встрече Маша рассказывала с пеной изо рта. И вот он ей показал, как по камню работать, и как правильно цвета смешивать, и как материалы правильно подбирать, и кучу другой фигни. Книги ей давал. Коля, я никогда в жизни не видела, чтобы она читала или говорила о литературе. Но после его слов, будто под гипнозом, ночами читала и по утрам мне рассказывала. «Знаешь ли ты то... Знаешь ли ты это...» Дурочкой меня выставляла, хвасталась свежими знаниями. Сдерживалась, молчала. Пару раз ругались, но ничего серьезного. Маша ведь тонкая натура. Крикнешь – сломается, погубит себя. В детстве баловалась тем, что резала себя, трогала там, о чем в детстве не думаешь.

Маша после школы поступила в художественную школу. Я была не в себе от злости! Почему? Потому что она свою жизнь на какую-то чушь собралась просрать. Но она меня слушать даже не хотела, потому что Вася, истинный художник, заболтал ей голову истинным потенциалом. Все, решила я, этот чувак – сектант, никак иначе. Подсмотрела его контакты, созвонилась и предложила встретиться. Блаженный голосок, будто укуренный. Встретились. Внешне – не от мира нашего. В тряпье, на теле мешок картошки висит – про-

женное окурками пальто, джинсы в дырках. Встретились, и говорю: «Давайте где-нибудь приземлимся. Кофе выпьем». – «Нет». – «А пиво?» – «Нет». – «Может, поедим?» – «Я не ем». Понимаешь? Сначала мне показалось, что он со мной разговаривать не хочет, но зачем тогда на встречу соглашаться? Мы с ним почти молча дошли до Нескучного Сада, и там меня передернуло. Я высказала все, что думаю о Маше, наших отношениях и моем мнении о ее художествах. Он спокойно выслушал, не отрывая от меня глаз. Даже страшновато стало. И потом он мне такое выдает... Могу ошибиться в формулировках, но суть ясна: «Власа, нельзя сказать, кто человек искусства, а кто нет. Выражать себя – еще не значит быть художником. Это практика, работа над собой. Способ смириться с жизнью, отпустить лишнее, отдать в небытие обиды. Сейчас вы просто ставите под сомнение возможность вашей подруги достичь этого. Иными словами, обременяете на постоянное кипение. Она сама приходит ко мне, и, насколько вам известно, в отличие от сект и церкви я с нее ничего не прошу. Ей интересна глина – она приносит глину, дерево – дерево. Надо высказать мысль – я повторяю ее с ней, чтобы мы оба поняли. Вы подумайте. Если бы у нее все было действительно так хорошо, чтобы не даже думать об этом; если бы у нее были люди – мусорные баки – в которые сливается пережитое, стала бы она видаться со мной?»

Он говорил это с устрашающим спокойствием. Не как менеджер или продаван, кто столько раз повторяет одну фразу,

что начинается с насмешкой ею бросаться, как козырем; не как священник, не было в его словах цели убедить. Согласилась бы я с ним или нет, он остался бы при своем, так еще и приобрел бы. Более в их дела я лезть не стала, надеясь только, что ее новое хобби – легкая интрижка. Побалуется и забудет. Что уж скрывать, я немного ревновала ее.

Но потом вскрылось такое, от чего я был в таком шоке, что... Неважно. Пришла ко мне Маша и говорит, что у нее будет полноценная выставка. Я удивилась. Откуда у нее работы на это? Что за идея-то такая? И она сказала, что Вася, тот самый художник, вынашивал одну идею, и он предложил Маше ее реализовать. А идея была такая крутая, что даже меня задело. Настоящая такая, злобная, обидная... Честная короче. Она показала мне наброски, и я спросила: «Маша, это все твои идеи?» Краснела. Оказалось, нет. Большинство принадлежало Васе. Сумасшедший. Чокнутый. Как у него получалось так разбрасываться идеями? Это же его слова, его труд. То ли у него таких идей миллион в голове каждый день рождается, то ли он сумасшедший.

– Мы живем во время, когда здоровых людей нет, – сказал Коля. – Нет несумасшедших людей. Есть просто более расчетливые.

– И я так же подумала, да! Сечешь? Тут должен был быть обман, афера. Если бы только он сам был таким, как мы с тобой. А он совсем другой был. Явно из обеспеченной семьи. В речи его не было бедности. Вот у меня она была, и до сих

пор остается, а по нему сразу видно – пацан обеспеченный. Я спросила у Маши, как ей вообще в голову пришла идея выставляться с чужими работами. «Это сделает мне имя» – ответила она. Тут-то я и поняла, что она в порядке, и что она нихрена не художница, а просто тщеславный человек. Увы, от этого я ее меньше любить не стала. Наоборот, в какой-то степени стала восхищаться смекалке. На глазах разводила лоха, обманывала его своим желанием, стремлением, а тот – да-да-да, на, держи, все дам, только не бросай дело правое!

– Знаю, знаю! – ожил Коля. – Мы с другом так ходили в детстве на шахматы. Родителям говорили, как сильно нравится нам деревяшками двигать и перед преподавателем выставлялись такие-сякие, а на самом деле это было просто единственное место в городе с компьютерами.

– Вот же вы мрази, – усмехнулась Власа. – Как и все мы. Тогда я успокоилась и доверилась Маше. Пусть реализовывает свои планы, а если что, я бы тоже, так сказать, закипишилась. На выставку я попасть не смогла, к сожалению, потому что работала, но отзывы были потрясающие. Она мне накидала ссылок десять с тем, как ее расхваливают какие-то неизвестные мне имена. Стало понятно, что еще чуть-чуть, и Машу признают гением, и тогда пойдут деньги.

Вася тем временем ничего не предпринимал. Он приходил к нам в гости, запирался с Машей в одной комнате, и, каюсь, подслушивала их разговоры. Они почти не говори-

ли. Потом он сыграл злую шутку надо мной и уговорил Машу снять собственную студию. Та, естественно, согласилась. Как же художник без студии. Так я лишилась соседки и даже не подозревала, что вскоре потеряю и любовь. Съехала. В жизни стало Маши меньше, но мы все равно встречались, пили, и, сука, каждую встречу рассказывала мне о Васе. Какой он умный, какой он хороший. И перебрал чутка, прям на людях, тогда еще диджей крутой выступал, м... Спрашиваю ее, чуть ли не крича: «Маша, ты же человека обманываешь. Разводишь. Наебываешь. Скрываешь. Используешь. Ты не художница. Ты просто вор. Ты не артист, тебе просто не хватает внимания. Зачем ты тогда так о нем говоришь? Тебе он интересен? Потому что ты на нем себя сделать хочешь. Лицемерие».

– Зачем ты ей это сказала?

– Да потому что только о нем она и болтала! Обо мне не думала! Естественно, я ей нагадить как-то хотела, хоть так внимание привлечь. В итоге перегнула, блин, очень зря...

– Теперь, как тот учитель, мучаешься этим? – Коля показал пальцем в сторону бара, из которого они шли.

– В смысле? – удивилась Власа.

– Мучаешься, жалеешь, что так сделала? Хотела бы вернуть все обратно?

– Это само собой, – перебила Власа, – а причем здесь учитель-то?

– Там такая история, что учитель Васи или Жени, не знаю,

как в итоге верно, вместо того, чтобы поддержать его, отвернулся. Предал. Отдал на растерзание, так сказать.

– Да он не то чтобы отдал, он скорее подставил и бросил его.

– Не понимаю...

– А что непонятного? Помню, Маша рассказывала про этот случай. Когда он пришел к учителю, тот настоял, чтобы тот выбрал самые банальные и обыкновенные работы, чтобы наверняка проканал. В итоге их раскритиковали, сказали, что он ничтожество, и Вася не выдержал подобного. А там какая-то жутчайшая банальщина была, как они выражаются, то ли силуэт зверя, то ли натюрморт. Что-то настолько обычное и регулярное, что, увидев это, ты вспоминаешь всю рутину и повторения в своей жизни. Не выдержали, сорвались, и вот. Маша говорила, что, возможно, учитель это специально сделал, ибо Васи его конкретно задолбал. Или наоборот – помог ему сделать такой качественный средний палец, что они не выдержали. Очень странная история, если честно, учитывая тот факт... что... Вася говорил, что его учитель умер.

– Вот как, – удивился Коля, – очень запутанно выходит.

– Парень со странностями, и фиг знаешь кому верить. Давай обратно пойдем, я посмотрю, пришла ли она. После этого случая она перестала со мной общаться. Последний раз, когда мы смогли нормально обсудить все, даже помириться в какой-то степени, был, когда она пришла за своими вещами.

Ко мне. Я планировала извиниться, купила вина, сыра. Сама задавала ей вопросы, интересовалась, наливала, ухаживала. Скучаю по ней, прикоснуться снова хочется. Только ты не подумай. Понял? Так вот. Собрала она вещи, мы выпили, и она сказала, что у нее еще одна выставка прошла, где она выставила одну странную штуку. Она принесла ее в такой штуке, где пленка хранится. Внутри был темный силуэт какого-то существа. Очень похожий на экспонаты в том баре. Я спросила ее, что это, и она сказала, что выставлялась с такими штуками. Вася строго-настрого запретил открывать колбу, объясняя тем, что «они хрупкие как пленка; откроешь, и сразу развалятся». Маша вырвала у меня колбу из рук и убрала в карман. Последнее, что она сказала, что вскоре он впервые позволит ей посетить свою мастерскую. Я пыталась заставить ее остаться на ночь, но она мелкая, вырвалась из рук. Тогда я схватила ее за волосы и... Помешала уйти. С ножом в руках. Все закончилось дракой и криками. Она убежала, а я объясняла полиции, что перепила и порезалась, когда делала ужин любимому человеку.

– Ты думаешь он ее... Того?

– Нет, конечно. Он же божий одуванчик. Плюс я видела ее после. Она сильно изменилась. Обрилась, говорила же, не? Стала на него похожа. Без эмоций на лице. Ни грусти, ни печали. Всезнайка, в нирвану полетела. Да нихера. Она просто дальше считает себя особенной.

– Но ты же ее до сих пор любишь? Это странно.

– Говорю же, что мы сумасшедшие. А я не расчетлива.

Прежде чем вернуться на выставку, Коля и Власа решили перекусить. Они зашли в ближайшую кофейню. Им не хотелось больше говорить. Кофе обжигало языки, грело. Для Коли день уже затянулся, и ему хотелось поскорее закончить с ним. Вернуться домой, а лучше всего вместе с Власой. Она отворачивалась от его взглядов. Вокруг них сидели студенты и общались между собой, как бы подавая пример. Над головами жужжали лампы, в головах жужжали люди. Несколько раз они пытались заговорить, но Власа всегда сводила общение к Маше. Неловко, между словами. Стоило сказать об облаках в небе – а Маша также летала в облаках, о будущем – столько планов было разрушено. Коле становилось ясно, что надеяться на продолжение вечера не стоило. Он оплатил свой и ее кофе, попрощался с Власой и ушел. Вскоре начался дождь, и до самого утра он не утихал.

В тот день Маша питала большие надежды. Увидеть убежище – мастерскую – место, где творится магия человека, которого она признавала (хоть и со скрытыми намерениями) как мастера – не это ли счастье? Она не отрицала и боялась того, что рано или поздно Вася захочет признания, либо денег, потому, вскрыв внутреннюю кухню она сможет набрать идей на годы вперед. Однако цена была высока. Тот самый художник – Вася – обычно обходился минимумом, но в этот раз составил длинный, необычный список: глина, клей, дерево, брусчатка, стекло разных цветов, веревки, нитки, иглы,

воск... Последние пункты смутили больше всего – экстази, спиды, трава. Маша не была ангелом, как и никто из нас; когда друзья предлагали попробовать, она с радостью соглашалась и просила еще. Подсчитав, во сколько ей обойдется встреча с художником, она даже задумалась о том, чтобы отказаться, но в ее фантазиях она видела то метафорическое золото, что ждет ее после. Жажда успеха взяла вверх.

Его студия находилась на территории одной из заброшенных промзон. Охраны там не было, Маша спокойно зашла на территорию. Увидев ад вокруг – следы в грязи, торчащие из стен ржавые прутья, исписанные нецензурщиной стены – она не могла поверить, что такой человек, как Вася, мог творить здесь. Из пустых гаражей пахло мочой и калом. Место созданное вызывать отвращение. Там, где были люди – если их можно так назвать – пили и пили не щадя себя. Вдоль стены стояли бутылки, и у нее на глазах появлялись новые. Маша накрылась капюшоном. Внутри она молилась, чтобы никто ее не заметил. Откуда-то доносилась музыка. Металл. Сбоку таджики разбирали машину на части. У одного из куртки торчала рукоять пистолета. В этом лабиринте можно было потерять свою жизнь.

Мастерская пряталась в подвале. Маша задумалась, как настоящий художник снимает мастерскую здесь, пока она занимает студию в центре города. Ей стало стыдно, но ненадолго. Лестницу покрыл мокрый песок. Подбирая шаг, она спустилась вниз и постучала в дверь код. Два длинных, три

коротких, один длинный, два короткий. Удары были глухие, руки покраснели от боли. Дверь медленно открылась. Из темноты появилось лицо Васи. Они улыбнулись друг другу, и дверь закрылась. Света не было. Вася взял Машу за руку и повел в неизвестном направлении.

– Глаза со временем привыкают к темноте, – ласково говорил он. – Очищаются от всего остального. Ты, главное, не бойся.

Свет резко включился. Маша оказалась посреди огромной комнаты. Вдоль стен стояли разрисованные и изрезанные холсты. В углу шкафы, набитые материалами. Рабочее место – сорванная с петель дверь на бочках – под единственным маленьким окном, покрашенным раскрой. На полу истоптанный целлофан. Маша с раскрытым ртом кружилась на месте, пытаясь понять, куда же она попала. Она ждала чего-то большего, но сомневалась в себе – может, так оно и должно выглядеть? Беспорядок, но контролируемый. Грязь и суета, но без излишка. Вася взял Машу за руку и стал показывать ей холсты, рассказывая о каждом удивительные истории. Она запоминала каждое слово. На просьбу сделать несколько фотографий художник ответил грубым отказом.

– Не стоит портить впечатление, – холодно ответил он.

Маша боялась притронуться к телефону. Вокруг было столько всего другого! Она прикасалась к камням, покрытым краской, холстам из фольги, самодельными музыкальным инструментам. Но больше всего – и окончательно – ее

внимание захватили скульптуры. В прозрачных колбах они были разбросаны по всей мастерской. Несколько таилось у окна, пара грелась у батарей; самым крупным художник выделил полки и отдельные стеллажи. Причудливые формы не отбрасывали тени, сквозь тельца изредка проходил свет. Маша посмотрела в глаза самому крупному и закричала. Она готова была поклясться, что оно моргнуло. Нереалистичность существ пугала. Их строение, гипертрофированные конечности, оттенки в совокупности вызывали необъяснимый страх. Смотря на них, она знала, что живыми они быть не могут, и стал бы Бог давать им право жить? Как бы они омерзительны ни были, но для каждого существа есть предназначение. У моли, мухи, шершня, слона, человека... Всех не перечислить, и раз такое пришло к Васе в голову, то оно должно было появиться на свет. Апофеоз пережитого и разжеванного, собранного с основания души и... Боже, на минуту она стала воспринимать их как живых! Отбросив мысли, она подошла к Васе.

– Я принесла банку, – Маша достала из куртки банку из-под пленки. – Вернулся домой.

– Да, хорошо... Спасибо. Тебе здесь нравится?

– Тут очень уютно, хотя район и ужасный.

– Ты посмотрела, что хотела?

– Не поняла.

– Неважно. Я тебе еще одну штуку хочу показать.

Вася открыл железный шкаф, такие раньше использова-

лись под сейфы, и достал оттуда колбу с фигурой. Еще один объект, плод творения художника. Оно лежало на спине согнув лапы. Вася снял крышку.

– Бери. Только аккуратно, он еще не готов, – Вася положил фигуру на Машину ладонь. – Сделал перед твоим приходом.

– Я не хотела тебе говорить, но они меня пугают.

– Хорошо. То есть, я хотел сказать: почему?

– Не знаю. Их трогать неприятно.

– Не двигайся! – резко сказал Вася, – Смотри.

Оно двигалось. Незаметно, оно дрожало. Первые вздохи, тело наполнилось воздухом и зашевелило лапками. Ужас накрыл Машу. Ее глаза забегали по мастерской в поисках хоть чего-нибудь, что позволит отвлечься, вернуться к реальности. Галлюцинации ли это? Художник положил свою руку на щеку Маши и посмотрел ей в глаза. Спокойствие читалось в нем, а что же видел он? Испуг, волнение, желание бежать. Она хотела заговорить, но дар речи исчез, как и силы – спасительные, последние – улетучились в никуда. Мурашки пробежались по коже, что-то неприятно покалывало ладонь. Только она опустила голову посмотреть, как рука Васи дрогнула и вцепилась в голову Маши. Вместе с этим покалывания стали сильнее; они перемещались. От ладони по руке, все выше.

– Отпусти меня, или я ударю тебя! – завопила Маша.

– Нет, – Андрей схватил ее вторую руку и прижал к себе.

Теперь ей некуда деваться.

Слезы потекли из глаз. Она перестала чувствовать ног; единственное, что держало ее в вертикальном положении, это руки Васи. Все сильнее и сильнее его пальцы впивались в кожу. Маша пыталась выбраться, но художник не отпускал взгляда, заставляя ее тело коченеть. Тогда она сдалась, и они вместе упали на пол. Маша не теряла ни секунды: освободившись от захвата, она бросилась к рабочему столу и схватила шило. Дрожащими руками она направило острие в сторону Васи.

– Не подходи ко мне! Не подходи! Я убью тебя.

Художник встал и отряхнулся. Маша прыгнула в сторону выхода, но дверь оказалась запертой. Он подошел ближе.

– Я не шучу! Ты монстр! Зачем ты это делаешь?

Женские крики не внушали страха. Вася бросился на Машу, но она успела отскочить, спрятаться за стол. Он улыбнулся, подошел к столу и облокотился. Поймав момент, Маша всадила шило ему в руку. Он не закричал. Тело не восприняло боли. Внешне будто ничего и не произошло. Вдруг у нее в глазах помутнело, голова закружилась, во рту иссохло, Глаза покраснели, щипало, будто в них кислоты брызнули. Дальше ей становилось хуже. Теряя равновесие, она села на пол и схватилась за голову. Наступала боль. Невыносимая. На макушке выступила кровь. Сжимая зубы, она ползла к выходу, но без результатов. Боль оказалась сильнее. Невообразимая, что-то кусало изнутри, грызло череп. Укусы отдавались виб-

рацией, кто-то бесцеремонно кипишился в голове.

Вася вытащил шило из ладони. Кровоточило. Прежде чем промыть рану, он отбросил несколько капель на Машу. Губы посинели, тело побледнело. Красные капли, как ожоги, резко выделялись на коже. Вася смотрел на Машины мучения, иногда толкал ее ногой, проверял, не испустила ли она дух. Мать и отец, она теряла сознание, возвращалась обратно, потом снова исчезала. Он сел рядом с ней и внимательно рассматривал ее. Как волосы становились дыбом, как взгляд холодел, как она страдала. И ему было несладко. Вот она лежит, слабая, несчастная. В ней дорогу ищет зверь и ищет тщательно. Он гладил ее волосы и приговаривал, желал удачи. Шансов выжить от такого было немного, но они были, и на том спасибо. Пальцем он водил по ее щекам, рисуя слезами узоры на удачу. План созрел долго, но как прекрасны терпения плоды. Виделся ему сбор, а вместе с ним урожай. Вот она первое произведение, борется за жизнь. Маша всегда хотела стать человеком искусства, и тогда ей это удалось. Вася же сдерживал себя: несколько раз его рука проходила по ней, желая надругаться, компенсировать столь кропотливое ожидание. Но ведь как было бы обидно в шаге от успеха совершить ошибку, опростоволоситься. Свой труд Вася ценил как ничто другое на свете. Когда она закрыла глаза, стало понятно – все получилось.

***

Власа еще раз обошла выставку. Незнакомые лица в неведении восхищались искусством. В каждом из них рано или поздно может появиться творческая жилка, как у Маши. Путей множество, но верный только один. Как много вокруг напоминало ей о своей давней любви. Экспонаты не разделяли ее печали. Один, другой, третий с неприязнью провожали ее. За одним из столов лежал Сергей. В руках у него был недопитый виски. Будить его она не стала и, скрывая печаль, чтобы еще чье внимание не привлечь, исчезла в городе Москве. На улице резко похолодало. Кеды не выдерживали сырости. Может, завтра, может, через неделю она забудет о Маше, оставит ее, как и многих других, кто встречается на пути.

Между тем в туалете бара за закрытыми дверями один критик делил с девушкой кабинку. Беловидная, маленькая, никто бы взглядом не поделился. Встреча произошла случайно. Столкнулись в коридоре, парой слов обменялись, и дело было решено. Она стояла рядом с ним и смотрела, как тух свет в его глазах. Она гладила его щетину и на ухо шептала ласки. Критик-то не промах, только не знал, во что ввязался. Кто мог подумать, что Маше все это было чуждо? Ничего ее не волновало, кроме собственной творческой жилки в мозгу. Белый пластик ожил. За шумом воды и сушилки для рук не было слышно его стонов, его мольбы о помощи. Девушка держала его за руки. Чувствовалось как сердце колет

все медленнее и медленнее, останавливается. Бог дал жизнь тварям неспроста. В кабинку постучались, и серьезный голос за дверью сказал:

– Маша, нам пора уходить.

– Еще пара минут. Ты начинаешь собираться?

– Нет, пусть этот нам поможет. Как очухается, пусть аккуратно, аккуратно собирает!

За дверью стоял Вася. Он смотрелся в зеркало и приводил себя в порядок. Мягкий розовый свет не нравился ему, не сочетался с кожей. Впервые он увидел, как у него в волосах проступает седина. Сделав глоток из стакана, он вылил остатки в раковину, умылся и вышел. Многие вещи вокруг угнетали его. Стены цвета ничего, музыка ничтожна и слаба, запах веселья не продуктивен. Сплюнув табачные слюни, Вася вышел в зал и улыбнулся. Скоро наступит ночь, целебная ночь, а с ней и придет заслуженный отдых. Но рано было останавливаться. Критика ему не будет более помехой, если все увидят мир, каким он есть – как видит он. Темным, полным зависти и злобы. Дорога завалена телами непригодных, шипами брошены подставы тех впереди. Но рано или поздно они остановятся, найдут себе конец и встанут. И вот тогда из тумана глупости, неведения и собственного тщеславия появятся существа. Искренние паразиты, вот что это. Впереди Васю ждали события, долгий путь искусства и творения. Он прошелся вдоль существ и каждому отдал поклон. Незаметно для остальных, они ответили ему радостным шипением.

Последние посетительницы, две милостивые девушки, студентки стояли у открытой колбы и шептались. Они не ждали ничего плохого.

– А вдруг это идея такая? Что, мол, один из них сбежал.

– Очень круто.

Досчитав до десяти, Вася подошел к ним и сказал.

– Испугались? Еще бы, ведь как качественна работа. Позвольте представиться, а то я вижу, что вам уже не по себе. Меня зовут Сергей Петраков, а вас? Вы в курсе, что это вообще за художник, м? Странные работы...

Дождались.

РУКА

Маша, хромая, дергая то левым, то правым глазом, шла по Почтовой улице. Машины не останавливались перед ней, неслись дальше. В лицо летели гудки.

Она подошла к подвалу, где раньше был шахматный клуб. Вроде бы и давно, в пыльные и детские дни, а вроде и цифра по зубам скользит. Дверь не поддавалась. Маша кулаком стучала, а в ответ другой кулак, а то и два, повторяли за ней. Ей на голову капал смешанный со снегом мох. Ни зима, ни осень природу не победили.

– Что надо? – раздался голос из домофона.

– Виктор Григорьевич, это Мария. Дочь Виктории Бухтовой. Помните, я вам снег убирала, а вы ругались, что земля от лопаты царапается? Помните, как я гоняла за камнями для рубанка?

– Помню, да ток...

– Помните, – Маша комок проглотила, до боли. – Как у меня две руки было?

Дверь открылась, и из темноты загорелся взгляд:

– Ох, нет... Что с вами стало...

– Так шо те надо?

– Руку мне надо.

Виктор Григорьевич закрывал глаза, как бы смотря внутрь

себя. От него Маша не отрывалась, заболела шея. Виктор Григорьевич спустился с потолка и обнял Машу.

– Я тебе не помощь здесь.

– Как?!

– Ну вот так.

– Да вы с ума посходили, что ли?

– Ты-то как руки то лишилась?

– Неважно.

– Сам узнаю, – грудь Виктора Григорьевича открылась, как кухонный шкаф; меж органов и кроки вылетела веревка. Она моментально обвязала шею. – Не дергайся! Кому сказал?!

Виктор Григорьевич подполз к Маше, пока та пыталась вырвать шею из петли. На его левой руке пальцы согнулись пополам, оголяя кости. Гибкие, злобные, тянулись из ладони, образуя инструмент, похожий на конечность любого насекомого. Маша по привычке закрывала глаза, никогда любознательной не была; петля на шее скрутила ее пополам так.

– Изменщица ты! – закричал Виктор Григорьевич.

– Да знаю я, знаю, – петля на шее ослабла, и Маша утонула головой в подушку; пружины матраса резали ей кости.

– И руку отдала...

– Сам отнял! – Маша посмотрела на Виктор Григорьевича, но в нем жалости отродясь не было. – Я его умоляла, а он как ты на меня смотрел. Виновата, знаю, а что мне оста-

валось делать? У меня же вранье на лице выступило в любом случае. Честность, блин, убийственная.

– И руку отдала... Ты же на всю жизнь такой останешься, Мария!

– И это вы мне говорите? Какой же вы мастер тогда?!

– Образованный, с моралью крупной, избирательной.

– Да только хрупкой. Виктор Григорьевич, помогите мне. Как я без руки жениха себе найду? Как жить буду?

– Надо было раньше думать. Второй рукой пользуйся, – Виктор Григорьевич посмотрел на тонкую руку, свисающую, словно неживая, с плеча.

– Будто я кому нужна такая, – Маша продолжала заливать подушку слезами. – Все отвернулись, все. Семья и друзья. Даже на работе с недоверием смотрят, мужчины за свои конечности держатся, когда я в комнату захожу.

– И правильно делают! Сегодня дураков мало.

Пол переливался узорами и после слов Виктор Григорьевича становился пушистым и праздничным. Он всегда с хозяином соглашался. Стоило Маше рот открыть, ковер начал шипеть и принимать серые оттенки. Виктор Григорьевич вылез из темноты, держа в руках кружки с чаем.

– В общем, – продолжил Виктор Григорьевич, – помочь я тебе не в силах. Под тебя руку не подберешь, не срастется. Отторжение начнется, тут же видишь, – он показал пальцем на стену, обвешанную крюками с конечностями – все добрые, хорошие, но твои грехи сразу прочувствуют и спустя

пару минут после операции, если повезет, оторвутся посреди улицы. В худшем случае придушат.

– Что мне тогда делать? – молила о поддержке Маша.

– Мария, сделать выводы. Уйти в храм!

– Я заплачу, – Маша на четвереньках подползла к столу и открыла чемодан, – он отделался от меня недешево. Тут много денег, много ценных вещей!

– Вижу, вижу. Стоило ли это того, – Виктор Григорьевич пересчитал купюры, – не стоило. Мария, ты не понимаешь? У меня нет для тебя замены. Найдешь подходящий – сделаю, глаза закрою на то, где взяла. Большим не подскажу.

– А какой подходящий? – спросила Мария.

– Тот, который твой обман не поймет. А пока на, – Виктор Григорьевич стащил со стола скатерть и ловким движением рук сделал из нее накидку, – укрой обрубок этим. А то сама знаешь.

– Виктор Григорьевич, – Маша еще раз посмотрела на него, надеясь, что хоть какое-то спасение сможет в нем пробудить, но тот был непреклонен; все было сказано. Она поднялась на обе ноги и направилась к выходу.

– А чемодан?

– Я вернусь еще, – злобно прошипела Маша.

– Ну-ну.

Маша закрыла лицо шарфом. Хоть снега и зимы не было, ветер не переставал напоминать, что время года жестокое. Она шла вдоль магазинов и студенческой аллеи. Редко

появлялись люди. Старые тонули в земле, молодые ходили на поводках с матерями раз в шесть массивнее Маши. Небо солнце не пропускало, оттого все и болели; или прятались там, где отсутствие солнца – оправдание жизни. Маша ушла глубже во дворы, села на качели и заплакала. Забор качался от ветра и тихо подкрадывался к ней острыми железками.

– Пшел прочь! – кричала она, и забор испуганно возвращался на место.

Собаки плакали вдаль, где река обливала прохожих. Фонарям было рано гореть. День не знал, куда идти, оттого и окна домов сонно закрывались. Ночь могла наступить раньше обычного, Маша знала, так и потеряться можно. Она хотела уйти – поднялась, отряхнулась. Вдруг из ниоткуда появился ребенок с больными, желтыми глазами. Он прыгнул в качели и начал тихо смеяться; делиться счастьем он не собирался, только хвастаться перед теми, кто отобрать не сможет. Маша посмотрела на него с завистью.

Она выдумывала ему гадости, но потом устала и закурила. Ребенок увидел, как руки у девушки горят, а с ними и щеки, оранжевым, добрым огоньком. Он подошел и представился:

– Меня Васька звать. А дайте огонек!

– Тебе не рано-то курить?

– А когда в самый раз?

– Когда все надоест.

– Мне качели надоели.

– А у тебя больше ничего нет?

– Больше ничего.

Маше не хотелось разговаривать с ним, и она протянула ему свою руку, покрытую прозрачными волосами и венами. Из кончиков пальцам еле дышал огонь. Васька притронулся к ним и отпрянул руку. Маша засмеялась.

– Дурак! Ты что, не знаешь, как огонь опасен?

– Так я думал добрый он, как вы.

– А почему ты решил, что я добрая?

– Чувствую это. Вы мне во снах снились. Ну, не вы, а похожая девочка на вас. Маленькие глазки, бледная, короткие от испуга волосы. Быль наяву.

– И ты не верил, что огонь настоящий?

– Нет, – Васька снял шляпу и оторвал копну волос, – вы голодная?

– Да, – Маша взяла из рук Васьки волосы и довольно захрустела. Сладкие, детские. Как леденцы в забытом прошлом.

– Приятного.

– Ты что не дома-то? – спросила Маша.

– Нету дома. Нету ничего.

– А хочешь что?

– Жену хочу. И меч рыцарский.

– Ты на война не похож.

– Я им стану, обязательно. Защищать дом буду.

– У тебя когда день рождения?

– Вчера был.

– А до этого тебя не было?

– Не было. Я таким и родился.

Земля дрожала от мурлыканья подслонных кошек. Деревья закрывали стволы ветками. Небо начало медленно переливаться красками.

– Давай ты мне поможешь, а я тебе меч подарю? – сказала Маша Ваську.

– Врете.

– Не вру, – улыбнулась Маша; она опустилась на колени и приблизилась к Ваську. От смущения тот покраснел.

– А что сделать надо?

– Пойдем со мной, поможешь мне вернуть кое-что.

Маша взяла под руку Васька. Тот боялся к ней прикасаться, но рука остыла, огонь погас, только тепло человеческое осталось. Идти было недалеко, и грудь Маши сжимала будущая вина. Она представляла, что будет дальше. Разожмет руку, и мальчик убежит, и она дальше пойдет по городу шататься, пока не упадет где-нибудь, где людей поменьше и земля теплее. А если не отпустит? Маша подняла голову и увидела, как черные тени летают вокруг нее, показывая большие пальцы. Они нежно целовали ее в шею, делились с ней теплом, отчего по коже бегали мурашки. Васька рассказывал, как летчиком хотел вчера стать, но понял, что летать это дело не людское, а высших сил, а он пока достоин только средних. Трава остриглась, резала лапы голубям.

Васька же рад был с Машей быть. Она высокая, одета не

то чтобы красиво, но хотя бы одета. Шаль из скатерти навела красоту, тело грело старое пальто, а голову от холода закрывал толстый шарф. И не хотелось ему отпускать руку, такую теплую. Никогда он подобного не чувствовал, словно крови некуда еще деваться.

Когда они подошли к подвалу, дом трясся и издавал страшные звуки. Васька побелел и сжался.

– Какой ты воин-то? – расстроилась Маша. – Тебе от этого дома меня придется защищать! Дай я тебя обниму.

Ему стало спокойнее. Храбрости другим человеком набрался. Маша, держась за перила, спустилась вниз.

– Рот какой-то, – дрожал Васька. – Лестница – скользкий язык. Куда это мы?

– К сердцу лезем, – ответила Маша. – К мужчине только через желудок. Не слышал?

– Нет, – недоумевал Васька.

– Вот так знай, – Маша стучала в дверь. – Открывай давай! Вернулась я!

Дверь приоткрылась. Из темноты на сосудах выполз глаз:

– Это суженый что ль? – спросил Виктор Григорьевич.

– Не пугай ребенка, – Маша силой открыла дверь и затянула Васька внутрь. – Хотя не, пугай. Он щитом моим стать хочет. Пусть перестает бояться.

Увидев Виктора Григорьевича на шести механических ногах, со всеми своими инструментами наружу, Васька поднял кулаки. Хоть и Виктору Григорьевичу не составило бы тру-

да оттяпать от Васька в два счета составляющие, он заполз в темноту и засмеялся.

– Слабак, Мария!

– Не говори так, – Маша сняла с Васька накидку, сделанную из дырявого пледа. – Он идеальный, и я люблю его. А ты меня?

Васька посмотрел на Машу и потерял дар речи. Ощущение тепла естественного грело кости и боль, продолжавшаяся со вчерашнего дня, утихла.

– И я, – ответил он, – очень сильно.

– И руку мне свою отдашь?

– Д-д-а, – неуверенно произнес Васька.

Виктор Григорьевич спустил свои клешни с потолка и взял Ваську за руки. Неповрежденные, нежные, впервые будто человеком тронутые. След только черный на них чувствовался, Маши прикосновение.

– А! – закричал Васька, когда Виктор Григорьевич над полом его поднял.

– Подойдет, Маша. Настоящий, блять, воин, – Виктор Григорьевич засмеялся и положил Васька на стол. – Сильным будешь, пацан? Обещал же?

– Я ничего не боюсь, – врал Васька; он отворачивал лицо, этим и палился.

– Обещаешь Марию любить при любых обстоятельствах?

Васька поднял голову, поборол свет яркой, как солнце, лампы, и увидел Машу грустную, слезы трущую с лица. В

тени черты становились четче, но не добрее. Васька многого в жизни не видел, потому он не знал, как ее реакцию трактовать. А знакомо было ему только страх да любовь. Маша и Виктор Григорьевич запретили бояться.

– Обещаю, – ответил Васька; Маша взяла его за руку. Голова закружилась, из вещей выполз полоумный сон.

– Умница. Мария, а с остатками что делать?

– Как хочешь, – ответила Маша, не понимая, грустит ли она или радуется. Непонятная печаль.

– Тогда уходи. Нечего бабе смотреть, как мужик творит, – сказал Виктор Григорьевич и повел Машу к двери.

– Когда приходиться то?

– Да ночью приходи, – Виктор Григорьевич посмотрел за плечо. – А у парня есть кто?

– Говорил, что нет, – задумалась Маша.

– Мария, это важно.

– Да нет никого, только я.

– Значит, приживется все, хе-хе.

Дверь захлопнулась перед Машиными глазами. Маша накрылась шарфом и зашагала в сторону реки. Мусорки пустели, кто-то все сожрал. Бычки докуривали до фильтров, ей ничего не оставалось. Выйдя к реке, она осмотрелась, нет ли хищников вокруг. В воде только пара махала плавниками, но она знала – не достанут. Ее клонило в сон, боль в желудке вынуждала выживать, отключаться. Маша поднялась и пошла дальше к трубам. Ни одного человека – местных вывез-

ли. Внутри железа стучали когти, живность издавала звуки. Не успев испугаться, Маша уснула, и дня будто бы и никогда и не было.

В три часа ночи она стояла у подвала. Спала плохо, просыпалась часто. Небрезгливых отгоняла прутьями, а брезгливые не лезли – нечего калек уродливых жевать. Маша качалась с ноги на ногу перед дверью, не могла больше ждать.

– Открывайте, Виктор Григорьевич.

Ни звука.

– Открывайте, кому говорю!

Ни звука.

На ее кулаке появился синяк, потом ушиб, потом и кровь пошла. Ногти ломались о железо. Женский крик распугивал чудовищ, чахнувших в канализации под бордюром. Дом очнулся, зашумел.

– Открывайте! Иначе всех на ноги поставлю, на колени сяду!

Дверь медленно открылась. Через знакомую уже темноту виднелся глаз, да не Виктора Ивановича. Детский, но в нем только остатки горели.

– Васька? – удивилась Маша.

Он ничего не ответил и исчез в темноте.

– Мария, заходи! – отозвался Виктор Григорьевич. – Права была – парень воин, я даже попутался сначала. Но поделом. Давай, на стол ложись, сейчас сделаем все.

– А Васька?

Он спрятался под стул. Имя его как приговор раздалось в комнате. Он затрясся и закрыл лицо руками, боясь увидеть дневные кошмары снова.

– А что с ним? – спросил Виктор Григорьевич.

– Ну... он...

– А, это. Это неважно. Давай ложись. Ты знаешь – будет больно. Новую руку пришить сложнее, чем оторвать.

На глазах Маши вытягивались пальцы. Кожа старела, становилась смуглой. Появился знакомый шрам от кошки-полторушки на запястье. Ногти обрели прилежный вид. Она прикоснулась к новой ладони – чувствует! Ею к лицу – необычное чувство.

– Виктор Григорьевич, спасибо! – Маша вскочила с кресла, но что-то преградило ей путь. Так же резко оно и исчезло из виду, оставляя за собой крошки, – Боже, что это?

– Да все то же, – Виктор Григорьевич вытирал руки об полотенце. – Ты-то, Мария, больше не совершай такого, ладно? Тут, не буду скромничать, мастерская работа была совершенна. Сомневаюсь, что еще кто так сможет и вообще приживется ли. Чай будешь пить?

– Я, пожалуй, пойду.

– Только это, сначала попрощайся с Васькой-то. Шкет! – крикнул Виктор Григорьевич. – Ползи сюда!

– Ползи?

Хватаясь одной рукой за пол, тянул свое тело Васька. Без руки и без ноги, царапая полом нос, он медленно подполз

к Маше. Она закрыла рот руками. Вместо руки и ноги – заплатки старые давно пропавшей с карты страны. Не успели зажить ранки, капли на полу тянулись.

– А нога-то где? – еле дыша, спросила Маша.

– Да вон там, на стенке висит. Не успел закончить. Все, давай, нельзя тебе такое видеть.

Дверь захлопнулась для Маши последний раз. Она вернулась к себе в комнату промерзшую, где все живое долго не жило; где цветы становились черными и тянулись к лампе на рабочем столе. В комнате настоялся запах зловонный, то ли мочи, то ли местной разливухи. Маша водила новой рукой по вещам. Иногда она отторгала руку, чувствуя опасность или гвозди в предметах. Из пальца потекла кровь маленькими каплями. Васька в подвале плакал, а Маша не могла понять, что нужно чувствовать.